

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2014 • АПРЕЛЬ—ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Конурбаев М.Э., Лингарт А.А.* Опыт лингвопоэтического сопоставления и филологического толкования английских переводов Библии: морфология, синтаксис, ритм 5

Методология перевода

- Иса Г.И.* Актуальные проблемы технического перевода в области строительства и архитектуры 21
- Опарина О.И.* К вопросу о переводе научных текстов (на примере работ Ч. Дарвина) 31
- Степанова М.А.* Реализация общей стратегии позитивной презентации в переводах внешнеполитических президентских выступлений лидеров США, Великобритании и России 42
- Фёдорова И.К.* Проблемы киноперевода в аспекте зрительского восприятия. 63

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Алексеева Е.А.* Имя собственное в аспекте перевода. 77
- Борисова Л.В.* Концептуальный анализ лексемы «зло» (русско-чувашские параллели) 88
- Петрова Е.В.* Перевод фразеологизмов с семантикой *удачи* как проблема межязыковой структурно-семантической и концептуальной асимметрии. 101
- Петророва Е.Г., Кремнева Ю.Г.* Синтаксические и пунктуационные трансформации при переводе английской модернистской прозы (на материале произведений Элизабет Боуэн) 109

Дидактика перевода

- Гаврилов Л.А., Курапова Е.А., Торсуков Е.Г.* Подготовка переводческих кадров в России (к истории вопроса) 125
- Кучерявенко В.В.* Методические особенности вводного курса юридического перевода для студентов переводческой специальности . .136
- Нараян Мита.* Перевод для специальных целей (теория и методика преподавания). 150
- Толмачёв С.Г.* Оптимизация системы подготовки военнослужащих со знанием иностранного языка в вооружённых силах Российской Федерации 155
- Шестакова Ди Франко Н.Н.* О преимуществах использования Интернета в преподавании последовательного перевода. 159

Вопросы терминологии

- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* О реконцептуализации проблем перевода и переводной лексикографии в трудах польских языковедов 171

Хроника научной жизни

- Миронова Н.Н.* IV Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» в Греции (25—30 апреля 2014 года) 193

Contents

General Translation Theory

- Konurbayev, M.E., Lipgart, A.A.* Glimpses of a Comparative Linguistic Poetic Analysis and a Literary Interpretation of the English Translations of the Bible: Morphology, Syntax, Rhythm 5

Translation Methodology

- Isa, G.I.* Technical Translation in the Fields of Architecture and Civil Engineering 21
- Oparina, O.I.* Translating Texts on Natural Science: A Case Study of Charles Darwin's Works 31
- Stepanova, M.A.* Realization of Positive Presentation of General Strategy when Translating American, British and Russian Foreign Policy Presidential Speeches 42
- Fyodorova, I.K.* Audiovisual Translation in Spectators' Perception 63

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Alekseyeva, Ye.A.* Proper Nouns in Translation 77
- Borisova, L.V.* Evil as a Linguocultural Concept: A Comparative Semantic Analysis of Words in the Russian and Chuvash Languages 88
- Petrova, Ye.V.* Interlingual Structural-Semantic and Conceptual Asymmetry: Translating Phraseological Units with the Semantics of "Luck" . . 101
- Petrosova, Ye.G., Kremneva, Yu.G.* Syntactic and Punctuation Transformations in Translations of Modernist English Fiction: A Case Study of Elizabeth Bowen's Works 109

Translation Didactics

- Gavrilov, L.A., Kurapova, Ye.A., Torsukov, Ye.G.* Training Professional Translators in Russia 125
- Kucheryavenko, V.V.* Methodological Aspects of the Introductory Course in Legal Translation for Students at Translation Departments. 136
- Narayan, Mita.* Translation for Specific Purposes: Theory and Methodology of Teaching. 150
- Tolmachyov, S.G.* Optimization of Military Linguists Training System in the Armed Forces of the Russian Federation 155
- Shestakova Di Franco, N.N.* Advantages of Using the Internet in Teaching Consecutive Interpretation. 159

Terminology Issues

Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A. Reconceptualization of Translation and Translation Lexicography Issues: A Case Study of Polish Linguists' Works 171

Chronicles of Scientific Life

Mironova, N.N. The 4th International Scientific and Practical Conference "The Russian Language and Culture in Translation" in Greece (April 25—30, 2014) 193

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

М.Э. Конурбаев,

доцент, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: marklen@konurbaev.ru

А.А. Липгарт,

профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: a_lipgart@mail.ru

ОПЫТ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ: МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС, РИТМ

Сравнение как универсальный метод филологического исследования имеет свои специфические черты, когда речь заходит о лингвопоэтике. Лингвопоэтическое исследование переводного текста направлено на то, чтобы проследить взаимодействие содержательной и формальной сторон текста, выявить сравнительную значимость стилистически маркированных языковых единиц для создания эстетического эффекта и понять, чем определяется уникальность того или иного произведения словесно-художественного творчества. История английских переводов Священного Писания насчитывает немногим более семи веков и включает в себя труды великих теологов и мыслителей, начиная с эпохи Реформации и до сегодняшнего дня: Джона Уиклифа, Уильяма Тиндейла, Майлза Ковердейла, Джона Роджерса и многих других. Руководствуясь мыслью о значительности Библии как литературного памятника среди других произведений английской литературы, данная статья посвящена оценке и сравнению различных переводов Библии на английский язык с целью установления формально-содержательных характеристик и эстетических особенностей различных вариантов перевода Священного Писания на английский язык в различные исторические эпохи с целью объяснить, чем определяется неповторимость и привлекательность этого текста в английском литературном наследии.

Ключевые слова: Библия, семантика, ритм, Библия Короля Иакова, авторизованная версия, Экклезиаст, Библия Уильяма Тиндейла, история литературы, Отче наш, лингвопоэтика, лингвостилистика, история религии.

Marklen E. Konurbaev, Professor at the English Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: marklen@konurbaev.ru

Andrey A. Lipgart, Professor at the English Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: a_lipgart@mail.ru

Glimpses of a Comparative Linguistic Poetic Analysis and a Literary Interpretation of the English Translations of the Bible: Morphology, Syntax, Rhythm

Comparison is a well-established method of philological research and has certain features when applied to a linguistic poetic study of a literary monument. It aims to reveal the relationship between the content and the form of the text and identify a comparative value of the stylistically marked units of the language in rendering their unique aesthetic weight in text. The history of the English translations of the Bible covers a span of nearly

seven and a half hundred years since Reformation until today. By comparing formal peculiarities of well-known versions of the Bible as well as the Book of Common Prayer this article seeks to place the Bible among other works of literary art in the English culture. This paper is based on the results of the research jointly conducted by Professors Andrey Lipgart and Marklen Konurbayev at the English Department of Lomonosov Moscow State University.

Key words: Bible studies, Authorized Version, King James Bible, Book of Common Prayer, Tyndale Bible, Ecclesiastes, semantics, rhythm, literary studies, poetics, linguistics, theory of translation, comparative linguistics, history of literature.

Мы предлагаем вниманию читателей развёрнутый лингвопоэтический анализ в трёх частях некоторых фрагментов Библии Короля Иакова. Каждая часть анализа представляет собой отдельный раздел, изучаемый лингвопоэтикой. В данном номере публикуется вторая из описанных частей.

IV. Сопоставительное рассмотрение ритмической организации библейских текстов¹

Сопоставительное рассмотрение ритмической организации библейских текстов сопряжено со сложностями особого характера, возникающими уже на уровне определения того, что такое ритм. Поскольку в данной работе ритм интересует нас как одно из многих средств, с помощью которых на читателя оказывается эстетическое воздействие, мы не будем вдаваться в терминологические изыскания и вслед за О.В. Александровой определим ритм как «периодическое чередование различных по длительности структурных единиц» [Александрова, 1984]. Определение это представляется нам несколько более близким к нашему пониманию ритма в данной работе, чем формулировка из «Словаря лингвистических терминов» («равномерное чередование ускорения и замедления, напряжения и ослабления, долготы и краткости, подобного и различного в произведении речи» [Ахманова, 1969]), так как слово «равномерный», скорее, будет применимо к стихотворным размерам, но не к ритму прозаических текстов.

Дело в том, что в основе просодической реализации синтаксического смысла предложений *в прозе* лежит интонационный контур, а не ритмометрическая структура как *в стихотворном тексте*. Постепенно нисходящая ступенчатая шкала, состоящая из последовательности ровных тонов, в зависимости от того, каков синтаксический статус оформляемых таким образом синтагмы или целого предложения, завершается восходящим или нисходящим тоном. Первый ударный элемент высказывания реализуется в верхней части нейтрального диапазона голоса, а каждый последующий ровный

---

¹ Продолжение. Начало см. в № 1 — 2014 г.

тон интервально как минимум (если прибегнуть к музыкальной терминологии) на малую секунду ниже предыдущего. Так называемая «ступенчатость» проявляется в силу ритмических свойств английской речи, которая благодаря особенностям английского ударения имеет неровный, «зубчатый» характер. Отличаясь значительной интенсивностью и резким изменением мелодической кривой, английское прозаическое ударение действительно оказывается сродни ударению стихотворному, однако полностью ему не соответствует. Видимо именно поэтому в анализе минимальных ритмических групп в прозе нередко используется понятие стопы. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям считать, что нейтральной английской речи присуща изохрония, т.е. повторение равноударных ритмических последовательностей через примерно равные промежутки времени. Однако, на наш взгляд, то, что рассматривается учёными как изохронность, в сущности является повтором однотипных метрических образований, т.е. изометричностью, которая в силу особенностей английской фонотактики является свойством, неотъемлемо присущим самому этому языку. Большая часть нейтральной английской лексики представлена односложными и двусложными словами. Ударение на первом слоге двусложных слов образует хореические метрические последовательности, а ударение на втором слоге — последовательности ямбические.

Характер примыкания безударных и слабоударных слов к полноударным словам определяет тип «стопы». Причём протяжённость интеракцентного интервала в синтагме может быть сколь угодно великой. Сильные «стопы» всё равно будут восприниматься на слух как сходные, соотносимые по метрическому типу, что и создаёт иллюзию изохронности, а, в сущности, является изометричностью [Конурбаев, 2001].

Из приведённого описания следует, что ритмическая структура наличествует в каждом произведении речи. Как и единицы сегментного уровня, ритм как таковой не обладает собственным «значением», и именно этот факт чрезвычайно затрудняет осмысление его места в лингвопоэтическом анализе художественных текстов. Даже если исследователю удастся соотнести ритм переводов Библии с одним из типов ритмической организации речи, это ещё не будет достаточным основанием для того, чтобы воспринимать каждое отступление от преобладающей структуры как эстетически значимое. По сути своей ритм может быть «актуализирован» в качестве орнаментального средства, но лингвопоэтическая нагруженность его выявляется обязательно в совокупности с другими языковыми факторами; не случайно ритмическая изошрённость далеко не всегда приводит к созданию действительно значительных произведений.

Ритмический анализ текста не является чем-то самодостаточным, однако не следует недооценивать его результаты, особенно в тех случаях, когда набор языковых единиц, потенциальные свойства которых могут быть актуализированы, оказывается довольно ограниченным, как это имеет место в библейских текстах. Если использование коннотативных слов или гномических речений не сопровождается некоторыми изменениями формальной структуры текста, то наблюдаемые факты семантического уровня не будут нуждаться в особых комментариях в силу их очевидности, и лингвопоэтическая интерпретация текста едва ли будет необходима. Поэтому понимание природы и характера ритмической организации английских переводов Библии, в которых практически не применяются такие приёмы, как аллитерация и ассонанс, и вообще отсутствуют рифма и размер, становится непременным условием адекватного восприятия анализируемого материала в единстве его языковой формы и понятийного содержания, что и составляет основную задачу лингвопоэтического исследования.

В книге «Registers and Rhythm» [Registers..., 1975] приводятся результаты проводившегося Т.Н. Шишкиной сопоставления ритмической организации научных и художественных текстов. При сравнении принимались во внимание: тип анакрузы, тип клаузулы, длина синтагм и величина интеракцентного интервала (расстояние между ударными слогами). Исследование показало, что в научных текстах длина синтагм колеблется от 2 до 20 слогов, тогда как в художественных она составляет приблизительно 2—13 слогов; интеракцентный интервал также различается: от 0 до 6 в первых, 2,5 (в среднем) в последних. Анакрузы по своим типам представлены следующим образом: нулевые — 22% (научные) и 16,5% (художественные), однодольные — 33 и 35%, двудольные — 22 и 30%, трёхдольные — 5,5 и 12%, четырёхдольные — 11,5 и 0,5%. Для клаузул приводятся следующие цифры: мужская — 28 и 43%, женская — 28 и 38%. дактилическая — 44 и 17%, гипердактилическая — 0 и 2%.

Вероятно, нет необходимости указывать на то, что цифры эти дают лишь самое общее представление о ритмической структуре научных и художественных текстов. Они отражают известные явления, с которыми повседневно сталкиваются люди, использующие английский язык: так, различие в величине интеракцентного интервала в научных и художественных текстах вполне очевидно и без специального анализа, если научный текст содержит достаточное количество слов романского происхождения, а в художественном тексте не обыгрывается официальный стиль; то же самое можно сказать и о длине синтагм. Приведённые нами данные ни в коем случае нельзя воспринимать механически (к примеру, на их основе относить к разряду научных такой текст, в котором содер-

жатыся синтагмы длиной в 20 слогов) и делать, исходя из них, далеко идущие выводы.

Для выявления основных интересующих нас параметров ритмической организации библейских текстов нами было проанализировано несколько отрывков повествовательного характера, в которых не наблюдалось в каком-либо отношении примечательного использования лексических, морфологических или синтаксических свойств входящих в них языковых единиц. К таким текстам нами была отнесена 2-я глава Евангелия от Матфея. Сопоставление данных ритмического анализа переводов этого текста из Библии Короля Иакова и из наиболее далеко отстоящего от неё в функционально-стилистическом плане GNB позволило сделать вывод о принципиальном подобии этих текстов с точки зрения их ритмической организации. Полученные результаты, разумеется, отличались от тех цифр, которые были приведены Т.Н. Шишкиной для научных и художественных текстов, однако важность проведённых подсчётов для лингвопоэтики определяется отнюдь не этими различиями.

При анализе ритмической организации библейских текстов необходимо было решить вопрос об акцентном статусе односложных слов, которые очень часто встречались в исследуемых отрывках и среди которых, согласно классификации В.М. Жирмунского, помимо «слов безусловно ударных» (полнозначных) и «слов безусловно неударных» (частицы, а также предлоги и союзы с исключительно формальным значением) имеются и «слова метрически двойственные» (местоимения, наречия, вспомогательные глаголы и т.п.) [Жирмунский, 1975]. Поскольку настоящая статья не является специальным исследованием в области акцентуации, проводимые подсчёты носят вспомогательный характер; по этой причине мы не пытались создать здесь каких-либо новых теорий и при определении акцентной структуры метрически двойственных слов руководствовались общим правилом, сформулированным академиком Жирмунским: «...двойственные односложные слова подвергаются атонированию (не всегда в одинаковой степени) в непосредственном соседстве ударения, сохраняя в соседстве неударного слога более или менее заметное ударение, уступающее, однако, по силе ударениям безусловно ударных слов» [там же]. Учитывая общую торжественность произнесения библейского текста и не имея возможности вдаваться в особые подробности, мы расценивали случаи, подпадающие под вторую часть правила, как пример полноценного ударения. На наш взгляд, те погрешности, которые могут при этом возникнуть, не должны ставить под сомнение ценность самих наблюдений — тем более что данное правило применялось при анализе всех без исключения переводов Библии.

Проведённый анализ показал, что в библейских текстах наличествуют те же типы анакруз и клаузул (правда, несколько в иной пропорции), что обнаруживаются в научных и художественных текстах. Существенно отличается от последних величина интеракцентного интервала (1,4 для Библии Короля Иакова и 1,3 в GNB), что объясняется использованием в текстах Библий большого количества односложных слов исконного англосаксонского происхождения. Длина синтагм в библейских текстах варьируется от 2 до 21 слога при средней 7,7 (AV) и 7,8 (GNB), но наибольшее количество синтагм приходится на интервал 4—10 слогов. Помимо указанных четырёх параметров мы также учитывали отношение ударных к общему количеству слогов в синтагме, которое составило приблизительно 40% (37% в Библии Короля Иакова, 39% — в GNB).

Разнообразие анакруз и клаузул ещё ничего не говорит об эстетической значимости самих текстов; в лучшем случае оно свидетельствует об отсутствии в них монотонности и о соответствии этих текстов акцентной структуре английского языка, которое пришлось бы взять под сомнение, если бы в них употреблялись исключительно пятидольные анакрузы и гипердактилические клаузулы. Наиболее существенной чертой в данном случае является отсутствие какой-либо регулярности в чередовании анакруз и клаузул разных типов. Появление такой регулярности (преимущественное применение одних типов и «подавление» других) потенциально может стать одним из источников эстетического эффекта, если оно сопровождает передачу содержательно значимых высказываний и сочетается с актуализацией прочих потенциальных свойств лексических единиц. В противном случае эту регулярность следует воспринимать как стилистический приём, выполняющий чисто орнаментальную функцию и не подлежащий рассмотрению с точки зрения лингвопоэтики. То же самое можно сказать и по поводу длины синтагм: использование синтагм в одном заданном интервале и полное исключение синтагм другой длины не проходят незамеченными при чтении текста и обращают на себя внимание читателя, хотя нередко ощущение новизны остаётся чисто внешним.

Интеракцентный интервал в обеих Библиях составляет в основном 1—2 слога (в Библии Короля Иакова на эти два типа приходится соответственно 45 и 25% от всех интервалов, в GNB — 46 и 28%). Изменение соотношения между этими двумя типами существенно влияет на звучание текста. При увеличении числа безударных слогов создаётся впечатление плавности, тогда как скопление ударных слогов (использование односложных ударных слов рядом друг с другом, что значительно сокращает интеракцентный интервал) на общем фоне делает содержащую их синтагму или целый

отрывок более «весомым» и значительным. Было бы неверным искать однозначное соответствие между типом ритмической структуры и содержанием текста, так как ритм не обладает собственной семантикой. Вместе с тем этот фактор нельзя не учитывать при лингвопоэтическом сопоставлении текстов, потому что часто именно он будет определять уникальность исследуемого произведения и отличать его от остальных, сходных с ним по всем прочим параметрам.

V. Исследование морфологических и синтаксических особенностей английских переводов Библии

Важной частью лингвопоэтического анализа библейских текстов является исследование морфологических и синтаксических особенностей текстов (в связи с последними необходимо будет затронуть вопрос о наречиях типа ‘thereof’ и ‘whereunto’). Выше мы уже говорили о том, что морфологическое оформление высказывания играет большую роль в гномических речениях и способствует выделению нагруженных в содержательном и эстетическом плане фраз на фоне остального текста. Хотя семантические свойства и характеристики соединяемых в художественном тексте языковых элементов неизбежно остаются определяющими в лингвопоэтическом исследовании, нельзя упускать из виду и те предельно обобщённые значения, которые передаются посредством разных морфологических категорий и могут оказаться эстетически значимыми.

Вопросу об особенностях использования глаголов ‘shall’ и ‘will’ в Библии Короля Иакова посвящён особый раздел в книге Т.А. Комовой «Модальный глагол в языке и речи» [Комова, 1990]. Разбирая морфологическую организацию отрывка из Апокалипсиса (11:9—11), Т.А. Комова высказывает чрезвычайно важную для настоящего исследования мысль: «Свободное использование грамматических форм, категориальное содержание которых не совпадает с их текстологическим содержанием, раскрывает не только богатые стилистические возможности английского глагола, но и доказывает художественность, то есть нереальность передаваемых событий: это воспоминание о будущем, то есть художественный рассказ о прошлом, которому придаётся сознательно модальность ожидаемого действия» [там же, 1990]. Понятно, что такого рода применение морфологических средств носит сугубо индивидуальный характер и по этой причине должно учитываться как эстетически нагруженное; в значительных по объёму текстах оно встречается достаточно редко. Это наблюдение необходимо принять во внимание при проведении непосредственно лингвопоэтического сопоставления переводов Библии.

Синтаксический параллелизм, употребление однородных перечислительных конструкций, а также паратактическая организация большинства предложений отмечались многими исследователями как основополагающие черты синтаксической структуры библейских текстов. В этом отношении между текстами не наблюдается существенных различий: ср.: “And the rain descended, and the floods came, and the winds blew, and beat upon that house; and it fell: and great was the fall of it” (AV) — “The rain poured down, the rivers overflowed, the wind blew hard against that house, and it fell. And what a fall that was!” (GNB).

В качестве другой характеристики синтаксических особенностей библейского текста исследователи называют частое использование причастных конструкций. В этом плане разные переводы Библии также отчасти совпадают (например, стих 23 из 4-й главы Евангелия от Матфея одинаково переведён во всех текстах с помощью однородных причастий ‘teaching’, ‘preaching’, ‘healing’). Однако в целом причастные конструкции в Библии Короля Иакова сохраняются чаще, чем в остальных переводах, — иногда даже в ущерб ясности изложения. Ср.: “being before instructed of her mother” (AV) — “prompted by her mother” (NIV), “at her mother’s suggestion” (GNB); “and Jesus knowing their thoughts said” (AV) — “and when Jesus saw their thoughts, he said” (Tyndale), “Jesus realized what they were thinking, and said” (REB), “Jesus perceived what they were thinking, so he said” (GNB). В большинстве случаев эти различия касаются лишь формальной организации высказывания, которая является той структурной основой текста, потенциальные возможности которой достаточно ограничены и чрезвычайно редко выходят на уровень функции воздействия.

Приблизительно так же можно прокомментировать употребление редких наречий типа ‘whereunto’, ‘whithersoever’, ‘thereof’, отсутствующих в современных переводах Библии и существенно меняющих синтаксическую структуру высказываний в более ранних текстах. Частое использование их в тексте Тиндейла и Библии Короля Иакова позволяет на том синхронном срезе соотнести их с функцией общения или же рассматривать их как случаи «автоматизации» стилистически маркированного речупотребления, и потому описательные конструкции, заменяющие их в современном языке, кажутся вполне уместными. Ср. “Whereunto shall I liken this generation” (AV) — “How can I describe this generation?” (REB), “To what can I compare...” (NIV, GNB).

В некоторых ситуациях эти наречия используются для оформления гномических речений, однако вопрос об их лингвопоэтической нагруженности следует решать с большой осторожностью. Нередко в ходе анализа выясняется, что выбор, сделанный пере-

водчиками Библии Короля Иакова, был обусловлен не стилистическими, а уже известными нам экстралингвистическими причинами; результат в этой ситуации оказывается обратным ожидаемому. Ярким примером такого не вполне удачного оформления текста служит гномическое речение “Sufficient unto the day is the evil thereof” (AV, Matt. 6:34), где коннотативные единицы лексического уровня ‘sufficient’, ‘evil’ и ‘thereof’ употреблены в составе сложной синтаксической конструкции с инвертированным порядком слов.

Попытка латинизации высказывания становится очевидной при сравнении Библии Короля Иакова с текстом Тиндейла: “For the day present hath ever enough of his own trouble”. Поэтому оправданным представляется стремление авторов современных переводов добиться торжественности и внушительности в этом случае не путём использования лексических средств, но с помощью одной лишь инверсии, как это сделано, например, в тексте REB: “Each day has troubles enough of its own”. Актуализация потенциальных свойств элементов нескольких уровней, наблюдаемая в Библии Короля Иакова, приводит к невнятности, из-за чего появляется мысль, что в данном случае её создателям просто изменил вкус.

Обнаруживаемые в ходе сопоставления текстов факты их различия на одном лишь лексическом уровне не могут рассматриваться как доказательство того, что более старый текст обладает большей эстетической ценностью. Помимо различий, обусловленных только диахроническими факторами, в современных текстах, действительно, встречаются примеры сознательного «понижения» общего стиля повествования по сравнению с Библией Короля Иакова. Однако даже эти случаи далеко не однозначны в силу того, что нередко переводчики Авторизованной Версии неоправданно «завышали» исходный для них текст Тиндейла.

Как показал стилистический анализ, рассмотренные тексты содержат сходный набор элементов функции воздействия; лишь переводчики GNB достаточно часто «нейтрализуют» общее повествование. Во всех сравниваемых текстах наблюдается использование коннотативных слов и словосочетаний, «конкретных» существительных в роли образов и символов (в том числе в составе гномических речений), соотносимых с функцией воздействия. При общности паратактической организации на синтаксическом уровне во всех переводах Библии языковые единицы нередко актуализируют свойства орнаментального характера (имеются в виду регуляризация акцентных чередований, ассонанс, аллитерация), которые также должны восприниматься как элементы функции воздействия. Эти средства применяются в библейских текстах значительно реже, чем, например, в произведениях Шекспира, но само наличие их указывает на принципиальную возможность про-

ведения лингвопоэтического анализа содержащих их отрывков, а функционально-стилистическое подобие сравниваемых текстов позволяет прибегнуть к их лингвопоэтическому сопоставлению.

VI. Лингвопоэтические особенности перевода Экклезиаста

Особый интерес в плане лингвопоэтического сопоставления библейских текстов представляют так называемые книги мудрости, ставшие источниками множества устойчивых оборотов речи, афористических высказываний, широко разошедшиеся в английской литературе XIX—XX вв. Рассмотрим начальные стихи знаменитой 3-й главы Экклезиаста, представляющие собой набор гномических речений типа «время жить и время умирать». Перевод этого отрывка в Библии Короля Иакова выглядит так: 1. To every thing there is a season, and a time to every purpose under the heaven; 2. A time to be born, and a time to die; a time to plant, and a time to pluck up that which is planted; 3. A time to kill, and a time to heal; a time to break down, and a time to build up; 4. A time to weep, and a time to laugh; a time to mourn, and a time to dance; 5. A time to cast away stones, and a time to gather stones together; a time to embrace, and a time to refrain from embracing; 6. A time to get, and a time to lose; a time to keep, and a time to cast away; 7. A time to rend, and a time to sew; a time to keep silence, and a time to speak; 8. A time to love, and a time to hate; a time of war, and a time of peace.

Перед тем как приступить к сопоставлению текстов, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что лингвопоэтическая ценность произведения ещё не определяется тем, что оно призвано передать некое сложное душевное состояние человека или свидетельствовать о глубине его переживаний. Если подходить к лингвопоэтике с этих позиций, то рассматриваемые нами тексты нельзя подвергать лингвопоэтическому анализу. Его можно проводить только тогда, когда исследователь отдаёт себе отчёт в том, какое содержание намеревался выразить в тексте автор, и готов проследить взаимодействие содержания с языковой формой вне зависимости от своего собственного отношения непосредственно к высказанной мысли. Желательно, конечно, чтобы содержание текста интересовало исследователя, так как в противном случае велика вероятность того, что анализ будет в большой мере формальным.

От приведённого нами выше отрывка не следует ожидать ничего, кроме того, на что он непосредственно направлен — представлять в афористичном виде философские рассуждения о том, что в жизни человека находится место для противоположных, взаимоисключающих событий, поступков и эмоций и что смена их подчинена некоей высшей и не человеком установленной закономер-

ности. На лексическом уровне мысль эта передаётся посредством многократного анафорического употребления существительного ‘time’ с неопределённым артиклем в функции номинации, которую не следует смешивать с классифицирующим обобщением. В составе единичного гномического предложения использование существительного с неопределённым артиклем можно было бы воспринять как пример обобщения через классификацию. Но поскольку в этом достаточно протяжённом отрывке речь идёт не о времени вообще, а о разных периодах в жизни человека, употребление неопределённого артикля в данном случае естественно воспринимать как пример реализации его онтологически первичной номинативной функции.

Гномическому характеру всего отрывка соответствует чрезвычайно экономное применение лексических средств. Существительное ‘time’ сочетается с парами антонимичных глаголов в форме инфинитива, и лишь в последнем стихе их сменяют существительные ‘war’ и ‘peace’, предваряемые предлогом ‘of’. По контрасту с общим стилем Библии Короля Иакова, переводчики которой часто были вынуждены производить «латинизацию» текста, в данном отрывке использование слов романского происхождения сводится, пожалуй, к обороту “refrain from embracing”. Значительность передаваемого содержания подчёркивается не путём употребления стилистически маркированных лексических единиц, но с помощью актуализации их коллигационных свойств.

Глаголы типа ‘plant’, ‘heal’, ‘break down’, ‘build up’, ‘get’, ‘lose’, ‘keep’, ‘cast away’, ‘rend’, ‘hate’ в функции общения естественно сочетаются с прямым дополнением, и их абсолютное употребление выглядит весьма необычно. Это отсутствие конкретизации того, кто является объектом действия, поднимает текст до уровня философского обобщения и полностью соответствует содержанию-намерению отрывка. Принцип параллелизма оказывается центральным для синтаксической организации текста и соблюдается последовательно вплоть до последнего стиха, о чём мы уже говорили выше.

В тексте GNB предпринята решительная попытка преодолеть «обезличенность» этого набора гномических предложений посредством упоминания Бога в первом стихе и последующего четырёхкратного повтора анафорической фразы “He sets (the time for)” во 2, 3, 6 и 8-м стихах. По сравнению с Библией Короля Иакова неизменным здесь остаётся только принцип синтаксического параллелизма и сохранение семантического контраста между членами внутрисинтагматического противопоставления. Контраст этот, в отличие от AV, где он выражен исключительно лексическими средствами, в ряде случаев обеспечивается благодаря применению отрицатель-

ной предикации, сводящей текст к прямолинейной передаче содержания: “the time for making love and the time for not making love, / the time for kissing and the time for not kissing”.

Перечисленные нами черты языковой организации текста GNB вкуче с изменением дейктической ориентации существительного ‘time’ от классификации к идентификации можно было бы считать лингвопоэтически не релевантными и рассматривать этот текст на равных правах с другими переводами Библии, если бы в нём не наблюдалось другого, весьма существенного момента. Если фразу “the time for sorrow and the time for joy” можно признать функционально-стилистически соответствующей варианту Библии Короля Иакова “a time to weep and a time to laugh”, то последовательное использование герундия там, где Библия Короля Иакова даёт стилистически маркированное употребление абсолютных форм переходных глаголов, полностью меняет функционально-стилистическую ориентацию текста. То промежуточное положение, которое занимает герундий между существительным и глаголом, лишает слова типа “the time for tearing down and the time for building” какой бы то ни было значительности, и текст превращается в простое перечисление противоположных действий, к тому же довольно нескладно оформленное из-за применения отрицательной предикации.

Таким образом, сопоставление этих двух текстов позволило выявить наличие в них сходных черт языковой организации, а именно семантического контраста и синтаксического параллелизма. Помимо этих общих черт в ходе анализа для Библии Короля Иакова нам удалось определить такие лингвопоэтически значимые элементы, как а) использование анафоры, менее выразительное в GNB ввиду появления второго анафорического оборота, б) выражение семантического контраста лексическими средствами и, главное, в) употребление стилистически нейтральных глаголов в несвойственной им морфосинтаксической модели, придающее тексту значительность и необычность. Сравнение текста Библии Короля Иакова с двумя другими современными переводами не даёт столь очевидных результатов (текст Тиндейла, практически не переводившего Ветхий Завет, по понятным причинам не может быть использован при сопоставлении). Значит ли это, что три оставшиеся текста являются идентичными с точки зрения лингвопоэтики? Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Расхождения между переводами на уровне лексической организации могут быть признаны стилистически не релевантными (ср. переводы 6-го стиха: “A time to get, and a time to lose”, AV; “a time to seek and a time to lose”, REB; “a time to search and a time to give up”, NIV). Однако в других случаях при внешней незначительности замена ‘purpose’ на ‘activity’ или ‘cast away’ на ‘throw away’

и ‘discard’ нарушает стилистическую однородность лексики, которая наблюдалась в Библии Короля Иакова и которая естественна и необходима для передачи одной и главной мысли отрывка. Однако не этими факторами будет в конечном итоге определяться лингво-поэтическая ценность каждого из этих текстов, на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях обнаруживающих в остальном практически полное сходство. Обратимся к анализу ритмической организации текстов.

Общая для всех, кроме первого, стихов однодольная анакруза и наличие в большинстве синтагм, являющихся частью семантического противопоставления, двух ударных слогов (“a time to be born, and a time to die”) в известной мере определяют ритмическую структуру текстов. При отсутствии варьирования других параметров возникает реальная угроза того, что тексты начнут звучать монотонно и из-за сознательного отказа переводчиков от использования коннотативных слов, требующих специфического просодического оформления, перестанут восприниматься как нечто содержательно и эстетически значительное, а превратятся в набор расхожих истин, механически подогнанных под одну морфосинтаксическую модель. Переводчики Библии Короля Иакова, видимо, осознавали эту опасность и поэтому чередовали такого рода синтагмы с фразами, имеющими совершенно иную ритмическую структуру. “A time to pluck up that which is planted” (AV, 2 стих), “a time to gather stones together” (5 стих), “a time to refrain from embracing” (5 стих), “a time to keep silence” (7 стих) отличаются по акцентной структуре от других синтагм и устраняют намечающуюся монотонность, которая возникает в других текстах.

В обеих современных Библиях во втором стихе употреблена фраза “a time to uproot”. Увлёкшись применением продуктивной для данного текста морфосинтаксической модели и заботясь о сохранении основного ритмического рисунка, переводчики NIV в 5-м стихе используют в абсолютивной форме глагол ‘refrain’, в функции общения требующий не прямого, а предложного дополнения с ‘from’. В результате сама фраза становится несколько невнятной, так как обеспечиваемый в остальных случаях антонимический контраст между парами глаголов здесь отсутствует, а монотонность ритмической организации текста не позволяет читателю сосредоточиться на его содержании, тем более что оставшиеся три стиха (6—8) имеют в NIV точно такую же акцентную структуру.

При всей кажущейся несущественности отмеченных различий они являются определяющими для осознания лингвопоэтической нагруженности разных элементов языковой организации текста. С нашей точки зрения, переводчики Библии Короля Иакова сумели в данном случае совместить экономное использование языковых

средств с действительной актуализацией их потенциальных свойств, служащих для адекватной передачи понятийного содержания анализируемого отрывка. Именно этим и определяется особое лингвопоэтическое своеобразие текста AV, который в этом смысле так или иначе, в большей или меньшей степени отличается от других переводов разбиравшегося нами отрывка из 3-й главы Экклезиаста.

Список литературы

- Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984. 211 с. [*Aleksandrova O.V. Problemy ekspressivnogo sintaksisa. M., 1984. 211 p.*].
- Ахманова О.С.* О стилистической дифференциации слов // Сб. статей по языкознанию. Проф. МГУ акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия. М., 1958. С. 24—39 [*Akmanova O.S. O stilisticheskoi differenciacii slov // Sb. statej po jazykoznaniju. Prof. MGU akad. V.V. Vinogradovu v den' ego 60-letija. M., 1958. S. 24—39*].
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 608 с. [*Akhtanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1969. 608 s.*].
- Борхес Хорхе Луис.* Пьер Менар, автор «Дон Кихота» // Мистические рассказы. М.: АСТ, 2002 [*Borges Jorge Luis. Pier Menar, avtor "Don Kikhota" // Misticheskie rassказы. M.: AST, 2002*].
- Вербицкая М.В., Тыналиева В.К.* Вторичный текст и вторичные элементы в составе развёрнутого произведения речи. Фрунзе, 1984. 102 с. [*Verbickaja M.V., Tynalievja V.K. Vtorichnyj tekst i vtorichnye elementy v sostave razvernutoho proizvedenija rechi. Frunze, 1984. 102 s.*].
- Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. 360 с. [*Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. O jazyke khudozhestvennoj prozy. M., 1980. 360 s.*].
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. 388 с. [*Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Jazyk i stil' russkikh pisatelej. Ot Karamzina do Gogolja. M., 1990. 388 s.*].
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971. 238 с. [*Vinogradov V.V. O teorii khudozhestvennoj rechi. M., 1971. 238 s.*].
- Виноградов В.С.* Восприятие текста и его воссоздание в процессе художественной литературы // Филол. науки. 1974. № 1. С. 65—71 [*Vinogradov V.S. Vosprijatie teksta i ego vossozdanie v processe khudozhestvennoj literatury // Filol. Nauki, 1974. N 1. S. 65—71*].
- Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М., 1991. 448 с. [*Vinokur G.O. O jazyke khudozhestvennoj literatury. M., 1991. 448 s.*].
- Григорьев В.П.* К вопросу о слове как экспрессеме // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970. С. 59—60 [*Grigoriev V.P. K voprosu o slove kak ekspresseme // Aktual'nye problemy leksikologii. Minsk, 1970. S. 59—60*].
- Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Л., 1979. 493 с. [*Zhirmunskij V.M. Sravnitel'noe literaturovedenie. L., 1979. 493 s.*].
- Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. 404 с. [*Zhirmunskij V.M. Teorija literatury. Poetika. Stilistika. L., 1977. 404 s.*].
- Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л., 1975. 664 с. [*Zhirmunskij V.M. Teorija stikha. L., 1975. 664 s.*].

- Задорнова В.Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984. 152 с. [*Zadornova V.Ja.* *Vosprijatie i interpretacija khudozhestvennogo teksta.* М., 1984. 152 s.].
- Задорнова В.Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992. 479 с. [*Zadornova V.Ja.* *Slovesno-khudozhestvennoe proizvedenie na raznykh jazykakh kak predmet lingvopojeticheskogo issledovaniya:* Diss. ... dokt. filol. nauk. М., 1992. 479 s.].
- Задорнова В.Я.* Филологические основы перевода поэтического произведения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1976. 19 с. [*Zadornova V.Ja.* *Filologicheskie osnovy perevoda pojeticheskogo proizvedeniya:* Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. М., 1976. 19 s.].
- Комова Т.А.* Модальный глагол в языке и речи. М., 1990. 140 с. [*Komova T.A.* *Modal'nyj glagol v jazyke i rechi.* М., 1990. 140 s.].
- Конурбаев М.Э.* Библия Короля Иакова в лингвопоэтическом освещении: Спецкурс (учебно-метод. пособие). М.: Диалог-МГУ, 1998 [*Konurbaev M.E.* *Biblija Korolja Iakova v lingvopojeticheskom osveshhenii:* Speckurs (uchebno-metod. posobie). М.: Dialog-MGU, 1998].
- Конурбаев М.Э.* Библия короля Иакова: литературный плагиат, политический манифест или библиографическое открытие? // Библия короля Иакова: 1611—2011. Культурное и языковое наследие / Отв. ред. Е.Б. Яковенко. М.: БукиВеди, 2013. С. 75—86 [*Konurbaev M.E.* *Biblija korolja Iakova: literaturnyj plagiat, politicheskij manifest ili bibliograficheskoe otkrytie?* // *Biblija korolja Iakova: 1611—2011. Kul'turnoe i jazykovoe nasledie* / Отв. ред. Е.В. Яковенко. М.: BukiVedi, 2013. S. 75—86].
- Конурбаев М.Э.* Стиль и тембр текста. М.: МАКС-ПРЕСС, 2001 [*Konurbaev M.E.* *Stil' i tembr teksta.* М.: MAKS-PRESS, 2001].
- Конурбаев М.Э.* Тембральная организация английской речи (на материале Библии короля Иакова): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993 [*Konurbaev M.E.* *Tembral'naja organizacija anglijskoj rechi (na materiale Biblii korolja Iakova):* Diss. ... kand. filol. nauk. М., 1993].
- Липгарт А.А.* О принципах и методах лингвопоэтического исследования художественных текстов // Язык, литература, культура: традиции и инновации (материалы конференции молодых учёных). М., 1993. С. 33—34 [*Lipgart A.A.* *O principakh i metodakh lingvopojeticheskogo issledovaniya khudozhestvennykh tekstov* // *Jazyk, literatura, kul'tura: tradicii i innovacii (materialy konferencii molodykh uchenykh).* М., 1993. S. 33—34].
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое сопоставление: теория и метод. М., 1994. 276 с. [*Lipgart A.A.* *Lingvopojeticheskoe sopostavlenie: teorija i metod.* М., 1994. 276 s.].
- Липгарт А.А.* Метаязык лингвопоэтических исследований // Терминоведение. 1994. № 1. С. 137—140 [*Lipgart A.A.* *Metajazyk lingvopojeticheskikh issledovanij* // *Terminovedenie.* 1994. N 1. S. 137—140].
- Липгарт А.А.* Ольга Сергеевна Ахманова: Очерк жизни и научного творчества. М., 2013 [*Lipgart A.A.* *Ol'ga Sergeevna Akhmanova: Oчерk zhizni i nauchnogo tvorchestva.* М., 2013].

- Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. М., 2013 [*Lipgart A.A.* *Osnovy lingvo-rojetiki.* М., 2013].
- Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: теория и практика: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1991. 47 с. [*Polubichenko L.V.* *Filologičeskaja topologija: teorija i praktika: Avtoref.diss. ... dokt. filol. nauk.* М., 1991. 47 s.].
- Саматов Б.А.* Словарь современного английского языка в действии: от понятия к слову и от слова к смыслу: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992. 43 с. [*Samadov B.A.* *Slovar' sovremennogo anglijskogo jazyka v dejstvii: ot ponjatija k slovu i ot slova k smyslu: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk.* М., 1992. 43 s.].
- Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959. С. 342 [*Smirnickij A.I.* *Morfologija anglijskogo jazyka.* М., 1959. S. 342].
- Томашевский Б.В.* Пушкин. Опыт изучения творческого развития. М.; Л., 1956. Кн. 1. 743 с.; М.; Л., 1961. Кн. 2. 575 с. [*Tomashevskij B.V.* *Pushkin. Opyt izuchenija tvorčeskogo razvitija.* М.; Л., 1956. Кн. 1. 743 s.; М.; Л., 1961. Кн. 2. 575 s.].
- Registers and Rhythm / Ed. by O. Akhmatova, T. Sishkina. М., 1975. 169 p.
- The Bible Designed to Be Read as Living Literature, the Old and the New Testament in the King James Version / Ed. by E.S. Bates, W. Allison. Simon & Schuster, 1993. 1258 p.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Г.И. Иса,

магистрант Казахского национального университета имени аль-Фараби,
г. Алматы (Казахстан); e-mail: gulfaruz.issa@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ

В статье рассмотрены основные проблемы, возникающие при переводе технических текстов с русского языка на казахский. Технический перевод текстов требует не только знание языков, но и знание научно-технического стиля текста, отраслевой терминологии, умение различать внутри- и межотраслевую полисемию между смежными сферами науки и техники. С ростом спроса на научно-техническую литературу на казахском языке больше уделяется внимания совершенствованию переводческой технологии и созданию технической терминологии по отраслям. В статье анализируются переводческие ошибки и трудности, включающие такие факторы, как своеобразие каждого из языков, профессиональная компетенция специалиста-переводчика и особенности типа текста и конкретного текста оригинала. Сделанные в настоящей статье выводы об основных проблемах перевода научных и технических текстов служат основой для дальнейшего исследования вопроса научно-технического перевода на казахский язык.

Ключевые слова: научно-технический перевод, казахский язык, переводческие ошибки, сопоставительный анализ текста, терминология, профессионализмы.

Gulfairuz I. Isa, Master's Degree Student at Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: gulfaruz.issa@mail.ru

Technical Translation in the Fields of Architecture and Civil Engineering

The article describes the main issues of translating technical texts from Russian into Kazakh. Technical translation requires not only a good command of a foreign language, but also a number of technical and scientific writing skills, knowledge of a specific terminology, as well as the ability to distinguish intra-industry and inter-industry multiple meanings in allied sciences and technologies. With a growing demand for scientific and technical literature in the Kazakh language, more attention is paid to the improvement of translation technology and the development of specific terminologies for various industries. The article is an analysis of translation errors and difficulties, including such factors as: the individuality of any language, the translator's professional competence and the features of the text type and a specific original text. The article provides the basis for further study of scientific and technical translation into the Kazakh language.

Key words: scientific and technical translation, the Kazakh language, translation mistakes, comparative analysis, terms and definitions, professional terminology.

Технический перевод — один из самых сложных видов перевода. От других видов перевода он отличается специфической терминологией и стилем изложения. Техническому переводчику вместе со знанием языка требуются отраслевые знания в области темы перевода и терминов.

Перевод рассматривается как две жизни одного содержания текста. Содержание текста — «совокупность элементов семантики и структуры текста, фиксируемых получателем и участвующих в формировании смысла текста, который в свою очередь не сводится только к значениям, реализованным в тексте, но представляет собой глобальное целостное понимание текста, основанное в том числе на фоновых знаниях, представлениях о положении дел в реальном мире, знаниях предметной области, о которой идёт речь, знании ситуации общения» [Максютина, 2010, с. 49]. Как писал выдающийся мыслитель, исследователь языка М. Бахтин: «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже *двух сознаний, двух субъектов*» [Вестник ТГПУ, 2010, с. 325].

Проблемам межъязыковой коммуникации посвятили свои труды учёные В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.К. Латышев, А.Ф. Ширяев, Е.В. Бреус, Н.Я. Галь, С.Г. Тер-Минасова, Ю.А. Сорокин.

Немаловажная роль в переводоведении отводится выявлению и изучению переводческих ошибок. Классифицируя ошибки в устном и письменном переводе, учёные-переводоведы анализируют возможные причины этих ошибок. В настоящей статье попробуем представить наиболее значимые и часто встречающиеся переводческие ошибки на казахском языке.

Л.К. Латышев объясняет все ошибки недостатками в трансляции исходного содержания и в адаптации содержания и формы текста на языке перевода к коммуникативной компетенции адресатов [Комиссаров, 1997, с. 134]. Первые, с точки зрения автора, представляют собой:

1) искажения, при которых переводной текст вводит в заблуждение относительно предмета сообщения, вызывает неадекватные представления и эмоции;

2) неточности — искажения «с меньшей степенью дезинформирующего воздействия, меньшей степенью неадекватности потенциального коммуникативного эффекта»;

3) неясности — «функционально-содержательный изъян переводного текста, в результате которого затемняется смысл переводного высказывания, достаточно чётко выраженный в исходном тексте, то есть в переводе не вполне ясно, что хотел сказать автор» [там же].

Известный теоретик перевода В.Н. Комиссаров подразделяет ошибки на две группы. Ошибки первой группы:

1) полностью искажающие смысл текста;

2) неточности перевода, не передающие или неправильно передающие какую-то часть смысла, но не искажающие полностью его содержание;

3) шероховатости стилистического характера, связанные с неудачным выбором слова или громоздкой структурой фразы и требующие редакторской правки, хотя и не влияющие на точность передаваемой информации.

Вторая группа включает всевозможные нарушения норм и узуса языка перевода: сочетаемости слов, грамматических, орфографических, пунктуационных и т.п. [Бахтин, 1979, с. 48].

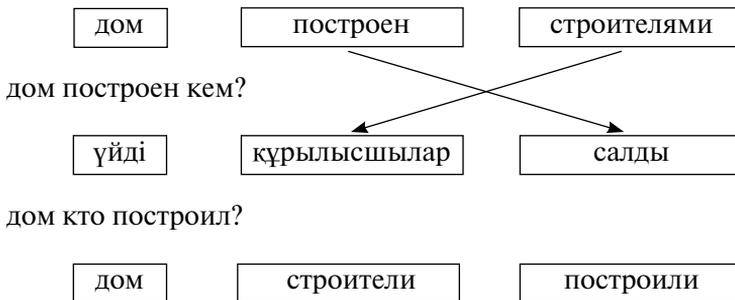
Среди типичных ошибок при переводе научно-технических текстов с русского языка на казахский на первом месте находится дословный перевод. Такая ошибка, которая должна корректироваться на этапе постпереводческого анализа, допускается как при передаче терминов, так и при передаче грамматических конструкций.

Предложения научно-технического текста строятся в строгой логической последовательности. Вместе с тем синтаксис научного стиля в русском и казахском языках имеет свои характерные отличия, которые зависят от типологического устройства сопоставляемых языков. Казахский язык относится к агглютинативной группе языков, русский — к флективным языкам; эти языки — разносистемные, они качественно отличаются друг от друга. Как писал чешский учёный Иржи Левый: «Несомненно, основным лингвистическим вопросом является вопрос о том, что общего между двумя языками, участвующими в процессе перевода, и чем они отличаются друг от друга. Это сравнительное изучение было поднято на высшую ступень благодаря двум тенденциям новейшей лингвистики: с одной стороны, к уяснению языковых универсалий (universals of language), т.е. элементов, общих для всех языков, а с другой — к уяснению того, как специфические черты языковой системы формируют видение мира (vision du monde) у тех, кто привык изъясняться на данном языке (гипотеза Уорфа — V.L. Whorf)» [Левый, 1974, с. 35]. Сопоставительное изучение лексических объединений двух контрастирующих языков (русского и казахского) остро развивается в русле проблем русско-казахского и казахско-русского перевода. Одну из таких проблем в текстах научно-технического характера составляет грамматическая конструкция, которую учёные называют пассивной, или страдательной.

В.В. Виноградов отметил: «У современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа» [Виноградов, 1972, с. 142]. Д.Э. Розенталь приводит 14 видов применения этого падежа, один из которых — творительный производителя действия. «Творительный производителя действия (действующего лица) указывает на субъект действия в страдательном обороте или в безличной конструкции. *Ошибка допущена учеником. Молнией зажгло дерево*». Страдательный оборот русского языка вызывает затруднения при переводе на казахский язык, потому что функция

данной пассивной конструкции в казахском языке отличается от грамматического показателя страдательного залога в русском. «Страдательный залог по значению соотносится с действительным залогом, но имеет свою морфологическую и синтаксическую характеристику. Страдательный залог выражается присоединением к глаголам действительного залога аффикса -ся (ср.: *Рабочие строят дома. — Дома строятся рабочими*). ...Важнейшим грамматическим показателем страдательного залога является творительный падеж существительного со значением деятеля, реального субъекта действия» [Валгина, 2002]. То есть на примере «Дома строятся рабочими» присутствует деятель действия (рабочие), выраженный творительным падежом.

Русским глаголам страдательного залога без субъекта действия обычно соответствуют казахские глаголы того же страдательного залога «дом построен — үй салынды». Однако страдательное значение русских глаголов наиболее ясно проявляется при наличии субъекта действия, который оформляется творительным падежом. В казахском языке при глаголах страдательного залога субъект отсутствует. Русским страдательным конструкциям с творительным падежом (страдательным оборотам) обычно соответствуют действительные обороты в казахском языке: дом построен строителями — дом построили строители.

Данная конструкция в русском языке является «ловушкой» для неопытных переводчиков. В научно-технических, рекламных текстах на казахском языке часто допускаются ошибки при переводе страдательных оборотов по причине того, что не учитывается вышеизложенная грамматическая особенность страдательного залога в казахском языке, и данные конструкции переводятся дословно, что противоречит правилам грамматики казахского языка.

В казахском языке, как и в других тюркских языках, значительную роль в словообразовании играет морфологический способ словообразования: аффиксация (суффиксация и префиксация). В данной

статье рассмотрим применение при переводе лично-притяжательных окончаний.

В казахском языке лично-притяжательные окончания используются очень часто, значительно чаще русских притяжательных местоимений. По данному признаку казахский язык схож с английским. В английском языке широко используется предлог of для передачи видо-родовых отношений, а в казахском для выражения принадлежности кроме притяжательных местоимений применяются лично-притяжательные окончания. В русском языке принадлежность обозначается при помощи притяжательных местоимений: мой дом, твоя книга и т.д. Эта особенность и толкает переводчиков к ошибке. Например, *высотные здания, характеризующиеся большими и неравномерными нагрузками на фундамент и основание...* В данном обороте «фундамент», «основание» и «нагрузки» принадлежат зданиям, но так как в русском языке нет притяжательного окончания, принадлежность определяется на логическом уровне, а на казахский язык переводится с соответствующим окончанием: *irgetas+ы мен негіздіг+і+не түсетін үлкен әрі әркімкі жүктемелер+і+мен сипатталатын зәулім ғимараттар...*

Сейчас в Казахстане и во всех постсоветских странах идёт процесс создания своей терминологической базы во всех областях научно-технической и хозяйственной деятельности. Однако этот процесс усложняется тем, что перевод терминов на родной язык не всегда является качественным. Терминологические трудности при переводе связаны, как правило, со следующими причинами:

- расхождения в значении терминов в разных языках;
- расхождения в терминосистемах;
- отсутствие готового соответствия в языке перевода;
- синонимия терминов;
- многозначность терминов;
- широкая семантика терминов.

Из-за различия терминосистем исходного языка и переводного языка возникают проблемы достижения эквивалентности перевода. Составляющие терминосистему — слова (словосочетания), обозначающие понятие специальной области знания или деятельности [Бархударов, 1975, с. 6]. Термины имеют различную структуру: термины-слова, или однословные термины (к ним могут быть отнесены сложные термины, образованные сложением основ и имеющие слитное или дефисное написание), и термины-словосочетания (составные, многокомпонентные термины).

В казахском языке затруднение при переводе составляют термины, образованные от корневых компонентов интернациональных терминов с помощью соединительных гласных русского языка *о, е*. В терминологическом словообразовании традиционно действует

правило сложения терминов из интернациональных составных частей, базовых терминологических элементов, при этом членимость даже незнакомого слова очевидна [Дьяченко, 2003]. Например, газосварка, металлокерамика, электродрель и т.д. Особенностью перевода данных слов на казахский язык является перевод первой части по функциональному признаку. Например, металлокерамика — *металл қыш* (признак керамики), газосварка — *газбен-электрмен дәнекерлеу* (средство сварки). Большую проблему создают многокомпонентные термины, функциональные характеристики которых обозначают средство выполнения каких-либо действий. Например, пароводяные подогреватели, водо-водяные подогреватели. Если переводить как изафетную конструкцию, получается бусузылытқыштар, сусузылытқыштар. В первой конструкции обратный перевод даёт значение подогреватели пара и воды, во второй — подогреватели воды и воды. В подобных случаях обязательна консультация с отраслевыми специалистами, мы же приведём определение данного термина: «Подогреватели пароводяные предназначены для нагрева воды в тепловых системах горячего водоснабжения и отопления насыщенным паром от паропроводов низкого давления или паровых котлов», т.е. вода нагревается паром, а в случае с водо-водяными подогревателями — водой. Первые компоненты данных конструкций «*пар*» и «*вода*», которые являются средством выполнения процесса нагрева, переводятся на казахский язык творительным падежом, который обозначает средство, орудие действия: *бумен сұзылытқыш*, *сумен сұзылытқыш*. Конечно, данные конструкции не отвечают требованиям терминоведения об экономии слова, но данная принадлежность одного из компонентов в структуре терминов исходного языка и языка перевода к различным частям речи можно объяснить различиями в грамматическом строе языков и исторически сложившимися особенностями каждого языка.

Изафетные сочетания являются продуктивным методом терминологического образования в архитектурной и строительной отрасли. Исследователи различают в казахском языке три типа изафета: первый тип — сочетание двух существительных путём примыкания; второй тип — определяемое принимает аффикс принадлежности третьего лица; в третьем — определение употребляется в родительном падеже, а определяемое имеет аффикс принадлежности.

При переводе на казахский язык некоторые трудности создаёт первый тип изафета. Например, в словосочетаниях «картонная упаковка», «бетонная конструкция», «каменное сооружение» первые компоненты являются прилагательными, образованными от существительных с помощью суффиксов. Эти суффиксы и вводят в заблуждение переводчиков. Особенность данного типа казахского

изафетного сочетания заключается в том, что первое существительное из двух сочетаемых в данной конструкции является субстантивным прилагательным и не требует соединения суффикса, образующего прилагательное -лы/-лі, -ды/-ді, -ты/-ті. Итак, приведённые словосочетания нужно переводить как «*қатырма қаптама*», «*бетон құрылма*», «*тас имарат*», без суффикса путём сочетания субстантивированного прилагательного и существительного. Данное правило относится и к интернациональным компонентам подобных конструкций: *асфальтовая (asphalt) дорога* — *асфальт жол*, *вертикальный (vertical) шов* — *вертикал жік*, *номинальная (nominal) величина* — *номинал шама*.

Конечно, нельзя исключить применение суффиксов -лы/-лі, -ды/-ді, -ты/-ті в образовании прилагательных от существительных. Например, *тас+ты топырақ* — *каменистый грунт*, *құм+ды қабат* — *песчаный слой*, *тау+лы өңір* — *горный регион*. Из этих примеров видно, что данный суффикс обозначает присутствие, наличие какого-то предмета в составе чего-либо, и может переводиться с модальным значением «бар» (есть). Например, *көп бала+лы отбасы* — *көп баласы бар отбасы* — *многодетная семья*.

В некоторых случаях общеупотребительное слово в определённом контексте используется для обозначения предмета, который оно не означает в широком смысле, тогда такое слово также может быть отнесено к профессионализмам. Переводчик должен обращать пристальное внимание на контекст употребления слов и выражений, чтобы избежать ошибок и не попасть в ловушку «ложных друзей переводчика». Например, слова, образующиеся от корня «актив». Слово «активный» в русско-казахских словарях, даже в двуязычных терминологических словарях, переводится как «белсенді», «активность» — «белсенділік». В Словаре казахского литературного языка приведены значения данного слова: 1. Қажырлы, ынталы, жігерлі, что означает энергичный, усердный, активный. 2. Үздіксіз, тынымсыз — непрерывный, беспрерывный [Словарь казахского литературного языка, 2006, с. 254]. *Актив*, *активный* имеет многозначный характер, а перевод его одним словом сужает семантический объём понятия. Приведём в пример строительный термин *активная зона основания*. Под активной зоной основания принимается «толща грунта под подошвой фундамента, на нижней границе которой дополнительное давление от веса фундамента составляет 20% бытового давления на этой глубине». Ни один вариант из приведённых в Словаре казахского литературного языка не раскрывает данное значение, поэтому в данном контексте целесообразно оставить термин без перевода.

Определённые трудности может вызывать у переводчиков общенаучная лексика, в частности, слова с широким диапазоном

значений, низкочастотные слова с узкой семантикой и стилистически окрашенные лексические средства. Возможности отраслевых словарей по отражению общенаучной лексики ограничены, и, к сожалению, в настоящее время большое количество общенаучной лексики не зарегистрировано ни в общеязыковых, ни в технических словарях. Например, слово «помещение» в словарях переводится как «бөлме», «үй-жай». Название СНиП РК 3.02-11-2010 «Животноводческие, птицеводческие и звероводческие здания и помещения» звучит так: «Мал шаруашылығына, құс шаруашылығына және аң шаруашылығына арналған ғимараттар мен үй-жайлар». Первая часть сложного слова «үй-жай» означает «дом», и применяется только к жилищу человека. А в указанном контексте правильно употребить слово «кора-жай». Как сказал известный казахский учёный-лингвист К. Жубанов: «В языке редко встречаются слова, точно соотносящиеся по значению с каким-либо словом другого языка. Например, в русском языке есть родовое понятие “пастух”, но нет видового “қойшы”, “жылқышы”, и, наоборот, имеются видовые понятия “хлев”, “конюшня”».

В общенаучной лексике часто встречаются примеры внутриотраслевой полисемии, которые также являются ложными друзьями переводчика: организация (1. Объединение — ұйым, 2. Процесс — ұйымдастыру), перевод (1. Процесс — ауыстыру, аудару, 2. Результат деятельности — аударма, тәржіме) и т.д. Например, термин «устройство» может означать и процесс (глагол), и механизм, прибор (имя существительное). Можем привести в качестве примера название нормативного документа — СНиП РК 3.02-10-2010 «Устройства систем связи, сигнализации и диспетчеризации инженерного оборудования жилых и общественных зданий. Нормы проектирования». В названии на государственном языке фраза «устройства» переведена как процесс, действие — «орнату», а в данном контексте рассматриваемое слово стоит во множественном числе, что свидетельствует о принадлежности к существительному, поэтому слово переводится как «құрылғылары», т.е. в значении «прибор».

Также встречаются случаи, когда значения, в которых выступает термин, могут принадлежать различным узким областям науки и техники. В качестве наиболее показательного примера подобной межотраслевой полисемии можно привести термин «разработка». «РАЗРАБОТКА, -и, ж. 1. См. разработать — тщательно, всесторонне исследовать, подготовить... 2. Способ добычи ископаемых, а также место такой добычи (спец.). Подземная р. Открытая р.» [Ожегов, 1961, с. 644]. В первом значении обозначает *әзірлеу, әзірлеме*, во втором — *қазу, қазылым*. Еще один пример: ПЛОЩАДЬ — 1. В математике: часть плоскости, заключённой внутри

замкнутой геометрической фигуры. *П. треугольника*. 2. Незастроенное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы. *Красная Площадь в Москве*. 3. Пространство, помещение, предназначенное для какой-то цели. *Расширение посевной площади* [Ожегов, 1961, с. 515]. В первом значении данное слово переводится как *аудан*, во втором и третьем — имеет аналог *алаң*. В переводе на казахский язык часто происходит перевод данного термина не соответствующим значением в контексте аналогом.

Трудности возникают при переводе практически в любых языковых парах, и большинство переводческих ошибок совершается вследствие некомпетентности переводчика из-за незнания отраслевых особенностей текста, терминологии, буквализации значения слов и выражений. Переводчиков, которые профессионально занимаются научно-техническим переводом, можно разделить на две категории: 1) переводчики-инженеры, 2) переводчики-филологи. Это разделение отражает весьма важный признак уровня специальной компетенции — наличие филологического или специального образования. Но такое идеальное сочетание, при котором и предметная, и лингвистическая компетенция переводчика находятся на высоком уровне за счёт наличия двух высших образований — переводческого/филологического и специального, встречается достаточно редко. Но есть переводчики, которые умело пользуются справочной литературой в данной сфере и прибегают к помощи отраслевых специалистов, что способствует достижению эквивалентности при переводе научно-технических текстов, применению терминологии и профессионализмов, заложению основ информационной культуры, профессиональных базовых знаний и умений. Мы надеемся, что данное исследование поможет избежать проблем и ошибок при переводе в области архитектуры и строительства.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бельгер Г.* Ода переводу. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 418 с.
- Борисова Л.И.* Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского языка на русский. М.: ВЦП, 1979. 135 с.
- Валгина Н.С.* Современный русский язык / Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. М.: Логос, 2002. 528 с.
- Вестник ТГПУ. 2010. № 1 (91). С. 49—52.
- Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972. 718 с.

- Дьяченко В.В.* Новые слова-сложения со связанными корневыми компонентами интернационального характера в современном русском языке // ВІСНИК Житомирського державного університету імені Івана Франка (11), 2003 <http://studentam.net.ua/content/view/8276/97/>
- Идеи профессора К. Жубанова в области теории перевода и его роль в становлении казахской терминологии. Н.М. Байганина // Республикалық «Жұбанов тағылымы» конференцияларының материалдары (1989, 1994, 1996 ж.ж.). Ақтобе: Қ. Жұбанов ат. АУ РББ, 1998. С. 176—181.
- Комиссаров В.Н.* Теоретические основы методики обучения переводу. М.: Рема, 1997. 110 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Латышев Л.К.* Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения. М., 1981. 248 с.
- Латышев Л.К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания перевода. М.: Просвещение, 1998. 160 с.
- Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 394 с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: ГИИНС, 1961.
- Сагандыкова Н.* Основы художественного перевода. Алматы: Санат, 1996. 208 с.
- Словарь казахского литературного языка: В 15 т. Т. 3. Алматы: Арыс, 2006. 744 с.

О.И. Опарина,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ имени М.В. Ломоносова; старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: oloparina@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ (на примере работ Ч. Дарвина)

Статья посвящена передаче особенностей научных текстов при переводе. Одной из особенностей научного дискурса является его коммуникативность. Целью перевода является точная передача смысловой и коммуникативной направленности текста. Необходимость уделять особое внимание воздействию научного текста и его литературной ценности рассматривается на примере работы Ч. Дарвина «Происхождение видов» в переводе К.А. Тимирязева.

Ключевые слова: коммуникативность, эффект воздействия, переводной дискурс, научный стиль, смешение стилей.

Olga I. Oparina, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics, Lomonosov Moscow State University, and the Department of the Theory and Practice of Teaching the English Language at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Russia; e-mail: oloparina@rambler.ru

Translating Texts on Natural Science: A Case Study of Charles Darwin's Works

This article is focused on the peculiarities of translating texts on natural science. A lot has been written about this matter recently as the goal of any translation is to render the semantic and communicative peculiarities of the original text. Communicative impact is a complex notion and a necessary counterpart in any translation. "The Origin of Species" by Charles Darwin (translated by K. Timiryazev) is viewed as an example of a prominent work of science and verbal art in this connection.

Key words: communicative aspect, impact, translation discourse, scientific style, mixture of styles.

В настоящее время, когда процессы глобализации становятся всё более интенсивными и всеобъемлющими, тема адекватного перевода приобретает существенное значение. И хотя количество людей, владеющих языком, увеличивается, необходимость в грамотном и точном переводе, передающим смысл во всей его полноте, не уменьшается.

Вопрос заключается в том, что считать хорошим переводом. Согласно определению, данному И.М. Рецкером, перевод — «точное воспроизведение подлинника средствами другого языка с сохранением единства содержания и стиля» [Рецкер, 1974]. С точки зрения содержания задача переводчика состоит в правильном вос-

приятию текста, пониманию, осмыслению и точной передаче информации средствами другого языка.

Однако содержание подразумевает и ряд других факторов. Итак, первый шаг — семантический. Он подразумевает передачу точного контекстуального значения текста, т.е. нахождение эквивалентов семантическим единицам. Знание всех оттенков смысла играет первостепенную роль в понимании текста. Но важно учитывать и другое — различия в мировоззрении и мировосприятии носителей двух языков, понимание культуры языка оригинала. Культурные нормы и система ценностей, убеждений отдельного человека предопределяют выбор вербальных средств. При создании текста автор опирается на свой культурный опыт, это отражается в выборе лексических единиц и принципе построения текста.

Проблема также не только в том, чтобы найти адекватные лексические эквиваленты (что является немаловажной составляющей), но и в отражении процессов мышления. В данном случае процессы мышления — это индивидуальная логика автора, некая знаковая система, которой он оперирует. Для того чтобы выполнить данную задачу, необходимо знать экстралингвистические факторы: время создания текста, характеристику этого времени, биографические сведения и реакцию читателя-современника на исходный текст.

Необходимость учитывать влияние исходного текста на читателя (слушателя) стала главным в методе перевода, предложенным П. Ньюмарком в его работе «Подступы к переводу» [Newmark, 1981]. Этот метод вошёл в теорию перевода как «коммуникативный». Главной задачей переводчика, согласно мнению П. Ньюмарка, является сохранение при переводе того же эффекта воздействия, который имел оригинальный текст. На первом этапе задача состоит в подборе подходящих лексических единиц, переводчик должен продумать форму переведённого текста и найти те средства, которые сделают переведённое произведение столь же значимым, как и искомое по его воздействию на реципиента.

Сохранение формы первоначального текста — также немаловажная задача. Как правило, автор любого произведения использует форму как способ наилучшей передачи своих идей.

В современной науке большинство специалистов склоняется к использованию термина *дискурс* в выборе переводческой стратегии. Понятию дискурса было посвящено немало работ. Существует ряд определений [Демьянков, 1982; Степанов, 1995], суть которых заключается в восприятии текста с учётом различных факторов, компонентов, дающих всеобъемлющее представление о сути информации, заложенной в речевом отрезке. Помимо этого, «дискурс — это передача когнитивного содержания, вкладываемого

адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определённых стратегий подачи информации» [Менджерицкая, 2012, с. 72]. Любой автор создаёт текст как акт коммуникации, руководствуясь стремлением донести свои идеи до читателя. Для достижения этого он выбирает тот инструментарий языка, который считает лучшим, чтобы выразить не только смысл, но и эмоциональную сторону содержания.

Безусловно, дискурсивная составляющая представляет важный аспект при переводе. Проблема переводного дискурса рассматривалась в работах Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2012, 2013]. По мнению автора, переводные тексты отличаются от аутентичных тем, что в них непременно присутствует переводческая интерференция. Переводчик осознанно или нет, старается копировать форму оригинала. Как следствие возникает опасность, что «переводчик имеет в качестве объекта “перевыражения” текст оригинала, который уже сам по себе “выражает” нечто, находящееся вне его текстовой материи, т.е. не реальную действительность, а идеальный конструкт, созданный воображением автора оригинала» [Гарбовский, 2013, с. 22]. Поэтому одна из задач переводчика — ознакомиться с традицией дискурса исходного языка, постараться адаптировать прагматические особенности переводящего языка к исходному.

В связи с этим возрастает роль переводчика, его личный, культурный, мировоззренческий опыт. Интересен образ «прозрачного стекла», использованный О.И. Костиковой применительно к переводчику. Человек, переводящий текст, сходен со стеклом, пропускающим сквозь себя исходный материал, чтобы передать его, сохранив все особенности авторского стиля и авторские идеи. Безусловно, даже в этом случае неизбежны некоторые искажения, но эти искажения будут минимальны [Костикова, 2010].

Всё вышесказанное воспринимается как истина, когда речь идёт о переводе художественного произведения, публичной речи, рекламы, газетной или журнальной статьи. Однако, когда мы ведем речь о научном стиле, кажется, что особых сложностей нет. Считается, что главной особенностью научных текстов является их информативность, однозначность, стилистическая нейтральность. Знание терминологии, общепринятых клише и серьёзная лексикографическая работа, а также знания по предмету перевода — залог успеха. Коммуникативный аспект рассматривается лишь при переводе выступлений и лекций. Трактаты, монографии и научные статьи, как правило, не изучаются с коммуникативной точки зрения, не говоря уже об использовании коммуникативного метода П. Ньюмарка. Подобный подход является неверным, особенно когда речь идёт о научно и культурно значимых произведениях, которые

оказали огромное влияние не только на специалистов в той или иной области, но и на общество в целом.

В подтверждение своих слов мне хотелось бы обратиться к знаковому научному произведению — трактату Ч. Дарвина «Происхождение видов» (“The Origin of Species”). Работа была опубликована в 1859 г. Она имела революционное значение в смене мировоззрения в то время. Дарвин не опирался на догмы, существовавшие тогда в обществе, а предложил свою строго организованную системную теорию происхождения живых организмов на Земле.

Теория эволюции, какой она вошла в историю науки, принадлежит не только одному Ч. Дарвину. Идея последовательного развития пришла в науку в конце XVIII в. Первый доклад по предложению самого учёного, сделанный по данной теме, был совместный — Ч.Р. Дарвин и А.Р. Уоллес, английский натуралист. Доклад состоялся 1 июля 1858 г. в Линнеевском обществе. Однако именно Дарвин в общественном сознании считается основателем данной теории. По мнению многих, это можно объяснить литературной ценностью его текста.

На данный факт обратил внимание и О.Э. Мандельштам в своей статье «К проблеме научного стиля Дарвина» [Мандельштам, 1994]. В этой статье О. Мандельштам обозначил в тезисной форме основные положения, объясняющие успех сугубо научных трактатов «Происхождение видов» и «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле “Бигль”» среди широкой публики.

Работы Ч. Дарвина переводились несколькими авторами. На мой взгляд, самым интересным можно считать перевод, сделанный К.А. Тимирязевым. Сам Тимирязев — фигура значимая в науке XIX — начале XX в., ему принадлежат научные открытия, ставшие эпохальными в то время. Тимирязев являлся современником Ч. Дарвина. Новая теория, дающая новое видение мира, появилась в то время, когда он сам жил и занимался наукой. К.А. Тимирязев был сторонником этой теории, он разделял взгляды Дарвина. Принимая во внимание всю совокупность вышеизложенных фактов, интересно посмотреть на перевод научного произведения с неоспоримыми литературными достоинствами, сделанный русским учёным.

Научная работа состоит из 15 глав, каждая из которых содержит 10—15 подглав. В конце работы списком даны термины с пояснениями, используемые автором в тексте. В русском варианте в конце также содержатся термины, но их количество в разы меньше. Пояснения даются переводчиком как толкование позиции учёного, а не объективное научное определение, даваемое Ч. Дарвином. С точки зрения структуры самого текста она равноценна и соответствует оригиналу.

Коммуникативный эффект получается в результате вовлечения читателя в повествование. Это достигается постоянным присутствием автора, его обращениями к читателю; создаётся впечатление, что Дарвин разговаривает с вами или вы присутствуете на лекции или слушаете выступление на конференции. В английском варианте мы видим следующие фразы: *let us now see..., we have as yet only spoken..., thus as it seems to me..., we have seen in the last chapter..., but we must return to our immediate subject...* и так далее. В тексте работы почти что нет местоимения **я**. Если оно есть, то в качестве притяжательного местоимения: *but my astonishment..., the same language as mine...* Введение авторского «я» обусловлено ссылкой на собственный опыт, личное отношение к научным взглядам, предлагаемым читателю, сомнениями учёного.

Интересно посмотреть на русский вариант подобных фраз. В русском переводе мы читаем: *следовательно, я смотрю..., я рассматриваю..., я полагаю..., я очень обязан..., я разумею, я должен сделать несколько предварительных замечаний...* и т.д. Английское местоимение **we** заменяется при переводе местоимением **я**. И лишь в отдельных случаях сохраняется **мы**: *но мы вернёмся к этому вопросу...*, которое имеет оттенок штампа, обезличивания, характерного для современного научного дискурса. Насколько правомерен выбор переводчика? На мой взгляд, текст, при всех его достоинствах, теряет важнейший компонент произведения — нацеленность на адресата, вовлечение его в логику повествования. В результате работа воспринимается как сугубо научная, исчезает своего рода камерность произведения, доверительность в общении с читателем. На смену **мы**, создающему атмосферу тесного общения, беседы, приходит более «сухое» **я**. Возможно, это объясняется нормами научного стиля, существовавшими и существующими в русском языке. Соответственно, переводчик, будучи сам учёным и автором научных работ, передаёт текст оригинала, исходя из тех стандартов, по которым пишет он сам.

Обращаясь непосредственно к работам самого К.А. Тимирязева, можно наблюдать интересную закономерность. Большинство научных работ, вошедших в Собрание сочинений в 4-х томах, первоначально были лекциями или публичными выступлениями, поэтому сам способ подачи материала предполагает обращение к слушателю. К.А. Тимирязев в начале статей часто употребляет местоимение **мы**: *но дадим себе труд ознакомиться, мы встречаем, мы обратим наше внимание* [Тимирязев, 1948]. В дальнейшем в тексте используются или безличные конструкции, или, когда речь идёт о выводах, сделанных самим учёным, повествование ведётся от первого лица. Приведу примеры: *обнаружился; было сделано, здравая логика требовала заключить; как уже было замечено выше;*

ещё ранее необходимо было составить себе ясное научное представление; необходимо отметить // я первый высказал мысль; я был первым ботаником; я должен оговориться; такова была задача, которую я поставил себе с первых шагов своей научной деятельности; я считаю и т.д. [там же]. Отстранённость благодаря использованию безличных предложений характерна для научного текста на русском языке. Автор присутствует в контекстах, когда необходимо изложить результаты своих личных исследований, поэтому русский научный стиль преобладает в переводе К.А. Тимирязева.

Второй момент, характерный для английского оригинала, — использование стилистических приёмов, в частности повторов, пояснений.

Английский вариант: *“It is interesting to contemplate a tangled bank, clothed with many plants of many kinds, with birds singing on the bushes, with various insects flitting about, and with worms crawling through the damp earth, and to reflect that these elaborately constructed forms, so different from each other, and dependent upon each other in so complex a manner, have all been produced by laws acting around us. These laws, taken in the largest sense, being Growth with reproduction; Inheritance which is almost implied by reproduction; Variability from the indirect and direct action of the conditions of life, and from use and disuse; a Ratio of Increase so high as to lead to a Struggle for Life, and as a consequence to Natural Selection, entailing Divergence of Character and the Extinction of less improved forms. Thus, from the war of nature, from famine and death, the most exalted object which we are capable of conceiving, namely, the production of the higher animals, directly follows. There is grandeur in this view of life, with its several powers, having been originally breathed by the Creator into a few forms or into one; and that, whilst this planet has gone circling on according to the fixed law of gravity, from so simple a beginning endless forms most beautiful and most wonderful have been, and are being evolved”* [Darwin, 1859].

Как видно из вышеприведённой цитаты, являющейся заключительным абзацем всей работы, текст напоминает, скорее, образец художественной литературы, чем научную статью. Использование выразительной лексики помогает создавать живой образ, живописную картинку, вырисовывающуюся в сознании. Перечисление базовых терминов теории сходно с перечислением основных действующих лиц какого-нибудь рассказа или пьесы, тем более что Ч. Дарвин пишет их с большой буквы.

Русский вариант: *«Любопытно созерцать густо заросший берег, покрытый многочисленными, разнообразными растениями с поющими в кустах птицами, порхающими вокруг насекомыми, ползающими в сырой земле червями, и думать, что все эти прекрасно построенные формы, столь отличающиеся одна от другой и так сложно одна*

от другой зависящие, были созданы благодаря законам, ещё и теперь действующим вокруг нас. Эти законы, в самом широком смысле, Рост и Воспроизведение, Наследственность, почти необходимо вытекающая из воспроизведения, Изменчивость, зависящая от прямого или косвенного действия жизненных условий и от употребления или неупотребления, Прогрессия возрастание численности — столь высокая, что она ведёт к Борьбе за жизнь и её последствию — Естественному Отбору, влекущему за собою Дивергенцию признаков и Вымирание менее улучшенных форм. Таким образом, из борьбы в природе, из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум в состоянии себе представить, — образование высших животных. Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с её различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм» [Дарвин, 1939, с. 45].

При сравнении русского варианта с английским видно, что переводчик сохранил всю эмоциональность и выразительность оригинального текста, подобрав и соответствующие по семантике лексические единицы, и сохранив стилистические приёмы, и отразив ритмику текста. Как и Ч. Дарвин, К. Тимирязев сохраняет олицетворение, применяемое к научным терминам (*Growth, Inheritance, Variability, a Ratio of Increase, a Struggle for Life, Natural Selection, Divergence of Character, Extinction* // Рост, Воспроизведение, Наследственность, Изменчивость, Прогрессия, Борьбе за жизнь, Естественному отбору, Дивергенцию признаков, Вымиранию). Сама по себе подача терминов, таким образом, интересна и обладает сильной выразительностью.

Литературные достоинства как оригинала, так и переводного текста создаются смешением жанров. Когда вы видите следующий отрывок вне контекста, трудно поверить, что это научная статья — трактат, а не художественный рассказ.

“It is interesting to contemplate a tangled bank, clothed with many plants of many kinds, with birds singing on the bushes, with various insects flitting about, and with worms crawling through the damp earth...” [Darwin, 1859] — «Любопытно созерцать густо заросший берег, покрытый многочисленными, разнообразными растениями с поющими в кустах птицами, порхающими вокруг насекомыми, ползающими в сырой земле червями...» [Дарвин, 1939].

В русском переводе сохранено описание, соответствующее жанру художественной литературы, благодаря использованию выразительной лексики, её тщательному подбору: *flitting about* — пор-

хающими вокруг, *crawling through the damp earth* — ползающими в сырой земле.

Возможно, образность, создаваемая лексическими средствами, преднамеренное смешение жанров и есть одна из причин, что данный фрагмент текста является наиболее цитируемым.

Приведу ещё один пример, демонстрирующий искусство переводчика в сохранении выразительности.

Английский вариант: *“In considering these several means of distribution, it should be remembered that when a pond or stream is first formed, for instance on a rising islet, it will be unoccupied; and a single seed or egg will have a good chance of succeeding”*. Подчёркнутые слова требуют особого внимания. В первом случае — *pond* и *stream* могли быть заменены одним словом, использование двух слов для разных типов пресных водоёмов способствует «снижению научности» или, наоборот, введению строгой научной классификации, тем самым вводя смысловые ограничения («только в этих двух типах водоёмов»). Эту же функцию выполняет и употребление слова *islet* (маленький остров). В Longman Dictionary of English Language and Culture [LDELС, 2003] стоит помета *especially tech or old use*, что современный читатель может понять как терминологическое использование данного слова без какой-либо стилистической функции, однако в Оксфордском словаре даётся следующее толкование *a little island* без помет и пример употребления из текста 1859 года: *“A little islet on the coast still bears the name of Avalon”* [OED, 1933]. Таким образом, приведённое предложение переводчик может понять и как текст с терминологическими нюансами, и как отрывок с элементами беллетризации.

Интересно посмотреть на восприятие и перевод этого места К.А. Тимирязевым. Русский вариант: *«Рассматривая эти различные способы распространения, надо помнить, что когда пруд или речка только что образуются, например, на поднимающемся островке, они ещё никем не заняты, и успешное развитие даже единственного семени или яйца весьма вероятно»* [Дарвин, 1939, с. 37].

Как видно, переводчик был близок к тексту, полностью сохранив и употребление двух слов, а не одного, при этом употребив форму *речка*, а не *река*, тем самым придав большую выразительность, если сравнивать с английским; и передал значение «маленький остров» посредством использования уменьшительно-ласкательного суффикса. Русское «островок» звучит гораздо мягче и выразительнее, чем английское *islet*; оно не связано с терминологией. Данный пример демонстрирует большую нацеленность на читателя в русском переводе.

Хотелось бы также остановиться на примерах перевода терминологических названий. В приведённом выше примере я уже рас-

смаatrивала перевод на русский язык основополагающих терминов, которые в исходном тексте употребляются с использованием стилистического приёма (олицетворение). В данном случае нас интересуют названия, в частности, названия пород голубей. Как писал Ч. Дарвин в автобиографии, первоначально его интерес к ботанике (а в дальнейшем к естествознанию в целом) был вызван названиями растений, т.е. интерес учёного шёл от слова к предмету. Что касается названия голубей, то Дарвин сам занимался разведением голубей, и многие названия пород были введены именно им. Итак, английский — *Turman, Pouter, Turbit, Jacobin, Trumpeter, Laughher* и т.д. Как видно из перечисленных названий, все они являются значимыми, в каждом заключён определённый образ. На русский К. Тимирязев передал эти названия по-разному. Часть названий переведена с сохранением образности: *Pouter* — *Дутьши*, *Trumpeter* — *Трубач*, *Laughher* — *Пересмешник*. Название *Turman* переведено с помощью транслитерации «*Турман*», а в дальнейшем при детальном описании породы дано пояснение «кувыркаясь через голову...», чтобы сохранить образ, лежащий в основе названия. Название *Turbit* передано подбором соответствия в русском языке «*Голубь-чайка*», а *Jacobin* частичной транслитерацией «*Якобинский голубь*» (*Якобин* в современной терминологии). К. Тимирязев старается быть как можно ближе к тексту оригинала при переводе названий, пытаясь сохранить первоначальную образность и дать читателю насладиться красотой и текста, и науки. При этом он даёт английское название в скобках.

Вышеприведённые примеры лишь часть тех приёмов, которые использовал Ч. Дарвин для донесения своих идей до читателей. О. Мандельштам в своём эссе, упомянутом выше, писал, что одним из достоинств учёного был тот факт, что он «изгнал красноречие, велеречивость из литературного обихода натуралиста» [Мандельштам, 1994, с. 214]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Простота языка оригинала сохранена и в переводе с помощью тщательного подбора лексических средств, использования приёма смешения стилей.

Литературная ценность языка Ч. Дарвина подтверждается ещё и тем, что Мандельштам, человек далёкий от естественных наук, поэт, мастер слова, посвятил ему своё эссе. Интересно его замечание: «Дарвина и Диккенса читала одна и та же публика. Научный успех Дарвина в некоторой своей части был и литературный» [там же, с. 215].

Возвращаясь к пониманию идеального перевода как «прозрачного зеркала», можно сказать, что К.А. Тимирязев, будучи сам учёным-натуралистом, поклонником и последователем Ч. Дарвина, сделал всё, чтобы сохранить и, по возможности, бережно пере-

дать особенности исходного текста, его отличительный мир, который оказал столь большое влияние на современников.

При переводе таких произведений, имеющих эпохальное значение в истории мысли, не следует руководствоваться стереотипами о научных жанрах. Любой текст имеет автора, у каждого свой языковой опыт, что находит отражение в стиле письма. В XIX в. грань между научными и научно-популярными текстами была не столь очевидной. Однако среди учёных появилась тенденция делать результаты своих научных изысканий более доступными и понятными для большего количества людей, что, несомненно, должно найти отражение при переводе. С этой точки зрения, перевод, сделанный К.А. Тимирязевым, является образцовым примером перевода таких интересных (и с лингвистических позиций) научных текстов, как работы Ч. Дарвина.

Изучение дополнительных источников, рассказывающих о роли и оценке той или иной работы, — необходимое условие и успех любого перевода.

Если отталкиваться от постулата, что целью перевода является стремление ознакомить людей, говорящих на другом языке, с идеями произведения во всей их полноте и многообразии, то языковые и стилистические особенности работы, её коммуникативная направленность и необходимость передачи текста во всей его целостности — важная составляющая успеха переводчика.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. М., 2012.
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1.
- Дарвин Ч.Р.* О происхождении видов путём естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь // Дарвин Ч.Р. Сочинения. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Демьянков В.З.* Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста. Вып. 2 // Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. М., 1982.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистические основы научно-технического перевода: Пособие по научно-техническому переводу. М., 1980.
- Костилова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3.
- Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3. 368 с.
- Манерко Л.А.* Типы знаний, воплощённые в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 6 (639). Языкознание. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 56—71.

- Менджерцкая Е.О.* Когнитивный синтаксис как наука о построении дискурса // Актуальные проблемы английского языкознания: Сб. науч. статей. К юбилею профессора О.В. Александровой / Под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова. М.: МАКС ПРЕСС, 2012. С. 69—77.
- Рецкер И.М.* Перевод и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
- Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Сб. статей. Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. 432 с.
- Тимирязев К.А.* Избранные сочинения: В 4 т. М.: ОГИЗ — СЕЛЬХОЗГИЗ, 1948.
- Darwin, Charles R.* The Autobiography. From The Life and Letters of Charles Darwin / Ed. by his son, Francis Darwin. L., 1887. P. 31. http://books.eserver.org/nonfiction/darwin_autobiography.html
- Darwin, Charles R.* The Origin of Species by Means of Natural Selection, definitive 6th London edition, 1859. 342 p. <http://www.literature.org/authors/darwin-charles/the-origin-of-species-6th-edition/>
- Longman Dictionary of English Language and Culture [LDELС], 2003. P. 1568.
- Newmark, P.* Approaches to Translation. Oxford, 1981.
- Newmark, P.* A Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited, 2008. 292 p.
- The Oxford English Dictionary. Vol. V [OED]. Oxford: University Press, 1933. P. 758.

М.А. Степанова,

аспирант кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: SMariuccia@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ ПОЗИТИВНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЛИДЕРОВ США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

В статье рассматривается проблема сохранения прагматического потенциала на фоне достижения высокой степени семантической эквивалентности в англо- и русскоязычных переводах внешнеполитической риторики глав государств России, США и Великобритании. Значимость данной проблемы для перевода отмеченного типа дискурса на современном этапе развития определяется его гибридным характером, предполагающим наличие черт устного дипломатического и президентского дискурсов, и обуславливает такие особенности его переводов, как направленность на прагматическое воздействие, социальную значимость, социокультурную обусловленность, общедоступность в сети Интернет. В современной переводческой практике задача создания прагматически и семантически адекватных переводов исследуемого типа публичных выступлений решается с опорой на коммуникативную реализацию ключевого для данного дискурса концепта «международное сотрудничество», т.е. за счёт усиления стратегии позитивной самопрезентации, в рамках достижения необходимого уровня отождествления с иноязычной аудиторией. Ввиду отличия типов проекций метаконцепта и риторической организации в дискурсе внешнеполитического президентского выступления в указанных лингвокультурах, адекватное семантико-вербальное оформление макростратегии перевода обеспечивается микростратегиями стилистической адаптации и переводческой метонимии.

Ключевые слова: внешняя политика, президентское выступление, опорный концепт, субконцепт. когнитивная транслятология, стратегия перевода, коммуникативная стратегия.

Maria A. Stanova, Post-graduate Student at the Department of English Lexis, Moscow Pedagogical State University, Russia; e-mail: SMariuccia@yandex.ru

Realization of Positive Presentation of General Strategy when Translating American, British and Russian Foreign Policy Presidential Speeches

The article deals with the problem of simultaneous preservation of the pragmatic potential and a high degree of semantic equivalence in English and Russian translations of Russian, British and U.S. presidential foreign policy speeches. The importance of this problem in translation of the given type of discourse on the modern stage of its development is conditioned by its hybrid character, combining features of oral diplomatic and presidential discourse, and determines such peculiarities of its translation variants as their pragmatic influence orientation, social significance, sociocultural conditionality and general availability on the Internet. In modern translation practice the goal of creating pragmatically and semantically adequate translation variants of the kind of public speeches under consideration is attained on the basis of communicative realization of the concept “international cooperation”, basic for the mentioned sort of discourse, namely by means of intensifying the communicative strategy of self-presentation in order to

achieve the necessary level of integration with the foreign-language audience. Due to the differing types of the metaconcept projections and rhetoric organizations of the discourse of the foreign policy speeches in the indicated lingvocultures the verbal and semantic realization of the translation macro-strategy should be actualized by means of the micro-strategies of stylistic adaptation and translation metonymy.

Key words: foreign policy, presidential speech, base concept, subconcept, cognitive translatology, translation strategy, communicative strategy.

В настоящее время, ввиду мировых процессов политической, экономической и информационной интеграции, всё большее значение приобретает достижение взаимопонимания между народами на фоне сохранения их культурного своеобразия в рамках межгосударственного сотрудничества. Одним из ключевых факторов обеспечения таких отношений для стран и их лидеров является адекватная передача их внешнеполитической риторики на язык и в культуру страны-партнёра.

При осуществлении такого перевода для дискурса внешнеполитического президентского выступления (ВПВ) на современном этапе его развития всё более актуальной становится проблема сохранения прагматического потенциала на фоне достижения высокой степени семантической эквивалентности. Значимость отмеченной задачи связана с гибридным характером жанра ВПВ, которому присущи черты устного дипломатического и президентского дискурсов: совмещение публицистического и официально-делового стилей, подготовленность (выступления), ориентация на массовые «свою» и иноязычную аудитории, широкое информационное влияние и опосредованность СМИ, коммуникативно-кооперативный характер, регламентированность, актуализация имиджа говорящего с опорой, как на ценности международного сотрудничества, так и на национальные ценности и государственные интересы, способствующие выражению культурной идентичности выступающего и аудитории. Это обуславливает такие особенности переводов дискурса ВПВ, как ориентация на прагматическое воздействие, социальная значимость, социокультурная детерминированность, общедоступность в Интернете [Волкова, 2007, с. 79—102; Лапшина, 2011, с. 165—167; Фомина, 2006, с. 52].

Таким образом, для решения вышеупомянутой проблемы учёта особенностей языковой и социокультурной асимметрии оказывается недостаточно: переводчику следует также принимать во внимание сходства и различия национальных вариантов дискурса ВПВ на когнитивно-коммуникативном уровне. Такой комплексный подход к переводу и природе переводческих решений реализуется в когнитивной транслатологии. Специалисты данного направления переводоведения отмечают, что поскольку процесс перевода представляет собой когнитивную деятельность переводчика как интер-

претатора общего смыслового кода, заложенного в исходном тексте (ИТ), лингвальную проекцию совмещённых ментальных пространств (областей интеллекта, посредством которых происходит структурирование разрозненных, но сопряжённых элементов, ролей, позиций, стратегий и отношений) автора и переводчика [Манерко, 2002, с. 21], переводятся не вербальные структуры, а стоящие за ними концепты, или ментальные конструкторы фрагментов действительности, обладающие специфичным для определённой лингвокультуры набором субконцептов. В силу наличия национально-связанной процедурной соотнесённости между концептом и вербальной структурами его объективация в тексте перевода (ПТ) может осуществляться несколькими способами, часто в рамках не только изменения степени семантической выраженности его составляющих, но и их рекомбинации [Мишуров, 2009, с. 205—206; Фесенко, 2002, с. 132—140; Костикова, 2002, с. 77; Минченков, 2008, с. 134—142].

В качестве механизмов структурирования и коммуникативной реализации сложного концепта, значимых для вышеупомянутых процессов переводческой трансформации исходного смыслового содержания, можно выделить концептуальную метонимию и когнитивное противопоставление. Концептуальное понимание метонимии восходит к теории профилирования Р. Лэнекера и позволяет рассмотреть метонимию как языковой результат человеческой способности представлять сложный концепт посредством его частей, ориентированных на фокусировку салиентных признаков выраженного в нем фрагмента реальности [Langacker, 1991, p. 5—6; Алимуратов, 2010, с. 239—240]. Второй из названных механизмов может быть представлен архетипической концептуальной оппозицией (объединением выступающих как рамка восприятия неразрывно взаимосвязанных концептов), задающей особенности категоризации элементов сложного концепта и коммуникативные стратегии его реализации, либо отражать отношения концепта и антиконцепта (не всегда прямо противопоставленных друг другу концептов, образующих единое бытие часто обладающего разнонаправленными векторами ценностных доминант общего концепта (метаконцепта)) в рамках сложного концепта, основанные на наличии у его элементов общего основания и отличных салиентных признаков, и во многом обуславливающие частные стратегии его актуализации [Новодранова, 2009, с. 142; Новиков, 2002, с. 136; Ларина, 2011, с. 34—48].

В связи с вышесказанным для выработки эффективных способов компенсации «зон непонимания» между двумя национальными концептосферами в рамках переводческой трансформации исходного семантического содержания текста ВПВ следует сопоставить национально-специфические варианты актуализации концепта,

образующего тематическое единство дискурса ВПВ, посредством их соотнесения с элементами инвариантной структуры данного концепта и аппаратом коммуникативных стратегий, реализующих его с помощью алгоритмов «речемыслительных операций по конструированию выгодной данному политику картины мира» [Ноблок, 2007, с. 48], опирающихся на совместные для выступающего и аудитории модели знания [Фесенко, 2002, с. 183; Волкова, 2007, с. 24—25]. На основе полученных данных в рамках решения поставленной проблемы можно будет выработать макростратегию перевода или осознанную генеральную линию поведения переводчика по преобразованию ИТ для отражения его наиболее важных аспектов в ПТ и минимизации переводческих потерь, а также выделить микростратегии перевода её актуализации [Гарбовский, 2007, с. 508].

Ориентация дискурса ВПВ на кооперацию и представление главы государства как символа страны позволяет говорить о связанности стержневой для политического дискурса архетипической оппозиции «свои — чужие» с соблюдением/несоблюдением ценностей дипломатической коммуникации (суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела, толерантность и устойчивое развитие отношений) и приоритета общей стратегии позитивной самопрезентации, вводимой в рамках ключевого для дискурса ВПВ концепта «международное сотрудничество» [Волкова, 2007, с. 76—164]. Составляющее его инвариантную часть понятие «межгосударственное сотрудничество» определяется как совместная деятельность двух и более независимых государств, включающая наличие «общих целей государств-партнёров, ожидание ими выгод от ситуации и взаимный характер этих выгод» [Цыганков, 2003, с. 441]. Таким образом, структурирование и функционирование указанного общего концепта происходит в рамках диалектического триединства частных концептов, **«общее дело»**, **«взаимовыгодное сотрудничество»** и **«национальный интерес»**: они соотносятся с двумя основными категориями оппозиции «свои — чужие» и промежуточной — «другой» [Нехорошева, 2010]. Стратегическая реализация метаконцепта предполагает ориентацию частных стратегий на интеграцию (позитивная презентация партнёра во взаимодействии с ним) и индивидуализацию (отдаление от партнёра на фоне позитивной самопрезентации), а также на смешение этих тенденций (позитивная презентация участников и взаимодействия между ними).

Переходя к рассмотрению природы национально-связанной вариативности структурирования когнитивно-коммуникативного пространства дискурса ВПВ, следует учитывать детерминированность степени выраженности частных концептов и их акцентуации

на субконцептуальном уровнях в той или иной лингвокультуре, принятой в ней ценностной политической картиной мира. При вербальном оформлении опорного концепта значимую роль играет национальная риторическая традиция политического выступления, обусловленная политическими ценностями и представлениями о речевом поведении идеального политика. Она позволяет наиболее точно и эффективно отразить культурно-специфические смыслы данного контекста для достижения более выгодных условий сотрудничества и укрепления позиции страны в мире [Лапшина, 2011].

Одними из наиболее влиятельных игроков на современной международной политической арене являются Россия, США и Великобритания. Рассмотрим особенности национальных вариантов современного дискурса ВПВ данных стран, для чего обратимся к стенограммам выступлений Дэвида Кэмерона, Барака Обамы, Владимира Путина и Дмитрия Медведева за 2009—2013 гг. С целью осуществления комплексного анализа и сопоставления национально-связанных аспектов объективации метаконцепта «международное сотрудничество» в дискурсе данных англо- и русскоязычных выступлений выделим наиболее частотные для риторики ВПВ этих трёх стран способы проекции данного метаконцепта на концептуальном и субконцептуальном уровне¹, учитывая их ценностную детерминированность и связь с культурно-специфическими жанрово-риторическими характеристиками.

Так, поскольку в британской политической коммуникации значимы ценности заботы о благосостоянии нации, приоритета национального интереса, честной игры, здравого смысла и уважения к частному пространству, обуславливающие ожидание от премьер-министра поведения строго в рамках его социальной роли (профессионализм, непредвзятость и неукоснительное следование интересам страны), в дискурсе ВПВ доминирует концепт «национальный интерес» (см. табл. 1). В подтверждение сказанному приведём следующий отрывок выступления Дэвида Кэмерона от 12 сентября 2011 г.: “if we can build a stronger relationship I believe both our countries will gain... It’s good for Britain and British jobs to connect our economy to faster growing parts of the world like Russia... Thank you very much for the warm welcome you’ve given me today, Mr President” [Cameron, 2011].

---

¹ Субконцепты в табл. 1—3 расположены по убывающей в зависимости от частотности встречаемости в дискурсе исследуемых речей, за исключением субконцептов, характерных для дискурса российских политических лидеров в рамках общения с коллегами из США, в силу меньшей по сравнению с риторикой президентов РФ во взаимодействии с британским премьер-министром общей репрезентативностью метаконцепта.

Таблица 1

Концептосфера внешнеполитического президентского дискурса Великобритании (статистические данные о распределении основных концептов и субконцептов)
56 случаев употребления = 100%

Общее дело	10,7%	Взаимовыгодное сотрудничество	14,3%	Национальный интерес	75%
Совместные усилия по построению двусторонних отношений	3,57%	Успешное сотрудничество	10,7%	Институциональное взаимодействие	26,8%
				Ориентация на экономическую выгоду	17,9%
Забота об общем благе и безопасности в мире	3,57%	Положительное представление себя и партнёра	1,8%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	12,5%
Общность позиций и целей	3,57%	Заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве	1,8%	Положительное представление своей страны с целью привлечения партнёра	10,7%
				Несовпадение позиций	7,1%

На уровне жанрово-стилистических характеристик такая интерпретация опорного концепта отражается в преобладании элементов дипломатического подстиля (общей сдержанности и объективности изложения). Их вербализация осуществляется посредством частого использования нейтральной лексики (*build a stronger relationship*), глаголов ментальной деятельности и я-дискурса (*I believe*) и официальных обращений (*Mr President*) [Волкова, 2007, с. 101—102].

Ориентированность политической культуры США на ценности: «американская мечта», мировое господство, безопасность, перемены и экономическое благополучие, а также на восприятие президента как народного избранника, демократичного и умеющего выстраивать взаимовыгодные партнёрские отношения позволяет говорить о преобладании в дискурсе ВПВ концепта «взаимовыгодное сотрудничество» (табл. 2). Например: “Well, first of all, let me just say that the last three years of my work with President Medvedev has been extremely productive... And as Dmitry mentioned, we think it's going to be very important for us to address Jackson-Vanik so that American businesses can fully take advantage of an open and liberalized Russian market” [Obama, 2012].

Особенности объективации указанного метаконцепта в лингвокультуре США предполагают ориентацию жанра ВПВ на публицистический стиль: частая встречаемость лексики с широкой семантикой (*fully take advantage*), ценностно-маркированной лексики (*open market, American businesses*), образных средств (*Jackson-Vanik*), повторов (*open and liberalized*), вводных элементов (*first of all*) и неофициальных обращений и номинаций (*Dmitry*) отражает относительно высокую степень экспрессивности и литературности, разговорности и эмотивности. Указанные тенденции связаны с сильным влиянием принципов классической теории красноречия на риторику США [Ковалёва, 2004, с. 100; Лапшина, 2011, с. 166—170].

Для выступлений российских глав государств в рамках взаимодействия с партнёрами, как из США, так и из Великобритании, характерно доминирование концепта «общее дело» (табл. 3), связанное с преобладанием ценностей: единство и целостность страны, порядок, благо народа, стабильность, быстрые перемены к лучшему, а также с представлением об идеале президента как о сильном народном лидере, честном, патриотичном, прогрессивно мыслящем и нацеленном на стратегическое партнёрство.

Но, вместе с тем, для рассматриваемых вариантов российского дискурса ВПВ характерны и различия в концептуальном распределении. Они выражаются в разной частотности элементов концепта «общее дело», более частой его встречаемости во взаимодействии с США и наличии элементов концепта «взаимовыгодное сотрудничество» в рамках российско-британской коммуникации. Для

Таблица 2

**Концептосфера внешнеполитического президентского дискурса США
(статистические данные о распределении основных концептов и субконцептов)
57 случаев употребления = 100%**

Общее дело	19,3%	Взаимовыгодное сотрудничество	68,4%	Национальный интерес	12,3%
Забота об общем благе и безопасности в мире	15,8%	Успешное сотрудничество	19,3%	Институциональное взаимодействие	12,3%
		Положительное представление себя и партнёра	15,8%		
		Перспективы сотрудничества	10,5%		
		Поиск компромисса	10,5%		
Дружеское общение	3,5%	Заинтересованность в укреплении взаимодействия	8,8%		
		Взаимодействия на основе лидирующих позиций партнёров	3,5%		

Концептосфера внешнеполитического президентского дискурса России при взаимодействии с партнёрами из Великобритании (верхняя строка) и США (нижняя строка) (статистические данные о распределении основных концептов и субконцептов)

83 случая = 100%, 38 случаев = 100%

Общее дело	86,7%	Взаимовыгодное сотрудничество	6,1%	Национальный интерес	7,2%
	94,7%				
Стратегическое партнёрство	24,1%	Поиск компромисса	3,7%	Ориентация на экономическую выгоду	4,8%
	18,4%				
Общность позиций и целей	15,7%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,4%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	2,4%
	7,9%				
Забота об общем благе и безопасности в мире	13,3%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,6%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	—
	13,2%				
Совместные усилия по построению двусторонних отношений	9,6%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,4%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	2,4%
	13,2%				
Сотрудничество между разными слоями населения	9,6%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,4%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	2,4%
	—				
Совместное решение проблем	4,8%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,4%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	2,4%
	15,7%				
Признание заслуг партнёра	3,6%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,4%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	2,4%
	7,9%				
Дружеское общение	3,6%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,4%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	2,4%
	7,9%				
Доверие между партнёрами	2,4%	Заинтересованность в укреплении двустороннего сотрудничества	2,4%	Заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны	2,4%
	10,5%				

иллюстрации сказанного обратимся к речам Дмитрия Медведева и Владимира Путина, произнесённых во время совместной пресс-конференции с Дэвидом Кэмероном и в рамках переговоров с Барак Обама соответственно: «Если говорить об экономике, то здесь..., всё было очень неплохо. И наша задача — сделать так, чтобы эти инвестиции... были взаимовыгодны... Важно развивать и гуманитарное сотрудничество, контакты между обычными людьми, контакты между студентами, преподавателями, учёными, деятелями культуры...» [Медведев, 2011]; «В этой связи хотел бы поблагодарить Вас за поддержку вступления России во Всемирную торговую организацию. Уверен, что это будет способствовать развитию экономических связей между Россией и Соединёнными Штатами... И продолжим наши контакты: и личные, и на уровне наших экспертов, министров» [Путин, 2012a]. Указанные отличия связаны с промежуточным положением данного концепта, обуславливающим приоритет в дискурсе США, в отличие от британского концепта «общее дело» над другим не-опорным концептом и актуализацией концепта «общее дело» в дискурсах США и Великобритании разными субконцептами, отражающими его более эмоциональное и рациональное восприятие в них (табл. 2, 3).

Отмеченные особенности объективации метаконцепта отражаются в таких обнаруживающих совмещение публицистического и дипломатического подстилей национально-специфических характеристиках исследуемого жанра, как высокая степень безличности, обобщённости и неформальности; а также значительно большие, чем в англосаксонской риторической традиции, свобода и категоричность в выражении мнений и эмоций, связанные с меньшим влиянием канонов классической риторики на российский публичный политический дискурс. На вербальном уровне они реализуются посредством широкого употребления разговорных слов (неплохо), языковых средств выражающих уверенность говорящего (уверен), а также слов широкой семантики (гуманитарное сотрудничество, развитие экономических связей), мы—дискурса (продолжим наши контакты) [Лапшина, 2011, с. 166—170].

Говоря о построении эффективной макростратегии перевода, следует отметить, что, исходя из представленного выше материала, решение поставленной в исследовании задачи должно осуществляться с опорой на коммуникативную реализацию ключевого для дискурса ВПВ концепта, т.е. за счёт стратегии позитивной самопрезентации, в рамках отождествления с иноязычной аудиторией. Это предполагает усиление позитивного представления партнёра и взаимодействия между народами и лидерами стран-участниц.

В силу метонимической природы национально-специфической проекции общего концепта и значимости учёта национальной ора-

торской традиции при его вербализации, макростратегия перевода должна реализовываться в рамках универсальных микростратегий стилистической адаптации (СА) и переводческой метонимии (ПМ), которые объективируются в соответствии с лингвистическими и речевыми корреляциями исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ), а также потенциями ПЯ. Микростратегия ПМ обусловлена фокусированием единиц ИЯ и ПЯ на разных аспектах ситуации и, с точки зрения своей обусловленности, может носить как системно-знаковый, так и культурно-связанный (концептуальный) характер, позволяя комплексно учесть асимметрию между ИТ и ПТ. В рамках своей реализации данная стратегия относится к лексико-грамматическим аспектам перевода, подразделяясь на лексико-семантическую и лексико-синтаксическую [Сулейманова, 2010, с. 108—112, 206]. Микростратегия СА связана с соотношением национальных жанрово-стилистических традиций определённой разновидности дискурса в исходной культуре (ИК) и принимающей культуре (ПК). Она вербализуется в рамках повышения/понижения стилистического регистра, эмоциональности, диалогичности, категоричности и т.п. [Сулейманова, 2010а, с. 37].

Переходя к непосредственному анализу реализации макростратегии перевода, следует отметить, что всестороннее рассмотрение выбранных стенограмм выступлений, а также их переводов, позволяет сопоставить использование макростратегии перевода в трёх лингвокультурах, дискурс ВПВ которых опирается на разные элементы метаконцепта, и выявить наиболее значимые общие и частные тенденции её актуализации для исследуемой пары языков. Отбор материала, предусматривающий наличие ИТ и ПТ ВПВ двух англоязычных культур, даст возможность отдельно проследить влияние коммуникативно-когнитивной и риторической организации национальных вариантов современного дискурса ВПВ на процесс перевода.

При переводе выступлений британского премьер-министра в рамках британо-российской коммуникации элементы концепта «национальный интерес» обычно передаются с трансформацией их смыслового содержания. Большинство случаев такой передачи (63% от всех случаев изменения опорного концепта) — это незначительная модификация смысловой выраженности субконцептов в ПТ, её ослабление или усиление. Первый тип модификации (43%) чаще всего осуществляется при передаче субконцептов «ориентация на экономическую выгоду» (17%) и «заинтересованность в партнёрстве для блага своей страны» (14%), встречающихся в дискурсе ВПВ в ПК. Проиллюстрируем сказанное на примере передачи наиболее репрезентативного субконцепта: “This will **pave the way** for Rolls-Royce to **win** a substantial share of Russian-backed projects to

develop nuclear reactors elsewhere, with wider **benefits** for the 250 British companies...” [Cameron, 2011]. — «Это **позволит** компании “Роллс-Ройс” **получить** значительную часть проектов с участием России по строительству атомных реакторов в других странах мира, а также откроет более широкие **возможности** для 250 британских компаний,...» [Кэмерон, 2011]. Данная трансформация часто вербализуется в рамках генерализации исходного значения (ПМ)², совмещённого с понижением стилистического регистра (СА)³. При усилении выраженности исходной семантики опорного концепта (21%) наиболее частотен субконцепт «положительное представление своей страны с целью привлечения партнёра» (10%). Нехарактерный для дискурса ПК, он тесно связан со стратегией позитивного представления себя во взаимодействии с партнёром. Например: “And it’s good for Russia too because Britain is **strong** in the financial and business services and sectorial expertise...” [Cameron, 2011]. — «И для России это полезно, поскольку у Великобритании **прочные позиции** в сфере финансовых и бизнес-услуг, а также **богатый отраслевой опыт**...» [Кэмерон, 2011]. Эта модификация часто передаётся посредством обоих типов метонимии (конкретизация) (ПМ), а также семантического повтора (СА).

Значимая трансформация семантики элементов опорного концепта в ПТ наблюдается преимущественно при передаче нетипичных для политической концептосферы ПК субконцептов «институциональное взаимодействие» (21%) и «несовпадение позиций» (10%). Данный тип трансформации осуществляется посредством таких элементов концепта «общее дело», как «общность позиций и целей» (31% от всех случаев рекомбинации опорного концепта), «стратегическое партнёрство» (8%), «признание заслуг партнёра» (8%), «совместное решение проблем» (7%) (характерны для дискурса ВПВ в ПК и ИК или только в ПК), а также «уважение к партнёру» (46%) и «значимость совместной работы» (13%) (не встречаются в дискурсе ВПВ ни в ИК, ни в ПК, но связаны с позитивной презентацией партнёра и взаимодействия с ним). Наиболее часто модифицируемый из этих субконцептов обычно передаётся посредством субконцепта «уважение к партнёру»: “as the **President** has **said**” [Cameron, 2011]. — «как **отметил Президент Медведев**,...» [Кэмерон, 2011]. В качестве типичных средств вербализации в данном случае применяется лексико-семантическая метонимия (ПМ) и более персонифицированная номинация партнёра (совмещение СА и ПМ).

² Средства реализации стратегии переводческой метонимии (ПМ) выделены полужирным шрифтом.

³ Средства реализации стратегии стилистической адаптации (СА) выделены подчёркиванием.

Следует отметить, что в рамках реализации трансформаций исходного смыслового содержания британского национального варианта дискурса ВПВ обе переводческие микростратегии представлены в равной степени, а используемые средства их вербализации позволяют убрать несвойственную для российского дискурса высокую степень официальности и эмоционально-оценочной сдержанности. Ввиду этого образ говорящего в ПТ приближается к российскому идеалу политического лидера, т.е. предполагает большую решительность и открытость к стратегическому сотрудничеству.

Для русскоязычных переводов внешнеполитической риторики Барака Обамы также характерны отмеченные выше группы субконцептов, а случаи незначительной модификации их семантики также преобладают (71%). Снижение семантической выраженности (37%), как правило, происходит при передаче относительно редких для ПК субконцептов «поиск компромисса» (13%), «заинтересованность в укреплении взаимодействия» (11%) и не встречающегося в ней субконцепта «взаимодействие на основе лидирующих позиций партнёров» (3%). Проиллюстрируем сказанное на примере передачи наиболее репрезентативного субконцепта: “And as Dmitry mentioned, we think it’s going to be very important for us **to address Jackson-Vanik** so that American businesses can **fully** take advantage of... that can create jobs and economic growth **for both Russians and Americans**” [Obama, 2012]. — «Речь шла также о поправке Джексона—Вэника, о том, **как от неё избавиться**, для того чтобы американские компании смогли воспользоваться <...> это создаст рабочие места **в обеих странах**» [Обама, 2012]. Среди средств вербализации данного вида семантической модификации следует выделить конкретизацию в рамках лексико-семантической метонимии, генерализацию (ПМ) и опущение интенсификаторов (СА). Обратная рассмотренной выше трансформация (34%) чаще всего используется при переводе субконцепта «положительное представление себя и партнёра» (18%), не свойственного дискурсу ПК, но полностью обусловленного актуализацией общей коммуникативной стратегии: “Well, first of all, let me just say that the last three years of my work with President Medvedev has been extremely productive” [Obama, 2012]. — «Спасибо! Во-первых, хотел бы сказать, что действительно в последние три года мы очень продуктивно работали с Президентом Медведевым, и эти три года были чрезвычайно продуктивными» [Обама, 2012]. В качестве средств её вербализации часто применяется добавление семантического и лексического повторов (СА), а также элементов со значением выделения и интенсификации эмоций.

Рекомбинация элементов опорного концепта (29%) часто осуществляется в рамках передачи нетипичных для дискурса ПК суб-

концептов, «успешное сотрудничество» (18%) и «перспективы сотрудничества» (11%) посредством следующих элементов опорного для дискурса ВПВ в ПК концепта: «стратегическое партнёрство» (64%), «совместное решение проблем» (9%) и «забота об общем благе и безопасности в мире» (9%; также частотен для дискурса ИК). Как и в другом рассмотренном типе русскоязычного перевода, здесь наблюдается использование нетипичного для дискурсов ПК и ИК субконцепта «значимость совместной работы» (18%). Проиллюстрируем сказанное на примере наиболее частотных переводного и трансформируемого субконцептов: “I thanked the President and the Russian people for the **work they’ve done with us** on the Northern Distribution Network” [Obama, 2012a]. — «Кроме того, я выразил благодарность господину Президенту и российскому народу за **ту помощь, которая была оказана, в частности,** в связи с Северной распределительной сетью» [Обама, 2012a]. Среди средств вербализации частотны различные виды генерализации (ПМ) и повышения стилистического регистра, а также добавление вводных элементов со значением выведения (СА).

В отличие от переводов британской внешнеполитической риторики для переводов США характерны доминирование средств микростратегии СА (54%) и ориентация на снижение разговорности и повышение обобщённости и категоричности выражений. В результате образ говорящего в ПТ предполагает большую степень решимости и нацеленности на стратегическое партнёрство, чем в ИТ.

При рассмотрении особенностей передачи выступлений российских политических лидеров в рамках переговоров с президентом США также можно говорить о преобладании случаев незначительной трансформации элементов опорного концепта (66%). Уменьшение его семантической ценности (36%) наиболее полно представлено в рамках передачи субконцепта «забота об общем благе и безопасности в мире» (14%), частотного и для дискурса ВПВ ПК, но представленного там более абстрактно, чем в ИК: «Сотрудничество и обсуждение всех аспектов, связанных с реализацией идеи европейских ПРО, может быть более активным, договорились о том, что в настоящий момент время для **работы специальных технических экспертов**» [Медведев, 2012]. — “I believe such discussions could be more active. Now, in my view, time has come for **discussions between technical aspects**” [Medvedev, 2012]. Для вербализации описываемой трансформации — частотно использование опущения интенсификаторов и семантического повтора, добавления вводных компонентов и элементов сложноподчинённого предложения, отражающих субъективную оценку говорящего (СА) на фоне общей тенденции к генерализации (ПМ). Повышение семантической значимости опорного концепта в ПТ наблюдается лишь не-

много реже (30%), чем её ослабление и зачастую актуализируется при трансляции субконцептов «совместное решение проблем» (11%), «доверие между партнёрами» (11%) и «признание заслуг партнёра» (6%), нетипичных для дискурса ПК, но связанных с позитивной презентацией партнёра и взаимодействия с ним. Рассмотрим применение данной трансформации на примере передачи в ПТ субконцепта, «доверие между партнёрами»: «...я действительно удовлетворён тем, как складываются наши отношения, и это **имеет прямые последствия** для развития **межгосударственных отношений между Россией и Соединёнными Штатами**» [Медведев, 2011]. — “I am satisfied with our personal relationship that **helps us advance the relations between our two countries**” [Medvedev, 2011]. Повышение выраженности элементов концепта «общее дело» реализуется посредством конкретизации и генерализации (ПМ), часто совмещённых с понижением стилистического регистра и добавлением местоимений первого лица множественного числа (СА).

Более выраженная трансформация семантики опорного концепта, как правило, связана с передачей нетипичных для политической коммуникации ПК субконцептов «совместные усилия по построению двусторонних отношений» (14%) и «стратегическое партнёрство» (14%) посредством частотных для ПК и не встречающихся в ИК субконцептов «заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве» (40%) и «институциональное взаимодействие (10%)» для первого из названных субконцептов, а также «успешное сотрудничество» (50%) — для второго. Проиллюстрируем реализацию данного типа семантической модификации на примере передачи субконцепта «стратегическое партнёрство»: «Между нашими компаниями... деловые, партнёрские отношения» [Путин, 2013]. — “Our companies... have very **good** relations established” [Putin, 2013]. Среди средств, вербализующих рассмотренную трансформацию, — частотны генерализация и опущения семантического повтора.

Следует отметить, что для вербального оформления трансформаций в данном типе перевода характерно доминирование (71%) средств переводческой микростратегии СА. С точки зрения жанрово-коммуникативных аспектов передачи мы можем наблюдать повышение неформальности дискурса, снижение его категоричности и обобщённости: в ПТ в образе российского президента в большей степени, чем в ИТ, акцентируются приверженность принципам демократии и ориентация на взаимовыгодные отношения.

Что касается переводческой трансляции дискурса ВПВ в рамках российско-британского сотрудничества, то в нем, в отличие от рассмотренных выше типов перевода, преобладание случаев семантической модификации опорного концепта при его неравноценной передаче — незначительно (57%). Уменьшение значимости

элементов концепта «общее дело» (42%) осуществляется при передаче типичных для ПК субконцептов «совместные усилия по построению двусторонних отношений» (12%), «общность позиций и целей» (10%) и «забота об общем благе и безопасности в мире» (10%), относительно равномерно представленных в дискурсе ВПВ в ИК. Рассмотрим реализацию данной семантической модификации в рамках перевода последнего из названных субконцептов: **«Действительно, значительное время посвятили и ситуации вокруг Сирии»** [Путин, 2012]. — “We also spoke a lot about Syria” [Putin, 2012]. Средства вербализации данной трансформации обычно представлены лексико-семантической метонимией (ПМ) и опущением вводных компонентов со значением уверенности (СА).

Среди субконцептов, при трансляции которых происходит обратная семантическая модификация (15%), следует особо отметить «сотрудничество между разными слоями населения» (8%), «совместное решение проблем» (4%) и «признание заслуг партнёра» (3%), почти не встречающиеся в дискурсе ПК, но вводимые общей коммуникативной стратегией. Наиболее частотным в рамках данной трансформации является первый из названных субконцептов: **«Примеров этому немало: не так давно, в апреле этого года, была российская делегация в рамках Лондонской книжной ярмарки и открытие в Лондоне в рамках российско-британского “Года космоса” памятника Юрию Гагарину»** [Медведев, 2011]. — “We have lots of good examples to this co-operation. Recently the Russian delegation visited the London Book Fair and inauguration in the context of the Russian-British outer-space year of co-operation of the monument to Yuri Gagarin” [Medvedev, 2011]. Вербализацию рассматриваемой трансформации представляют различные лексико-грамматические средства повышения официальности стиля изложения, лексический повтор, добавление слов с положительной коннотацией (СА).

Изменение семантики опорного концепта (43%) осуществляется преимущественно в рамках перевода субконцептов «стратегическое партнёрство» (25%), «дружеское взаимодействие» (4%) и «доверие между партнёрами» (3%), противопоставленных представлениям о правилах и целях взаимодействия, обуславливающих выделение концепта «национальный интерес». Данная трансформация актуализируется при помощи типичных для дискурса ПК элементов опорного концепта, «институциональное взаимодействие» (43%), «ориентация на экономическую выгоду» (28%) и заинтересованность в сотрудничестве для блага своей страны» (5%), а также субконцепта «заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве» (24%). Проиллюстрируем сказанное в рамках взаимодействия наиболее частотных для её реализации переводного и трансформируемого субконцептов: «Но начать своё заявление все-таки хотел

бы с поздравления всем жителям, подданным Великобритании, Премьер-министру, всем нашим коллегам по поводу замечательного, прекрасного зрелища — **открытия Олимпиады**. Это было очень впечатляюще» [Путин, 2012]. — “I would like to start my statement with congratulations to the United Kingdom, all the nationals of the UK, the distinguished Prime Minister, with regard to the wonderful and unforgettable **opening ceremony of the Olympic Games**” [Putin, 2012]. Средства, отражающие рекомбинацию концепта «общее дело», реализуются в рамках обоих видов метонимии (частным случаем которых является изменение номинации партнёра) (ПМ), совмещённой с повышением стилистического регистра (СА).

В отличие от рассмотренных выше русскоязычных переводов выступлений британского премьер-министра, англоязычный переводной дискурс ВПВ в рамках российско-британской коммуникации предполагает доминирование микростратегии ПМ (52%), а также более значительные изменения концептуальной и коммуникативной организации дискурса ИТ, что на уровне его риторических особенностей выражается в понижении категоричности, неофициальности и повышении стереотипности. Изменения образа говорящего проявляются в представлении его как непредвзятого профессионального политика, преследующего интересы своего государства.

Исходя из проведённого анализа, переводческая макростратегия во всех четырёх типах перевода ВПВ предполагает адаптацию образа говорящего к ожиданиям иноязычной аудитории и осуществляется посредством трёх видов трансформации семантики исходного опорного концепта, применение которых во многом обусловлено типом связи переводимого элемента опорного концепта с концептосферой ВПВ в ПК. Субконцепты, нетипичные и противоречащие политическим ценностям ПК, обычно переводятся элементами концепта, опорного для дискурса ИТ, которые передают исходную ситуацию в ПТ наиболее понятно для аудитории в ПК и наиболее выгодно для имиджа иноязычного политического лидера. Субконцепты, общие для концептосфер в ПК и ИК, но менее частотные в ПК, транслируются в ПТ с понижением их семантической выраженности. Для субконцептов, нетипичных для ПК, но тесно связанных с усилением позитивной самопрезентации в рамках позитивного представления партнёра и взаимодействия с ним, передача осуществляется в рамках повышения их семантической ценности.

Помимо общих тенденций реализации переводческой макростратегии при рассмотрении ИТ и ПТ указанных вариантов ВПВ были выявлены и частные. Так, для англоязычных переводов российских ВПВ в британскую лингвокультуру более характерно при-

менение трансформаций, наиболее частотных для первых двух групп субконцептов. В переводческих традициях США и России в большей степени принято использование средств незначительной трансформации исходного опорного концепта. При этом в русскоязычных переводах американских и особенно британских ВПВ используются элементы опорного концепта дискурса ПК, не встречающиеся ни в ПК, ни в ИК, всецело связанные с прагматическими целями переводного дискурса ВПВ. Отличительными чертами англоязычных переводов ВПВ можно назвать использование элементов опорного концепта другой рассматриваемой англоязычной лингвокультуры и значительно большее разнообразие субконцептов исходного опорного концепта, не встречающихся в ПК, но передаваемых в ПТ посредством усиления их семантической выраженности в связи с прагматической целью переводов внешнеполитического дискурса. Также для указанных переводов характерно значительно более дифференцированное, чем в русскоязычных, распределение средств переводческих микростратегий в рамках вербализации повышения/понижения семантической выраженности субконцептов опорного концепта (СА) и более значимого изменения их семантического содержания (ПМ) в ПТ. С этим связаны особенности соотношения средств вербализации микростратегий СА и ПМ в рамках традиций перевода дискурсов ВПВ в лингвокультурах США, Великобритании и России, предполагающие преобладание микростратегии ПМ, доминирование микростратегии СА и равнозначную представленность обеих микростратегий, соответственно. При сравнении особенностей англо- и русскоязычных переводов ВПВ в рамках взаимодействия Россия — Великобритания и Россия — США следует отметить, что, ввиду большей близости между опорными концептами и риторической организацией дискурсов ВПВ в первой паре, в ней англо- и русскоязычные переводы характеризуются вдвое более частотным использованием усиления семантической выраженности опорного концепта на фоне более низкого процента применения остальных двух типов трансформаций, чем соответствующие типы переводов во второй паре.

На основе проведённого исследования и выявленных частных и общих тенденций реализации переводческой макростратегии можно сделать следующий вывод. Хотя средства её объективации для рассмотренных англо- и русскоязычных типов перевода ВПВ предполагают учёт корреляций ИЯ и ПЯ и потенциалов ПЯ, в силу обусловленности их отбора взаимодействием концептосфер и коммуникативно-риторических характеристик национальных вариантов данного дискурса в ИК и ПК можно говорить о домини-

рующем характере концептуальных, коммуникативных и риторических черт национальных вариантов дискурса ВПВ относительно аспектов языковой асимметрии.

References

- Alimuradov, O.A.* From Conceptual Sphere To Lexical and Back: Problems of Metonomical Modeling of Mental Space of the Language Person / Cognitive Study of Language. Vol. VII. M.: Inst. of Linguistics of the RAS, 2010. P. 233—241 (*Алимуратов О.А.* От концептосферы к лексике и обратно: проблемы метонимического моделирования ментального пространства языковой личности / Когнитивные исследования языка. Вып. VII: Сб. науч. тр. М.: ИЯ РАН, 2010. С. 233—241).
- Volkova, T.A.* Diplomatic discourse in terms of translation and communication strategic character (on the material of the English and Russian languages): Diss. ... PhD in Linguistics. Chelyabinsk, 2007. 231 p. (*Волкова Т.А.* Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2007. 231 с.).
- Garbovsky, N.K.* Theory of translation M.: MSU, 2007. 544 p. (*Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.).
- Kovaleva, E.I.* Traditions of classical rhetoric in American political discourse. Penza: JSC: "Oblastonoi Isdatelsky Tzentr", 2004. 132 p. (*Ковалёва Е.И.* Традиции античной риторики в американском политическом дискурсе. Пенза: ОАО Областной издательский центр, 2004. 132 с.).
- Lapshina, M.N.* Interpretation problems of oratory speeches / Problems of contemporary theory of translation. SPbSU, Fedorov Institute For Translation and Interpretation: SPb., 2011. P. 165—177 (*Лапшина М.Н.* Проблемы устного перевода ораторской речи / Проблемы современного перевода: сб. статей в честь шестидесятилетия проф. В.И. Шадрина. СПбГУ, Ин-т письм. и устн. перевода им. А.В. Фёдорова: СПб., 2011. С. 165—177).
- Larina, M.B.* Correlation between concept and anticoncept in British linguo-culture: on the material of the concepts magic and glamour): Diss. ... PhD in Linguistics: 10.02.19, 10.02.04. Nowokusnezsk, 2011. 180 p. (*Ларина М.Б.* Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре: на материале концептов magic и glamour: Дисс. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2011. 180 с.).
- Manerko, L.A.* Conceptual integration of mental spaces / Text and discourse. Ryazan: RSPU, 2002. P. 17—28 (*Манерко Л.А.* Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс. Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина. 2002. С. 17—28).
- Minchenkov, A.G.* Cognitive-heuristic model of translation: on the material of the English language: Diss. ... PhD in Linguistics. SPb., 2008. 319 p. (*Минченков А.Г.* Когнитивно-эвристическая модель перевода: на материале английского языка: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2008. 319 с.).
- Michkurov, E.N.* On the correlation of sense and meaning in the contemporary theory of translation // Translation and sense. Proceedings of the 2nd International Conference. M.: Publishing house Higher school of translation and

- Interpretation, MSU, 2009. P. 204—207 (*Мишкурлов Э.Н.* О соотношении смысла и значения в современном переводоведении // Наука о переводе сегодня. Перевод и смысл. Материалы II междунар. конф. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2009. С. 204—207).
- Nekhorosheva, A.M.* The category “the other’s” as a marginal area between “one’s own” and “someone else” (on the example of A Merkel’s presentations) // International Congress on Cognitive Linguistics. Tambov: The Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2010. P. 476—478 (*Нехорошева А.М.* Категория «другого» как маргинальная зона между «своим» и «чужим» (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 476—478).
- Noblok, N.L.* Author’s strategies of the English political discourse: on the basis of television debates between G. Bush and G. Carry. Diss. ... PhD in Linguistics. Tambov, 2007. 177 p. (*Ноблок Н.Л.* Авторские стратегии в английском политическом дискурсе: на материале теледебатов Дж. Буша — Дж. Керри. Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 177 с.).
- Novikov, L.A.* Russian language semantics. M.: URSS, 2002. 272 p. (*Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: URSS, 2002. 272 с.).
- Novodranova, V.F.* Concepts and anticoncepts and their linguistic representation (on medical terminology data) / Cognitive Studies of Language Vol. 1. M.: Inst. of Linguistics of the RAS, 2010. P. 140—145. (*Новодранова В.Ф.* Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами (на материале медицинской терминологии) // Когнитивные исследования языка: Сб. науч. тр. Вып. 1. М.: ИЯ РАН. 2009. С. 140—145).
- Suleymanova, O.A.* Grammatical aspects of translation. M.: Publishing Centre “Academia”, 2010. 240 p. (*Сулейманова О.А.* Грамматические аспекты перевода. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 240 с.).
- Suleymanova, O.A.* Stylistic aspects of translation. M.: Publishing Centre “Academia”, 2010a. 176 p. (*Сулейманова О.А.* Стилистические аспекты перевода. М.: Изд. центр «Академия», 2010а. 176 с.).
- Fesenko, T.A.* National Cultural Space Specifics As Reflected in Translation. Tambov: The Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2002. 228 p. (*Фесенко Т.А.* Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 228 с.).
- Fomina, T.D.* Specificity of concept dynamics in political discourse: on the example of G. Bush’s and T. Blair’s speeches dedicated to the second military campaign in Iraq. Diss. ... PhD in Linguistics. M., 2006. 197 p. (*Фомина Т.Д.* Динамика концепта в политическом дискурсе: на примере выступлений Д. Буша и Т. Блэра, посвящённых второй военной кампании в Ираке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 197 с.).
- Tsygankov, P.A.* Theory of international relations. M.: Gardariki, 2003. 590 p. (*Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.).
- Langacker, R.W.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.
- Meeting with US President Barack Obama [Electronic Resource] / 2011. — Access mode: <http://kremlin.ru/news/11355> (Встреча с Президентом США

- Бараком Обамой [Электронный ресурс] / 2011. <http://kremlin.ru/news/11355>).
- Meeting with US President Barack Obama [Electronic Resource] / 2012. — Access mode: <http://kremlin.ru/news/14840> (Встреча с Президентом США Бараком Обамой [Электронный ресурс] / 2012. — Access mode: <http://kremlin.ru/news/14840>).
- Meeting with US President Barack Obama [Electronic resource] / 2012. — Access mode: <http://www.kremlin.ru/news/15692> (Встреча с Президентом США Бараком Обамой [Электронный ресурс] / 2012a. <http://www.kremlin.ru/news/15692>).
- Meeting with Prime Minister of the United Kingdom David Cameron [Electronic Resource] / 2012. — Access mode: <http://www.kremlin.ru/news/16130> (Встреча с премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном [Электронный ресурс] / 2012. <http://www.kremlin.ru/news/16130>).
- Meeting with Prime Minister of the United Kingdom David Cameron [Electronic Resource] / 2013. — Access mode: <http://www.kremlin.ru/news/18350> (Встреча с премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном [Электронный ресурс] / 2013. <http://www.kremlin.ru/news/18350>).
- News conference with Prime Minister of Great Britain David Cameron following Russian-British talks [Electronic resource] / 2011. — Access mode: <http://kremlin.ru/transcripts/12663> (Пресс-конференция с премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном по завершении российско-британских переговоров [Электронный ресурс] / 2011. <http://kremlin.ru/transcripts/12663>).
- PM's press conference in Moscow [Electronic resource] / 2011. <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-press-conference-in-moscow>.
- Press conference: the Prime Minister and President Vladimir Putin [Electronic resource] / 2013. — Access mode: <https://www.gov.uk/government/speeches/press-conference-the-prime-minister-and-President-vladimir-putin>.
- Remarks by President Obama and President Medvedev of Russia after bilateral meeting [Electronic resource] / 2012. — Access mode: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/03/26/remarks-President-obama-and-President-medvedev-russia-after-bilateral-me>.
- Remarks by President Obama and President Putin of Russia after bilateral meeting [Electronic resource] / 2012a. — Access mode: <http://www.whitehouse.gov/photos-and-video/video/2012/06/18/President-obama-s-bilateral-meeting-President-vladimir-putin-russi#transcript>.
- Remarks by President Obama and President Medvedev of Russia after bilateral meeting in Deauville, France [Electronic resource] / 2011. — Access mode: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/26/remarks-President-obama-and-President-medvedev-russia-after-bilateral-me>.
- Transcript of remarks by Prime Minister and President Vladimir Putin [Electronic resource] / 2012. — Access mode: <https://www.gov.uk/government/speeches/transcript-of-remarks-by-prime-minister-and-President-vladimir-putin>.

И.К. Фёдорова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета: e-mail: abanico@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ КИНОПЕРЕВОДА В АСПЕКТЕ ЗРИТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Известно, что перевод иноязычного произведения вписывается в сложный и многоаспектный процесс межкультурного взаимодействия, в который вовлечено множество факторов. Среди них наибольший интерес представляет реакция широкой публики. Известно, что текст приобретает свой полный смысл только в условиях рецепции, т.е. понимания и оценки целевой аудиторией, которая наиболее ярко отражает интерпретацию инокультурного наследия в принимающей культуре. Данный аспект особенно актуален для исследования переводов на русский язык произведений зарубежного кино: известно, что доля переводных произведений в российском кинорепертуаре весьма значительна. Исследование основывается на материале переводов французского кинофильма “*Bienvenue chez les Ch’tis*” (Добро пожаловать в землю Шти) (2008), не оставившего равнодушным российского зрителя. Результаты исследования позволяют взглянуть глазами реципиента на наиболее актуальные проблемы киноперевода.

Ключевые слова: киноперевод, рецепция, зритель, критерии качества перевода, переводной текст, восприятие, принимающая культура, понимание, трансформация, отзыв, техника перевода, дублирование, закадровый перевод, субтитрование.

Irina K. Fyodorova, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of Foreign Languages (Linguistics and Intercultural Communication), Perm State National Research Polytechnic University, Russia: e-mail:abanico@inbox.ru

Problems of movie translation in the aspect of spectator’s perception

It is known that translation of a foreign text fits in a complicated and multi-aspect process of intercultural communication which involves numerous factors. The reaction of the audience to the translation is of great interest to any researcher. Any text only acquires its full meaning in the context of reception (i.e. when it is understood and evaluated by the target audience) which reflects in the most obvious way the interpretation of a foreign culture legacy in the recipient’s culture. This aspect is particularly vital for studying translations of foreign cinema works into the Russian language. The percentage of translated films in Russian movie theaters is considerable. The research is based on translations of “*Bienvenue chez les Ch’tis*” (Welcome to the Land of Shtis) (2008) — a French film that is highly popular in Russia. The results of the research make it possible to look at the most pressing problems of audiovisual translation through the recipient’s eyes.

Key words: audiovisual translation, reception, spectator, criteria for translation quality, translated text, perception, recipient culture, understanding, transformation, comment, translation technique, dubbing, voice-over, subtitling.

Кинотекст — это аутентичный продукт культуры, представляющий несомненный интерес, но вместе с тем значительную сложность для исследования. А.А. Кастаньеда Диас вполне обоснованно

замечает, что «кино является культурным феноменом, который определяет, укрепляет и преобразует мировоззрение зрителя» (перевод мой. — *И.Ф.*) [Castañeda Diaz, 2008, p. 118]. Таким образом, кинотекст может изучаться как «текст культуры», важнейшей чертой которого является конструктивность, создающая «необходимые предпосылки для изменения языковой и концептуальной картины мира конкретного индивида, воспринимающего данный текст, его читателя или переводчика» [Оболенская, 2010, с. 122]. Вместе с тем общеизвестно, что «формирование концепта текста в сознании носителя языка обусловлено рядом факторов, в том числе спецификой культуры. Один и тот же текст может быть воспринят носителями различных культур совершенно по-разному» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 9]. В этом плане киноперевод является особенно актуальным предметом исследования.

В связи с обращением к проблемам культуры вызывает интерес расширение самого понятия «перевод». По мнению Ю.Л. Оболенской, «перевод — не просто новая интерпретация оригинала, он даёт тексту оригинала новое измерение, вводит его в новую культурную систему, в которой существуют иные ориентиры и “оси координат”, причём сам перевод живёт в этой новой системе координат вполне самостоятельной жизнью, не всегда похожей на жизнь оригинала» [Оболенская, 2010, с. 16]. Как следствие «перевод приравнивается к межкультурному взаимодействию, а основная цель перевода рассматривается в рамках культуры-реципиента» [Клюканов, 1999, с. 30]. Отсюда, как в отечественном, так и зарубежном переводоведении, растёт интерес к переводному тексту.

Известно, что перевод иноязычного произведения вписывается в сложный и многоаспектный процесс «передачи, распространения, рецепции и реинтерпретации инокультурного наследия» [Espagne, 1999] (перевод мой. — *И.Ф.*), который исследователи обозначают термином «культурный перенос». В нём участвует множество факторов, таких, как политика издательств, участие СМИ и др. В свою очередь переводной текст вызывает ответную реакцию принимающей культуры в виде отзывов критиков и широкой публики. По нашему мнению, этот последний аспект играет в культурном переносе определяющую роль. Известно, что «текст приобретает свой полный смысл только в свете его рецепции, т.е. в условиях понимания и оценки целевой аудиторией, горизонт ожиданий которой может изменяться со временем» (перевод мой. — *И.Ф.*) [Ladmiral, 2006, p. 135]. На наш взгляд, данный аспект особенно актуален для исследования переводов на русский язык произведений зарубежного кино: известно, что доля переводных произведений в российском кинорепертуаре весьма значительна.

Рассмотрим данную проблематику на примере кинотекста «*Vienvenue chez les Ch'tis*» (Франция, 2008)¹. Это фильм о межкультурном и межъязыковом взаимодействии, который представляет значительный интерес для переводчика: он вызвал живой отклик у зрительской аудитории по всему миру и вошел в довольно обширный контекст межкультурного взаимодействия, в котором переводы играют определяющую роль. В России он также стал объектом повышенного интереса, как для зрителей, так и для профессиональных переводчиков. Свидетельством этого могут считаться многочисленные переводы, выполненные, начиная с года выхода фильма (2008) и до появления официального релиза (май 2010). Перечисленные переводные тексты представляют собой различные варианты лингвокультурной адаптации. В настоящем исследовании принимались во внимание переводы, выполненные переводчиками-любителями в техниках двухголосого закадрового перевода и субтитрирования², а также лицензионный дублированный перевод³. Любительские переводные тексты, особенно в технике субтитрирования, семантически ближе оригиналу, что объясняется спецификой данной техники. В.Е. Горшкова определяет её как «диасемиотический перевод, относящийся к разновидности синхронного перевода и отличающийся дополнительным характером письменного текста по отношению к звучащей речи...» [Горшкова, 2006, с. 12—13]. Стратегия перевода для официального релиза напротив ориентирована на поиск культурных аналогий. В качестве ориентира послужила реальная культурно-лингвистическая ситуация, сложившаяся на территории Украины, охватывающая соседствующие с ней области России и Молдавии, где одним из средств общения выступает суржик, смешанный язык, особенностью которого является «русская лексика при частичном украинском синтаксисе, фонетике и морфологии»⁴. Чтобы осуществить культурный перенос, переводчики взяли за основу суржик для создания искусственного языка, используя сходные принципы. Комический эффект переводного текста достигается за счёт контраста между стандартным русским языком и «французуржиком».

¹ Производство: Pathé-Renn, Hirsch, Les Productions du Chicon, TF1 Films Production, Cinéma et audiovisuel du Nord-Pas-de-Calais (CRRAV), Canal+, CinéCinéma, Centre national de la cinématographie, Région Nord-Pas-de-Calais, 2008. Жанр: комедия. Режиссёр: Дани Бун / Dany Boon, сценарий Дани Бун / Dany Boon, Александр Шарло / Alexandre Charlot, Франк Манье / Franck Magnier.

² Варианты перевода названия на русский язык: «Добро пожаловать в землю Шти», «Добро пожаловать к Штям», «Добро пожаловать в Ж...».

³ Официальный релиз «Добро пожаловать» вышел в июне 2010 г. и выполнен издательством «Вольга». Перевод Дарьи Мозель, автор русского литературного текста Андрей Бочаров.

⁴ Оба определения приводятся на <http://eu.spb.ru/ethno/projects/project3/ukraine/007/008>

Как официальная, так и любительские версии перевода фильма стали предметом оживлённых дискуссий на популярных зрительских форумах Kinopoisk.ru, Rutor.org и Fast-Torrent.ru. Эти отзывы, опубликованные с сентября 2009 г. по настоящее время, были взяты нами за основу для анализа рецепции. По нашему мнению, как положительные, так и критические отзывы зрителей помогают выявить ряд проблем киноперевода. Начнём с параметров зрительского восприятия, напрямую затрагивающих вопросы качества перевода и впечатления от переводного текста (213). Первый касается общей оценки качества переводного текста и включает отзывы зрителей, напрямую затрагивающие вопросы перевода и речевых характеристик переводного текста. Распределение зрительских отзывов по данному параметру исследования отражено в табл. 1.

Итак, общее количество отзывов по данному параметру составило 80, из них 55 касаются дублированной версии, 4 — любительских субтитров, 2 — закадрового перевода. В 19 отзывах техника перевода не уточняется.

Как следует из статистики, положительное восприятие переводного кинотекста связывается, прежде всего, с трудоёмкостью перевода, с осознанием положительной роли перевода для восприятия произведения, а также с успешностью перевода заглавия. При этом подавляющее большинство отзывов касаются дублированной версии. Интересно заметить, что положительная оценка переводного текста связана не только с самими качественными характеристиками текста, но и со степенью его обработки: так, лишь 1 критерий из 3 затрагивает качественный аспект и касается перевода заглавия. Критическое восприятие переводного кинотекста, напротив, связывается с его конкретными качественными характеристиками, в первую очередь с недовольством речевыми характеристиками переводного произведения, причём большинство отзывов (4 из 5) касаются официального дубляжа. Общая невысокая оценка качества перевода (5 отзывов из 16) соотносится с неоправдавшимися ожиданиями реципиента от перевода (2 отзыва). Количество отзывов по данным двум параметрам составляет 10 из 16. Следующим по значимости критерием стал перевод заглавия. Примечательно, что в большинстве отзывов версия перевода не уточняется и только в 1 случае из 4 критикуется заглавие в официальном дубляже. В целом преобладает положительная оценка переводного текста (57 отзывов против 16). Подавляющее большинство положительных отзывов (42 из 57) касается дублированной версии. Критические отзывы практически равномерно распределяются по всем версиям перевода. В 7 отзывах из 80 реципиенты подчёркивают, что для адекватной оценки качества перевода необходимо знание языка оригинала.

**Распределение зрительских отзывов по параметру
«Общая оценка качества переводного текста»**

Критерии	Общее кол-во отзывов	Версия			
		Дуб-ляж	Суб-титры	Закадр. перевод	Не указано
1. Положительное восприятие переводного текста	57	42	2	1	12
1.1. Общая положительная оценка качества перевода, значимость перевода для восприятия кинотекста	24	17		1	6
1.2. Удачный перевод заглавия	6	3	2		1
1.3. Трудоёмкость перевода при общей положительной оценке переводного текста	27	22			5
2. Критическое восприятие переводного текста	16	7	2	1	6
2.1. Общая отрицательная либо невысокая оценка качества перевода	5	2	1	1	1
2.2. Неудачный перевод заглавия	4		1		3
2.3. Ожидания более высокого качества текста на ПЯ	2	1			1
2.4. Недовольство речевыми характеристиками переводного текста (звучащего или письменного)	5	4			1
3. Необходимость знания языка оригинала для оценки качества перевода, значимость языковой характеристики оригинала	7	6			1
Общее количество отзывов по параметру «Общее восприятие переводного текста»	80	55	4	2	19

Исследование по данному параметру позволило обратить внимание на тот факт, что критерии качества зрителей и переводчиков не всегда совпадают. Как выявило исследование, зрительский взгляд на качество перевода далеко не всегда связывается с отношением между оригиналом и переводом, а включает аспекты, выходящие за рамки этих отношений, а именно качественные характеристики перевода как самостоятельного текста, ожидания от

текста перевода, усилия, затраченные на перевод). Обратимся к рассмотрению другого ключевого параметра зрительского восприятия — «Понимание переводного текста» (табл. 2).

Таблица 2

Распределение зрительских отзывов по параметру «Понимание переводного текста»

Критерии	Общее кол-во отзывов	Версия			
		Дубляж	Субтитры	Закадр. перевод	Не указано
1. Успешное понимание переводного текста	90	30	4	1	55
1.1. Перевод как положительный фактор для понимания кинотекста, уместность выбранной техники	8	5	2		1
1.2. Адекватность восприятия юмора, высокая оценка комических эффектов	49	7	1		41
1.3. Роль языка в создании и понимании комических эффектов	33	18	1	1	13
2. Затруднённое понимание переводного текста	43	16			27
2.1. Перевод как препятствие для рецепции	7	3			4
2.2. Неадекватность восприятия юмора, средняя и низкая степень восприятия комических эффектов	21	5			16
2.3. Затруднения при понимании переводного текста в целом или его отдельных моментов	3	1			2
2.4. Затруднение при понимании в начале с улучшением по мере просмотра	12	7			5
Общее количество отзывов по параметру «Понимание переводного текста»	133	46	4	1	82

Данный параметр включает в себя отзывы зрителей, связанные с содержательными характеристиками переводного текста, и отражает главным образом степень понимания комических эффектов. Известно, что передача юмора представляет существенную трудность для перевода. Общее количество отзывов по данному пара-

метру равняется 133. В 82 отзывах (а это более половины от общего количества) версия перевода точно не указывается, из чего можно судить об универсальности данной проблемы для всех техник киноперевода. В 46 случаях зрительские отзывы касаются официального дубляжа и только в 5 случаях — других техник (субтитры — 4, двухголосый закадровый перевод — 1). В большинстве случаев зрители демонстрируют успешное понимание переводного текста. Зрителями представлены отзывы по всем техникам перевода, однако в 55 случаях техника перевода реципиентом не уточняется. Затруднённое восприятие текста наблюдается примерно в одинаковом соотношении (1/3 от общего количества отзывов) для отзывов по дубляжу и отзывов без указания техники перевода.

Полученные данные позволяют затронуть сразу несколько проблем киноперевода. Во-первых, это границы вмешательства переводчика. Известно, что в силу своей специфики киноперевод предполагает значительную степень трансформации оригинального текста. Возникает вопрос: а существуют ли пределы этой трансформации и если да, то какими критериями они определяются? Если посмотреть на данную проблему глазами зрителя, очевидно, что понимание переводного текста может выступать в качестве одного из таких критериев. Во-вторых, это проблема влияния техники киноперевода на зрительское восприятие переводного текста. Этот аспект оказался наиболее интересным. С одной стороны, в большинстве отзывов зрителей внимание на этом аспекте не акцентируется, и, по-нашему мнению, это говорит о том, что ряд проблем киноперевода универсален (например, передача приёмов комического). Вместе с тем, значительная доля отзывов касается конкретно техники дубляжа. При этом 30 отзывов говорят об успешности восприятия и чуть более половины от этого количества (18) содержат мнения о возникших трудностях. Таким образом, мы можем предположить, что техника дубляжа занимает особое место по данному параметру. Не следует забывать, что дублированный перевод предполагает наибольшую степень обработки текста и в силу многих технических факторов (как, например, необходимость укладки) является в большей степени адаптивным, чем другие виды киноперевода. Таким образом, технических требований к этому виду перевода больше, параллельно возрастают и зрительские ожидания.

Согласно полученным данным, успешное понимание переводного текста связывается с ролью перевода и успешностью выбранной техники: 5 отзывов из 8 касаются дубляжа, 2 — любительских субтитров, и только в 1 случае техника не уточняется, таким образом, мнения зрителей по этому критерию отчётливо разделились. Наряду с этим результаты по критерию «Адекватность восприятия

юмора» не указывают на зависимость от конкретной переводческой техники: подавляющее количество отзывов, связанное с положительной рецепцией (41), приводится без указания на технику перевода. Наиболее отчётливо мнения зрителей разделились по критерию «Роль языка в создании и понимании комических эффектов»: 18 касаются официального дубляжа, по 1 отзыву высказывается относительно двух других техник и 13 приводятся без указания на технику перевода.

Среди отзывов, касающихся затруднённого восприятия, наблюдается несколько иная картина. Результаты также позволяют отметить особое положение дублированного перевода. По всем критериям отзывы зрителей чётко разделились на 2 группы: первая направлена на критику дублированной версии, вторая — на критику переводного текста в целом, без указания техники перевода. Анализ по критериям позволил выявить, что в 3 случаях из 7 именно дублирование стало препятствием для рецепции (зрители, входящие в эту группу, отметили, что так и не смогли досмотреть фильм до конца, так как текст был непонятен). В 7 отзывах из 12 при дубляже возникали затруднения в начале просмотра с постепенным улучшением в середине и в конце. Низкая и средняя степень понимания комических эффектов зарегистрирована в 21 случае, при этом в 16 отзывах техника перевода не уточняется, 5 отзывов касаются дубляжа. Затруднения при понимании отдельных моментов переводного текста отмечены в 3 отзывах, в 2 из которых техника не уточняется. Низкая степень понимания комических эффектов объясняется несколькими причинами. Одна из них заключается в кардинальной переработке текста перевода, при дубляже это особенно проявляется на фонетическом уровне, что в ряде случаев затрудняет понимание текста перевода. В качестве примера приведём перевод кинодиалогов с участием мадам Байёль, матери главного героя, речь которой привлекла особое внимание реципиентов. Фрагмент кинодиалога приводится в табл. 3.

В приведённом примере наибольшей трансформации в переводе подверглась реплика “Non, J’rigole pas du tout. Ch’est parce que ch’est tin directeur, quin va faire des manières!”: в дубляже она звучит как «Не жутю. Ждеж правила мойвы, ён мяя не нажалник». Для сравнения приведём перевод в субтитрах, где наоборот, очень сильно влияние исходящего языка: «Шовшем нет. Это потому, што он твой директор я ещё буду шоблюдовать манеры!»

Второй причиной затруднений в восприятии комических эффектов, судя по отзывам зрителей, стала значительная трансформация смысловых эффектов. Приведём пример из фрагмента кинодиалога в табл. 4.

Сопоставительный переводческий анализ фрагмента кинодиалога

Текст оригинала	Любительские субтитры и двухголосый закадровый перевод	Официальный дублированный перевод
<p>— Bonjour Madame! — Bonjour... Asseyez-vous. Vous avo rin bougé à l'chambre de min tchiot? — Euh, non madame. — Vous avo r'fait l'lit? — Pas encore. — Arrête maman... elle rigole. — Non, J'rigole pas du tout. C'h'est parce que ch'est tin directeur, quin va faire des manières! Hein min garchon ? — Oui madame...</p>	<p>— Добрый день, мадам! — Добрый день... Шадитесь. Вы нитшего не двигали в шпальне моего сына? — Э-э-э, нет, мадам. — Вы заправили поштель? — Ешё нет. — Мама, прекрати... Она шутит. — Шовшем нет. Это потому, што он твой директор я ещё буду шоблюдать манеры! Так, мой мальчик? — Да, мадам...</p>	<p>— Добрый день, мадам. — Бобрый. Задитесь. Вы ничего не движили в его спяльне? — Ээээ... Нет, мадам. — Корвать взёжили? — Э, ещё нет. — Хвать, Момж! Ёна жутит. — Не жутю. Жлеж правили мойвы, ён мяя не нажалыник. А, жынок? — Да, мадам.</p>

Сопоставительный переводческий анализ фрагмента кинодиалога

Текст оригинала	Любительские субтитры и двухголосый закадровый перевод	Официальный дублированный перевод
<p>C'est sur cette chanson qu'on s'est connus avec Anabelle! Il est de chez nous, le chanteur! Ch'ti vie Wonder!</p>	<p>Вот под эту шамую пешню я познакомилша ш Анабель! Этот певец, он из наших! ШТИви Вандер!</p>	<p>Это наше первое свидание с Анабэль. Эрто наж любимый певец — Рыжий в ванной...</p>

Как видно из примера, замечательная игра слов во фразе «Этот певец, он из наших! ШТИви Вандер!», по мнению зрителей и некоторых критиков, совершенно потерялась в дублированном переводе.

Вместе с тем вполне закономерно будет выглядеть вопрос о том, насколько «прозрачным» может быть переводной текст? По мнению Ж.-Р. Ламираль, чрезмерное стремление к прозрачности превращает художественный текст в документ [Ladmiral, 2006] (Перевод мой. — *И.Ф.*), таким образом, можно сказать, что переводной текст приобретает в принимающей культуре иную функцию, нежели оригинал в исходящей культуре. В качестве примера можно привести эпизод с доставкой пакета, где Антуан использует местное выражение, на котором строится комический эффект. В анализируемом фрагменте критическую оценку вызывает перевод в технике субтитрования, и особенно закадровый перевод. В тексте перевода культурно-специфический элемент оригинала заменён на универсальный (выражение “J’vous dis quoi”, примерный смысл которого «я вам расскажу, как всё сложилось», передано как «я вам скажу, что ОК»). Между тем выражение ОК уже давно стало маркером универсальной глобализованной коммуникации во многом благодаря мировому кинематографу. Подобная универсализация снимает довольно важный эстетический приём фильма — двусмысленность — и тем самым делает текст более прозрачным. Это, безусловно, ускоряет понимание фрагмента, однако зритель при этом недополучает эстетическую информацию.

Отвечая на поставленный выше вопрос, можно предположить, что важным критерием, определяющим степень вмешательства переводчика, является передача функции кинотекста. Как показывает практика, в целом ряде ситуаций это оказывается нелёгкой задачей. В этой связи интересный вывод по поводу перевода изучаемого кинотекста делает кинокритик Пётр Фаворов: «Там, где граждане Пятой республики смеялись над до боли знакомыми реалиями,

нам, как ни старайся переводчики, остаётся немного сентиментальная комедия языкового абсурда...» [Фаворов, 2010].

Перейдём к рассмотрению следующего параметра: «Переводной текст как источник культурных параллелей» (табл. 5).

Таблица 5

Распределение отзывов зрителей по параметру «Переводной текст как источник культурных параллелей»

Критерии	Общее кол-во отзывов	Версия			
		Официальный дубляж	Любительские субтитры	Двухголосый закадр. перевод	Не указано
1. Наличие культурных параллелей в принимающей или другой культуре	13	8			5
1.1. Украина («французская Украина», «северный суржик»)	5	5			
1.2. Другие культуры (польская, чешская)	3	3			
1.3. Чёткие параллели в принимающей культуре	5				5
2. Отсутствие чётких культурных параллелей	7				7
2.1. Отсутствие культурных параллелей ввиду неадекватного восприятия коммуникативной ситуации	1				1
2.2. Отсутствие чётких культурных параллелей ввиду обобщённого представления о поставленной проблеме	6				6
3. Осознание культурной специфичности кинотекста	12	4			8
3.1. Исключительно Франция (Север Франции)	7				7
3.2. Невозможность установить культурные параллели ввиду культурной самобытности кинотекста	5	4			1
Общее количество отзывов по параметру «Переводной текст как источник культурных параллелей»	32	12			20

В данную группу вошли отзывы, в которых не заостряется внимание ни на качестве перевода, ни на языковых особенностях переводного текста, но которые могут оказаться значимыми для исследования, поскольку позволяют позиционировать переводной текст относительно принимающей и исходящей культуры. Анализ таких отзывов позволяет определить степень ассимиляции/специфичности изучаемого кинотекста в принимающей культуре. Как следует из табл. 5, мнения зрителей разделились на два основных полюса: в 13 отзывах из 32 содержится указание на наличие культурных параллелей, в 12 из 32 отмечается, что изучаемый кинотекст обладает уникальной культурной спецификой. В 7 отзывах из 32 информанты не смогли провести чёткие культурные параллели. В большинстве случаев (6) это объясняется тем, что у зрителей преобладало обобщённое представление о поставленной проблеме (в качестве референтной ситуации указывается проблема смены места проживания), т.е. в этом случае мы можем говорить об универсализации восприятия. В 1 случае отсутствие культурных параллелей объясняется неадекватным восприятием коммуникативной ситуации: языковые эффекты, направленные на передачу особенностей регионального акцента в переводном тексте, ошибочно принимаются за дефект речи. Все отзывы данной подгруппы сделаны без указания на конкретную технику перевода. Остановимся более подробно на отзывах, составивших основные полярные группы. В первой группе отзывов прослеживаются чёткие культурные параллели в принимающей культуре (наиболее распространённые реакции информантов: «Российская глубинка», «Сахалин», «чукчи», «Север России», «Сибирь»). Число этих отзывов составило 5 из 13. Примечательно, что ни в одном из них не уточняется версия перевода. Напротив, дублированная версия вызвала чёткие ассоциации с Украиной, суржиком (5 отзывов), что не удивительно, но также и с другими славянскими культурами — польской, чешской (3 отзыва). В целом преобладают параллели с третьими культурами, не участвующими в культурном переносе непосредственно (8 отзывов), нежели параллели в принимающей культуре (5). Если рассматривать противоположную группу отзывов, то в 7 из 12 отзывов зрители по переводному тексту чётко идентифицируют культурную среду, а именно Север Франции. Ни в одном из 7 отзывов версия перевода не указывается. Вызывает интерес оставшаяся подгруппа отзывов (5), в которых содержится особое указание на невозможность установить культурные параллели ввиду культурной самобытности изучаемого кинотекста и делается акцент на важности знакомства с менталитетом исходящей культуры. В этой связи интересно проследить соотношение данной подгруппы отзывов с подгруппой отзывов № 3 по параметру 1 («Общая оценка перевод-

ного текста»), в которых указывается на необходимость знания языка оригинала для оценки качества перевода. Примечательно, что по обоим параметрам такая реакция информантов вызвана просмотром именно дублированной версии перевода, которая направлена на максимальную адаптацию кинотекста к принимающей культуре.

Данная статистика заставляет задуматься над проблемой, связанной с функцией переводного текста в принимающей культуре. Переводной текст ценен тем, что создаёт референцию исходящей культуры или тем, что актуализирует в сознании реципиента ценности принимающей культуры? Полученная статистика даёт достаточно противоречивые результаты. Насколько позволяет судить объём исследованного материала, информанты более склонны усматривать в переводном тексте возможность установления культурных параллелей. Однако если отзывы о культурной стороне рассматривать с учётом языковой специфики, то на первый план выходит стремление увидеть в переводном тексте самобытность исходящей культуры. Данная ситуация может объясняться эстетической концепцией изучаемого кинотекста.

Подводя итоги исследованию, заметим, что изучение рецепции переводных кинотекстов позволяет выявить целый комплекс проблем киноперевода.

1. Критерии качества зрителей и переводчиков не всегда совпадают. Зрительский взгляд на качество перевода далеко не всегда связывается с отношением между оригиналом и переводом, а включает аспекты, выходящие за рамки этих отношений.

2. Границы вмешательства переводчика определяются с одной стороны, доступностью переводного текста для понимания, а с другой стороны, необходимостью сохранения функции текста в принимающей среде.

3. Ряд проблем киноперевода универсален (например, передача эстетических приёмов). Тем не менее, в условиях киноперевода возникает ряд проблем, связанных с особенностями аудиовизуальной коммуникации, как например, зависимость от времени произнесения текста, откуда необходимость компрессии, важность опоры на видеоряд и др., что предполагает значительную степень обработки текста. Данное обстоятельство может повлиять на рецепцию как положительно, так и отрицательно. К этому добавляется круг проблем, связанных с выбором конкретной техники перевода. Согласно полученным данным, особое место занимает дублирование. Это означает, что данная техника может больше, чем другие, повлиять на восприятие произведения. Вместе с тем при дублировании увеличивается риск непонимания смысловых эффектов, что следует принимать во внимание в условиях осложнённого перевода.

4. Изучение рецепции выдвигает проблему, связанную с функцией переводного текста в принимающей культуре. Насколько позволяет судить объём исследованного материала, информанты более склонны усматривать в переводном тексте возможность установления культурных параллелей. Однако если принимать во внимание языковую сторону изучаемого переноса, то на первый план выходит стремление увидеть в переводном тексте самобытность исходящей культуры. Таким образом, для изучаемой целевой аудитории переводной кинотекст выступает в большей степени как способ построить референцию исходящей культуры, нежели как способ актуализации культурных ценностей принимающей культуры, и языковая сторона культурного переноса играет в этом плане ведущую роль. Фактор «техника перевода» оказался значимым для проведения параллелей с третьими культурами и для признания самобытности изучаемого кинотекста, на основании чего мы можем говорить об особом положении дублирования в двух разных ситуациях рецепции.

Список литературы

- Горшкова В.Е.* Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.05. Иркутск, 2006. 367 с.
- Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 1999. 290 с.
- Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 264 с.
- Слышкин Г.Г.* Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
- Фаворов П.* Непереводимая французская комедия, удачно переведённая на русский [Электронный ресурс] 2010. <http://www.afisha.ru/personalpage/191689/review/327666/>
- Castañeda Díaz, A.A.* Le temps comme dimension de l'univers cinématographique (A propos du temps et de l'espace créatifs dans le cinégramme) // Langage, Temps et Temporalité: Actes du 29-e Colloque d'Albi Langages et Signification. Toulouse: Université Toulouse-Le Mirail, 2008. P. 117—129.
- Espagne, M.* Les Transferts culturels franco-allemands. P.: PUF, 1999. 296 p.
- Ladmiral, J.R.* Esquisses conceptuelles, encore // Traduire l'intertextualité. P.: Presses Sorbonne Nouvelle, 2006. P. 131—142.

Интернет-ресурсы

- <http://www.fast-torrent.ru>
<http://forum.kinopoisk.ru>
<http://www.rutor.org>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Е.А. Алексеева,

доктор филологических наук, заведующая кафедрой французской филологии Воронежский государственный университет; e-mail: alexeeva@freemail.ru; france@rgph.vsu.ru

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В настоящей статье рассматривается номинативный потенциал имён собственных русского языка как образных номинаторов, употреблённых в рамках отождествительно-предметных предложений русского языка (*Она была его верной Пенелопой*). Описана продуктивность данной синтаксической модели для воплощения образного переосмысления признаков одного предмета через другой. Исследованы критерии, по которым избирается та или иная образная предметная номинация. Определены сложность и важность её изучения для реализации успешного перевода и для развития национальной и иноязычной ввиду наивысшей информативности образного имени собственного среди образных номинаций.

Ключевые слова: имена собственные, образная номинация, отождествительно-предметные предложения, механизм отождествления.

Elena A. Alexeeva, Dr. Sc. (Philology), Head of the Department of French Philology, Voronezh State University, Russia; e-mail: alexeeva@freemail.ru; france@rgph.vsu.ru

Proper nouns: translation perspective

The article focuses on the nominative capacity of proper nouns in the Russian language as figurative nominators used in Russian identifying substantive clauses (*She was his faithful Penelope*). The author describes productive characteristics of this syntactic model used for identifying one object through another. This work studies specifics of the dynamics of the nomination process as well as criteria for choosing a particular figurative nomination. Due to the highest informative capacity of representative proper nouns in general, the work also points out the importance of studying this phenomenon for further identifying different cognitive models of analysis of the reality and ethnical concepts of the world.

Key words: association, proper nouns, figurative nomination, identifying substantive clauses, mechanism of identification/reframing.

Обсуждаемая в последнее время проблема влияния перевода на развитие словесности представляется чрезвычайно интересной в связи с тем, что заставляет задуматься о роли и взаимоотношении этих двух основных и, пожалуй, единственных видов деятельности, которые даны человеку для отражения и выражения всего разнообразия его мышления, движения его чувств и ощущений. Перевод и словесность — понятия неразделимые, поскольку представляют собой две неразрывные составляющие единого процесса комму-

никации, которая осуществляется в условиях как одноязычия, так и многоязычия, как единых, так и различных культурных и ментальных традиций. По наблюдениям лингвистов, становление, развитие и обогащение национальных языков тесным образом связано с переводческой деятельностью [Костикова, 2009]. Проблема влияния перевода на словесность представляет собой сложнейшую задачу, которая может быть решена только в результате комплексных исследований, проводимых переводчиками, лингвистами, литературоведами, психологами. Если обратиться к лингвистической составляющей этой проблемы, то, как нам видится, здесь необходимо сосредоточиться и на базовых, основополагающих вопросах устройства языка, его функционирования, и на вопросах его речевого варьирования, чтобы проследить, насколько развитие национального языка, национальной словесности может отражаться и передаваться в переводе. Исследование такого рода проблематики ставит перед специалистами задачи изучения теснейшего взаимодействия языка и культуры и вынуждает обращаться к анализу таких языковых феноменов, которые требуют особого понимания от иноязычного пользователя русского языка. В этой связи особую трудность для коммуникации и перевода могут представлять имена собственные, используемые в качестве средства образной номинации для характеристики лица или предмета (*Она была его верной Пенелопой*). Глобализация контактов между людьми, интернационализация литературного и массмедийного процессов заставляют по-новому взглянуть на особенности употребления имени собственного, его функционирования в естественной среде и в той культурной среде, которая воспринимает элементы «чужой» культуры. Наши наблюдения над функционированием имени собственного позволили выявить, что употреблённое в качестве средства образной номинации, оно представляет собой определённый информационный блок, микротекст, в котором сфокусировано несколько векторов речемыслительной деятельности говорящего, и, соответственно, понимание подобного феномена требует от адресата осуществления комплексной когнитивной, лингвокультурологической, логической обработки этого информационного блока [Алексеева, 2013].

Имя собственное оказывает «магнетическое» воздействие на исследователей, давая им неиссякаемый импульс для его изучения как междисциплинарного явления, объединяющего в себе факты истории, географии, культурологии, социологии, лингвистики, психологии и т.д. В функционировании имени собственного присутствует некоторая парадоксальность: с одной стороны, оно выполняет функцию называния отдельного лица, имеет назывное единичное значение, а с другой стороны, оно может приобретать обобщённый

смысл, отличающийся глубиной, многомерностью, наложением пластов знаний и ощущений, в результате чего имена собственные становятся полноправными участниками процесса имьятворчества. Особенностью этого процесса является тот факт, что речь здесь идёт об образной номинации, основу которой составляет образное предметное отождествление, мотивированное восприятием одного предмета (понимаемого в широком смысле) как символа другого предмета.

В настоящей статье мы рассматриваем образный номинативный потенциал имён собственных русского языка в рамках определённой синтаксической конструкции, а именно в отождествительно-предметных предложениях (*Она была его верной Пенелопой*), предполагающих характеристику одного предмета путём распространения на него признаков другого предмета. Полагаем, что данный формат позволяет наиболее полно и наглядно проследить формирование образных номинативных свойств имени собственного, которые проявляются здесь в динамике, в процессе создания новой номинативной единицы, что является признаком развития национальной словесности и представляет определённую сложность для её интерпретации при переносе в иноязычную среду. Механизм создания новой образной номинативной единицы на основе имени собственного состоит в выделении признака или комплекса признаков одного предмета и поиске нестандартного воплощения этого номинативного содержания через другой предмет и осуществляется посредством соотнесения, отождествления этих предметов.

Для более детального понимания семантического и синтаксического контекста, в котором функционируют интересующие нас имена собственные, обратимся прежде всего к определению отождествительно-предметных предложений и к описанию механизма отождествления, на котором они строятся.

В соответствии с положениями семантико-функциональной типологии русского предложения, описанной А.М. Ломовым [Ломов, 1994], одной из важнейших операций, с помощью которой человек пытается осмыслить окружающий мир, является логическая операция сведения неизвестного к известному, позволяющая распространять знания, приобретённые в одной сфере знаний, на другие сферы. Таким образом, назначение отождествительно-предметных предложений состоит в том, чтобы отождествлять неизвестный в каком-либо отношении предмет-подлежащее с известным предметом-сказуемым (Пушкин — поэт). Этот тип предложений функционирует на основе механизма отождествления, предполагающего логическую рядоположность двух предметов. Его реализация осуществляется на основе двух видов отождествления — ха-

рактизирующего и идентифицирующего, которые в свою очередь используют два приёма отождествления — генерализацию (включение) и минимизацию (исключение). Указанный механизм отождествления реализуется в отождествительно-предметных предложениях русского языка следующим образом [Алексеева, 1994].

При характеризующем отождествлении, цель которого заключается в квалификации предмета-подлежащего, подавляющее большинство предложений строится на базе приёма генерализации, предполагающего включение этого предмета в класс аналогичных предметов и распространение на него признаков последнего. Используя эти предложения в речи, говорящий зачастую полагается на фонд знаний собеседника и может удовлетвориться предельно обобщённой информацией о предмете, состоящей только в отношении его к некоторому классу, множеству предметов (Я — учитель; Он — врач). И только при недостаточной осведомлённости партнёра, в целях достижения более полного взаимопонимания, он прибегает к использованию различных распространителей сказуемого, специфицирующих предмет через род и видовое отличие, уточняющих, детализирующих, обогащающих информацию о нём, приписывая ему, помимо общих характеристик класса элементов, признаки некоторых подклассов этого множества: Я — ваш *благодарный* ученик; Он — *заядлый* рыбак. Поскольку с точки зрения логики эти высказывания представляются наиболее естественными, большинство учёных в своих исследованиях, как правило, опирается только на этот корпус предложений и применительно к нему делает свои выводы, не учитывая особенности высказываний, образованных на основе второго приёма отождествления — минимизации.

Сущность приёма минимизации определяется тем, что он раскрывает, конкретизирует более широкое понятие с помощью более узкого: в предикате как бы фиксируется один из возможных и необходимых в данной речевой ситуации представителей класса, названного в подлежащем: Ориентир — дерево; Его любимое блюдо — мамины домашние пельмени.

Идентифицирующее отождествление, в противовес характеризующему, приводит в соответствие не два предмета, а два разных имени одного и того же предмета, причём референт первого имени неизвестен, а второго известен. Таким образом, этот вид отождествления служит не целям квалификации, а целям опознания предмета. Он использует те же самые эвристические приёмы — генерализацию и минимизацию, хотя и несколько своеобразно. Первый приём ориентирован на такие «положения дел», когда референт неизвестного наименования узнается через таксономическое имя, благодаря чему мы узнаем, представителем какого класса является данный предмет: /Зазвонил телефон. /Это была мать;/ /Мелькнула

ть. /Это была кошка/. Второй приём — минимизация — отражает такую ситуацию опознания, которая предполагает совершенно точный и определённый ответ на вопрос Кто это? / Что это?: Эта девочка — Света; В аэропорту я смотрела на него и не верила: неужели этот красивый молодой офицер — мой сын?

Говоря о разных видах и приёмах отождествления, нельзя забывать, что в ряде случаев механизм отождествления в наших предложениях оказывается затемнённым, недостаточно чётким в связи с тем, что в соответствие приводятся предметы, входящие в разные логические ряды, которые, переосмысляясь в сознании говорящих, могут быть сближены как рядоположные.

В подобных случаях процесс отождествления определяется способностью человеческого разума к переносу из одной сферы в другую понятий, которыми оперирует человек, познавая и отражая в своём сознании многообразную внеязыковую действительность. При таком отождествлении, работающем на категориальном «сдвиге», «ошибке», разнородные объекты, не связанные непосредственно друг с другом, принадлежащие разным классам, разным логическим рядам, объединяются по какому-то вновь выделенному признаку и включаются в категорию, к которой они не могли бы быть отнесены на рациональном основании.

Отождествление с усложнённым механизмом действия, по нашим наблюдениям, встречается в нескольких видах конструкций.

К наиболее типичным из них относятся метафорические высказывания, предполагающие замену прямого названия каким-либо другим, понимаемым переосмысленно. В сфере изучаемых предложений отождествление происходит на основе нестандартных соответствий. Такие метафоры строго индивидуальны, ассоциативно насыщены: Приход дядькиной жены в дом был вторжением гуннов (Д. Самойлов); Доверчивость — родимое пятно порядочных людей (Я. Голованов) [примеры см.: Алексеева, 1994, с. 15].

Ещё более сложный механизм отождествления отличает специфические для разговорной речи предложения с так называемой «спрямлённой» синтаксической структурой. Для них характерен определённый «сбой» в логическом порядке выбора лексико-грамматических средств организации предложения: Я — Ростовский университет; Эта икона — Архангельская область; Твоё платье — шёлк или шерсть? Генетически «спрямлённые» высказывания являются принадлежностью устно-разговорной речи. Однако в последние годы они активно используются как особое выразительное средство в книжно-письменной, особенно в публицистической речи, причём набор выражаемых здесь отношений, которые существуют между предметом-подлежащим и предметом-сказуемым, оказывается весьма разнообразным: Лена Шорохова — копна во-

лос, румяное открытое лицо, ровные, сумрачно красивые брови (В. Тендряков); Материалы дела о демонстрации — это три толстых тома (Л. Каминский); ФНАК на рю де Ренн — это три этажа книг и пластинок (В. Некрасов); Сервантес — это Возрождение (В. Токарева) [там же, с. 17].

Не вполне обычен механизм отождествления в некоторых тавтологических высказываниях: Дети есть дети; Война — это война и в редуцированных конструкциях типа Пермь — это случайно удавшаяся авантюра; Шпага — моё ремесло. Первые из них используются в речи как средство выведения на поверхность глубинных смыслов, подсказываемых ситуацией общения. Так, высказывание «Дети есть дети» может означать, что они дороги родителям, совершают необдуманные поступки, требуют забот и внимания и т.д. Вторые предполагают сокращение сложных номинаций и сведение их к атрибутивному или объектному компоненту (ср.: Пермь — это случайно удавшаяся авантюра = Взятие Перми — это случайно удавшаяся авантюра).

Анализ использования имени собственного в позиции сказуемого отождествительно-предметного предложения позволяет выявить, что здесь оно может выступать в следующих синтаксических функциях: а) в качестве отождествительно-предметного сказуемого в характеризующем отождествлении в его минимизирующей разновидности: Его любимый поэт — *А.В. Кольцов*; б) в качестве отождествительно-предметного сказуемого в идентифицирующем отождествлении в его минимизирующей разновидности: Эта девушка — *Наташа*, сестра Владимира; в) в качестве отождествительно-предметного сказуемого с усложнённым механизмом отождествления в «спрямлённых» синтаксических конструкциях: Для многих туристов Париж — это *Эйфелева башня* и в метафорических конструкциях: Она была его верной *Пенелопой*, где имя собственное используется в его переносном значении. Последний тип конструкций, представляющих интерес для нашего исследования, мы квалифицируем как разновидность отождествительно-предметных предложений с усложнённым механизмом отождествления и называем их метафорическими предложениями с ассоциативным именем собственным. Данная синтаксическая позиция позволяет наиболее полно раскрыть номинативный потенциал ассоциативного имени собственного, так как с точки зрения логики она представляется самой естественной, удобной для говорящего, позволяющей в короткой, прямой, эффективной и одновременно символической форме отождествить два предмета на образной основе с целью воплощения признака одного предмета через другой предмет. Не менее удобной и доступной эта форма является и для восприятия слушающего. Номинативный потенциал ассоциативных имён собственных в составе

отождествительно-предметных предложений представляется нам достаточно разнообразным. Его можно исследовать по нескольким направлениям, например по семантическому типу отождествляющего имени, по признаку, который лежит в основе отождествления, по национальной принадлежности ассоциативного имени и др. В рамках статьи мы ограничились описанием семантической квалификации ассоциативного имени собственного. Как показывают наблюдения, отождествление предмета-подлежащего с ассоциативным именем собственным, обладающим символическим значением, осуществляется по различным параметрам: известные личности, события, учреждения, географические объекты. При этом предмет, названный ассоциативным именем собственным, распространяет на предмет, заключённый в подлежащем, те или иные свои признаки (или их отсутствие), которые чаще всего указаны в сопутствующем контексте или предполагаются (иногда достаточно однозначно) из общих пресуппозиций данного социума.

Способность приобретать обобщённый смысл свойственно, в первую очередь, именам собственным, которые соотносятся с известными денотатами. Это обусловлено определёнными связями между именем и известным лицом, предполагающими наличие отличительных признаков этого лица. Устойчивые ассоциации, связанные с тем или иным лицом, способствуют переносу его имени на обозначение других людей, обладающих характеристиками, схожими с признаками исходного обладателя этого имени.

Источником для отбора примеров исследуемого явления послужили материалы СМИ и произведения современных авторов. Для описания анализируемых высказываний мы разделили их на две группы: в первом случае имеет место сопоставление предмета, заключённого в подлежащем, с лицами, во втором — с неодушевлёнными объектами. Среди ассоциативных имён собственных первой группы в качестве основания для ассоциирования отмечены следующие наименования:

Спортсмены. Однажды о Вас сделали такое сравнение: Евгения Канаева — это *Алина Кабаева и Ирина Чащина*, вместе взятые (КП, 14.09.2012). В России труд наставника в любом виде спорта оплачивается слабо и неохотно. Если ты *не Гус Хиддинк*, миллионные гонорары тебе не светят (КП, 04.03.2010). Бокс — не самый женский вид спорта. Бокс — это очень хорошая нагрузка для сжигания жира. Но я не занимаюсь боксом профессионально, я же не *Кличко и не Поветкин* (ОК! окт. 2013).

Политические деятели; люди, совершившие общественно значимые поступки. Повторения «революции тюльпанов» ждать не стоит. Её быть не может, потому что Бакиев — это не *Акаев*. И он бороться за власть будет жёстче (КП, 09.04.2010). Отчим бил ремнём по но-

гам, мама плакала. А я говорила себе: «Я — *Зоя Космодемьянская*». А он кричал: «Вот видишь, она даже не плачет, потому что она виноватая!» (КП, 31.07.2012). Диетолог разработал диету... Но бояться нечего: я — железный *Феликс* и сдержу своё слово (Starhit, июль 2013).

Учёные. Меня отдали в ближайшую от дома школу. Школа оказалась специализированной, поставившей студентов на химфак МГУ. Я в химии ничего не соображал, и моим главным врагом стал *Дмитрий Иванович Менделеев* со своей таблицей (ККИ, окт. 2012). Мне кажется, в 11 лет самое главное — думать не о мальчиках, а об учёбе. Не обязательно быть второй *Ковалевской*, но грамотно писать, говорить на нескольких языках, иметь представление об истории и географии любая девушка обязана (Теленеделя, 2012).

Сверхбогатые предприниматели. Билл Гейтс и Уоррен Баффет решили передать половину своего состояния на благотворительность. А Вы, сколько готовы пожертвовать? — Я, к сожалению, не *Гейтс* и не *Баффет*. Имея такое состояние, как они, с удовольствием поделился бы половиной (КП, 18.06.2010). Вы сейчас стали образцовым бизнесменом. Наверняка, всё получилось не сразу, и случались фиаско? — Конечно. Я и не отрицаю, что я — не *Роман Абрамович*. Но сейчас я в той ситуации, когда у меня больше удач, чем поражений (ОК! февр. 2011).

Авторы художественных произведений. Я согласен с мнением, что Высоцкий — наш *Пушкин* XX века (КП, 23.07.2010); [Вопрос одному из создателей программы «Наша Russia», которые убрали из сценария полюбившегося всем героя]. Вы не чувствуете себя *Конан Дойлем*, который убивает Шерлока Холмса? (КП, 11.03.2010).

Актёры. Саша Леньков сказал: — Приходи к нам в театр, у нас таких артистов нет, ты просто молодая *Раневская!* (ОК! июль 2012). Савве Крамарову не надо было уезжать в Америку. Все понимали, что не станет он там *Луи де Фюнесом*. Тут его очень любили, а там он был никем (КП, 07.06.2010).

Эстрадные певцы, представители шоу-бизнеса. Ты — наша украинская *Кристина Агилера* (ККИ, март 2010). Сергей Савин станет вторым *Биланом* (Тайны звёзд, дек. 2011). В ней нет глубины, она никогда не станет *Земфирой*. Но она зарабатывает деньги (ОК! июнь 2012). И. Крутой: Я в Олином проекте [создание духов] выступаю только в роли модели. Мы с ней вдвоём снимались в рекламе. Так что теперь я практически *Наоми Кэмпбелл* (7 Дней, 2013).

Оперные певцы, танцовщики. Во Франции балетные театры принадлежат государству. Это значит... рано уходишь на пенсию, денег не зарабатываешь, здоровью вредишь. И если ты не *Барышников*, то к концу карьеры остаёшься ни с чем (КП, 12.02.2011). Стас Михайлов — *Карузо* нашего больного времени (КП, 02.03.2011).

Персонажи художественных произведений. В Англии говорят: Березовский — это ваш профессор *Мориарти* (Тел. прогр. «Вести»,

23.12.2012). Ну чем Бали не Шервудский лес, а я — не *Робин Гуд!* — решил Андрей Григорьев-Аполлонов и вооружился луком! (Starhit, февр. 2013). «Я был *Робинзоном* и смог пережить наводнение и террор медведей» (КП, 07.07.2012), в том числе **персонажи сказок**: С новым ухаживающим дуэтом Melaperfect и VitalProtect SPF 50 от Darphin вы станете настоящей *Снежной королевой*, знающей секреты не только вечной молодости, но и универсальной защиты от солнца (ОК! июль 2012). Три стадии взросления: 1. Веришь в Деда Мороза. 2. Не веришь в Деда Мороза. 3. Ты сам *Дед Мороз* (КП, 26.12.2013). Долгое время Юлечка не могла понять: её подруга на самом деле идеальна или она *Лиса Патрикеевна* (Д. Донцова).

Персонажи кино-, телефильмов. Василий Ливанов — это наш российский *Шерлок Холмс* (КП, 18.03.2010). Мне хочется крикнуть режиссёрам: Я — *Офелия*, я могу быть другой (ОК! сент. 2012).

Мифологические персонажи. Ты не предательница, ты оставленная им женщина. Ты же, в конце концов, не *Пенелопа*, а он вовсе не *Одиссей*. Все его странствия, путешествия — это просто прихоть (Е. Вильмонт). Василий Пушкин не без удовольствия оглядел себя в большом зеркале, висящем на лестнице клуба. Лысына, выпирающий животик, впалый рот. Он не *Адонис*, и никогда им не был, зато как ловко сидит на нем однобортный фрак! (КИ, 2013), в том числе **знаки зодиака**: Должна признать, Валера — действительно типичный *Близнец*. Он всю жизнь старался угодить нашим и вашим, сделать так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты [там же].

Во второй группе высказываний, в которой в соответствие приводятся неодушевлённые объекты, ассоциативные имена собственные характеризуют предмет-подлежащее по следующим семантическим основаниям.

Учреждения, организации. Она одевала на сцене ультракороткое мини, сверкая как новогодняя ёлка. Я содрогнулась и сказала: «Так нельзя. Это не эстрада, это какой-то “*Мулен Руж*” провинциального пошиба» (ККИ, сент. 2012). Центр связи Генштаба — это наш российский *Пентагон* (КП, 07.08.2010). Ваша АЭС — не «*Фукусима*», удар цунами выдержала бы (КП, 14.02.2012). «Факел» будет «*Барселоной*» [Новому тренеру воронежского ФК «Факел» особенно близка тактика, которую использует «Барселона»] (Метро, 23.07.2013).

Географические объекты (страны, города, регионы). Европа станет *Сибирью!* Климат в шоке! (АиФ, 2012). ЗАПАД ныне — *новый Рим* периода упадка (КП, 24.02.2011). Эксперты говорят, что Афганистан может стать *Саудовской Аравией*, только не нефтяной, а литиевой (Профиль, 2010). Хотелось иметь деньги сразу и не особо напрягаясь, а Москва в этом смысле *Клондайк* (Starhit, сент. 2012). Ставрополье — второе *Косово* (Тел. прогр. «Вести», 09.12.2012).

События. Я инвалид и горжусь этим. И моя жизнь — это личные *Параолимпийские игры* (ККИ, окт. 2012).

Названия художественных произведений. Фильм «Шапито-шоу» станет «новорусской» «Ассой» (КП, 28.01.2012). «Апостол» — это «Семнадцать мгновений весны» на новый лад (КП, 05.02.2011). По сути, «Простые сложности» — это «Американский пирог» для тех, кому под (или за) 60 (КП, 15.01.2010).

Названия различных объектов действительности. Можно на «москвич» прицепить логотип «мерседеса». Но от этого «москвич» не станет «мерседесом» (ОК! июль 2012).

Функции ассоциативного имени собственного в рамках отождествительно-предметных предложений могут расширяться за счёт возможности их метафорического индивидуально-авторского употребления, которое с трудом поддаётся семантической квалификации ввиду высокой степени абстрактности соотносимых понятий: В тебе точек разных — как в Млечном Пути звёзд. То есть астероидов... Да! Ты и есть *Млечный Путь*. Очень в тебе всего много (А. Берсенева), а также тавтологического использования: *Брюс Уиллис* — такой *Брюс Уиллис*! На днях он спас женщину, застрелив из пистолета... пчелу! (ОК! июль 2013); Что случилось там, на той планете, где остались Москва и Кирилл? Мир то ли перевернулся, то ли отсюда кажется, что он перевернут, и *Кирилл* вовсе не *Кирилл*? (Т. Устинова).

Представленные наблюдения дают возможность сделать следующие заключения. Наиболее продуктивным образом воплощение образного переосмысления, ассоциирование одного предмета через другой осуществляется в рамках синтаксической модели отождествительно-предметных предложений, так как они в наибольшей степени соответствуют характеру человеческого познания, выявляющего новые качества, связи, признаки не только неизвестных явлений, предметов, но и знакомых, выделенных в «опыте человечества» путём установления некоторых простейших классификационных отношений. С точки зрения логики в них происходит процесс видо-родовой систематизации опыта, который представляется человеческому уму наиболее естественным путём для познания окружающего мира.

Ассоциативное имя собственное — это символическая мотивированная номинативная единица, которая обладает наивысшей информативной насыщенностью среди образных номинаций, дающая возможность в чрезвычайно лаконичной форме передать большое смысловое и эмоциональное содержание, не прибегая к дополнительным объяснениям, комментариям. Однако для его правильной интерпретации от говорящего и адресата требуется наличие определённого единого фонда знаний о событиях, фактах,

заложенных в том имени собственном, которое использовано для образной номинации, переосмысления.

Не вызывает сомнений необходимость изучения ассоциативно-го имени собственного для выявления специфики моделей познания действительности и национальной картины мира, что крайне важно при решении задач адекватного перевода и успешной межкультурной коммуникации.

Как показывает проведённое исследование, ассоциативное имя собственное — это многогранное и универсальное средство создания нового видения мира, которое является безусловным фактором развития как национальной, так и переводной словесности и которое нуждается в строгом учёте и описании для того, чтобы его свойства и особенности были раскрыты с достаточной полнотой и последовательностью.

Список литературы

- Алексеева Е.А.* Отождествительно-предметные предложения в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 173 с.
- Алексеева Е.А.* Имя собственное в аспекте отождествления (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 29—34.
- Костикова О.И.* Перевод и развитие русской словесности в эпоху Петровских реформ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 1. С. 3—10.
- Ломов А.М.* Типология русского предложения. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1994. 289 с.

Источники

- АиФ — Аргументы и факты. 2012. № 26.
- Берсенева А.* Глашенька. М.: Эксмо, 2011. 352 с.
- Вильмонт Е.* Девочка с перчиками. М.: Астрель АСТ, 2011. 318 с.
- Донцова Д.* Дед Снегур и Морозочка. М.: Эксмо, 2009. 384 с.
- КИ — Караван историй. 2013. № 8 (182).
- ККИ — Коллекция. Караван историй. март 2010, сент. 2012, окт. 2012.
- КП — Комсомольская правда. 15.01.2010, 04.03.2010, 11.03.2010, 18.03.2010, 09.04.2010, 07.06.2010, 18.06.2010, 07.08.2010, 23.07.2010, 12.02.2011, 24.02.2011, 02.03.2011, 28.01.2012, 14.02.2012, 07.07.2012, 31.07.2012, 14.09.2012, 26.12.13.
- ОК! февр. 2011, июнь 2012, июль 2012, сент. 2012, июль 2013, окт. 2013.
- Профиль. 2010. № 23 (674).
- Тайны звёзд. дек. 2011.
- Телевизионная программа «Вести». 09.12.2012, 23.12.2012.
- Теленеделя. дек. 2012.
- Устинова Т.* Где-то на краю света. М.: Эксмо, 2013. 544 с.
- 7 Дней. 2013. № 1.
- Metro. 23.07.2013.
- Starhit. сент. 2012, февр. 2013, июль 2013.

Л.В. Борисова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: borisova_1_v@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «ЗЛО» (русско-чувашские параллели)

В статье приведён комплексный сопоставительный анализ слова «зло» в русском и чувашском языках. Это слово представляет собой один из фрагментов языковой картины мира этноса, и предпринятый анализ вносит определённый вклад в реконструкцию цельной языковой картины мира, а также позволяет выявить некоторые особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурология, менталитет, концепт, сопоставительная семантика, полисемия, коннотация.

Ludmila V. Borisova, candidate of philological sciences, assistant professor of Russian Language and General Linguistics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary; e-mail: borisova_1_v@mail.ru

Conceptual analysis of word «evil» (Russian and Chuvash parallels)

This article offers a comparative semantic analysis of word “evil” in Russian and Chuvash languages. This word is one of fragments of language world picture of ethnoses and the undertaken analysis gives a certain contribution to reconstruction of the integrated language world picture and also helps to find out some peculiarities of national comprehension.

Key words: language world picture, linguistic and cultural studies, mentality, concept, comparative semantics, polysemy, connotation.

Ещё в начале XIX в. В. фон Гумбольдт отмечал, что различные языки являются различными мировидениями [Гумбольдт, 1984]. Язык фиксирует в лексических значениях слов результаты познания и восприятия мира человеком. Совокупность этих знаний, запечатлённых в языковой форме, составляет языковую картину мира, которая, как мозаика, состоит из концептов и связей между ними. Поскольку концепты реализуются в языке с помощью лексем, скрупулёзный лингвистический анализ отдельных слов вносит вклад в реконструкцию цельной картины мира — «образа мира по данным языка», по словам Ю.Д. Апресяна, отметившего также, что «именно на таком микроскопическом уровне удаётся получить принципиально новое знание, причём часто знание весьма общего характера, потому что именно в микромире можно с наибольшей отчётливостью наблюдать элементарные механизмы языка» [Апресян, 1999, с. 52].

В настоящей работе, являющейся одной из попыток проникнуть в «микромир языка», проведён комплексный сопоставитель-

ный анализ концепта «зло» в русской и чувашской языковых картинах мира.

Толковые словари современного русского литературного языка выделяют три лексических значения существительного «зло»: 1) «всё дурное, плохое, вредное»; 2) «беда, несчастье, неприятность»; 3) «злое чувство, гнев, досада, недовольство» [СРЯ]. Анализ собранного текстового материала показал, что содержание, вкладываемое носителями русского языка в слово «зло», шире приводящихся в толковых словарях дефиниций.

В качестве доминирующей в составе лексического значения слова «зло» может выступать сема «**вред**». Сравните: *Какое же может быть зло, что несчастные люди... будут поучаться в утешительных верованиях будущей жизни?* [Толстой, 1987, т. 3, с. 48]; *Какое ещё зло можно причинить рыбе, которая уже поймана, изжарена и подана на стол под соусом?* [Чехов, 1982, т. 1, с. 12]; *Для сообществ зло несправедливости более разрушительно, чем добро милосердия — созидательно* (А.П. Скрипник, Зло) [Этика, 2001]. Но по отношению к любому ли причинению вреда можно употреблять слово «зло»? *Вьюга повредила гнёзда. Повредить главные корни растения при пересадке.* Можно ли в приведённых примерах употребить синтагму «причинить зло»? Нет. А почему? Как объяснить тот факт, что в речи возможна фраза «*Колорадский жук причиняет вред сельскому хозяйству*», но нельзя сказать: «*Колорадский жук причиняет зло сельскому хозяйству*», — тогда как в предложении «*Фашисты причинили вред огромному количеству людей*» без ущерба для смысла высказывания можно заменить слово «вред» словом «зло»? Возможно, всё дело в том, что вред может причинить и кто-либо, и что-либо, а зло может причинить только кто-либо, или сущность, наделённая сознанием. Поэтому в предложении «*Этот человек причинил мне вред*» можно слово «вред» заменить словом «зло», а в сочетаниях *пожар (ураган) причинил вред, засуха нанесла вред, наводнение причинило вред* и т.п. такая замена невозможна. Далее, вред можно причинить и кому-либо, и чему-либо, а зло можно причинить только сущности, способной испытывать боль (физическую или душевную). Во фразах «*небрежное обращение с книгой наносит ей вред*», «*сырость причиняет вред мебели*» слово «вред» нельзя заменить словом «зло». Выражения «*причинить зло камню, одежде*» воспринимаются как бессмысленные. Таким образом, в составе семантики слова «зло» можно выделить ещё одно значение — «сознательное причинение боли, страданий кем-либо кому-либо». Только вот можно ли квалифицировать как зло сознательное причинение боли врачом или медсестрой своим пациентам тогда, когда это необходимо для выздоровления? Нет. Видимо, предложенное определение нуждается в уточнении. Возможно,

более подойдёт следующий вариант: **«действие (или намерение), заключающееся в сознательном доставлении кем-либо приятных ощущений себе ценой причинения вреда, страданий кому-либо»**. Примеры: *Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла* [Ключевский, 1993, с. 43]; *Помыслим, так ли нейтрально «забытое» прошлое, как кажется нам порою? Не продолжает ли мстить нам сотворённое некогда, но не осмысленное критически, не пережитое покаянно зло?* [Балашов, 1993, с. 67]; *В любом случае всё зло, задуманное и содеянное им, вернётся обратно, обернётся против него же* [Глоба, 2001, с. 54].

Слово «зло» может употребляться в речи и в значении **«люди, делающие зло, способные на зло; злые люди»**. Ср.: *Снисхождение к злу очень тесно граничит с равнодушием к добру* (Н.С. Лесков) [ЭА, с. 94]; *Никто злу не запрещает. Кто мне запретит желать жены ближнего, осла его и вола его?... А исполнить то, что хочу, это мне — пфу! — раз плюнуть. Тут только вопрос умения. Вот в вопросе умения — тут злу и помогает высота... Зло всегда норовит вести огонь с высокого берега* [Дудинцев, 1988, с. 97].

В результате исследования выявилось и такое значение лексики «зло», как **«присутствующая в мире нематериальная сущность, враждебно настроенная к человеку, стремящаяся его уничтожить»**. Ср.: *«Дух беспокойный, дух порочный, / Кто звал тебя во тьме полночной? / Твоих поклонников здесь нет, / Зло не дышало здесь поныне...»* [Лермонтов, 1997, с. 56]; *Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом...* [Гумилёв, 2002, с. 53]; *Скорее, это было одно из тех обратных чудес, чудес зла, автор которых — сам дьявол* [Грекова, 1998, с. 87]; *Вам придётся объяснять ему не только вечные истины, но и правила защиты от сил зла...* [Глоба, 2001, с. 73].

Как показал анализ, слово «зло» выступает и в двух связанных друг с другом значениях: **«понятие морального сознания, характеризующее отрицательные нравственные ценности», «категория этики: оценочное понятие, заключающее в себе представления об отрицательных нормах и ценностях»**. Ср.: *И даже в час отдохновенья, / Подъёмля потное чело, / Не бойся горького сравнения / И различай добро и зло* [Фет, 1996, с. 95]; *В их сознании нет... никакого представления о добре и зле. Для них то всё хорошо, чего они хотят, и то все плохо, что им мешает* [Солженицын, 1991, т. 1, с. 43]. Четыре рассмотренных лексических значения не указываются в толковых словарях современного русского языка, но, как показал анализ, они входят в семантику многозначного слова «зло».

Согласно данным этимологических словарей русского языка, слово «зло» восходит к индоевропейскому корню *g'h₂el-: *g'hul- — «изгибаться», «кривиться», «изворачиваться», «кривить душой».

К и.-е. *g'huel- восходят: лит. įžulnus «косой»; авест. zūrah «неправда, несправедливость, обман»; перс. zug «ложь»; осет. zūl «кривой». К и.-е. *g'huel- восходят: авест. zbarətna «идти вкривь»; осет. æwzæz «зло»; др.-инд. hvalati «сбивается с пути, заблуждается», huaratē «идёт вкривь» [Фасмер, 2004; Черных, 2007; ЭССЯ]. Таким образом, этимон слова «зло» связан с признаком кривизны и со значениями «обман», «ложь», «заблуждение». Примечательно, что и в русской языковой картине мира с признаком кривизны связаны значения «ложь», «несправедливость», «обман». Ср.: *Вы все правы, один я крив* (А.Н. Толстой, Иван Грозный) [СРЯ]; *Кривда* «неправда, несправедливость», *кривотолки* «неправильные, неосновательные суждения» [СРЯ]; *Кривить душой* «лицемерить», *кривое зеркало* «зеркало, дающее искажённое изображение», *на кривой не объедешь* «не обманешь» [ФССРЛЯ].

В русских территориальных диалектах семы «ложь», «обман», «несправедливость» и т.п. входят в состав лексического значения дериватов слова «зло». Ср.: *Злыга* (перм., сиб.) «плутишка, воришка, лентяй», *злокоманно* (олон.) «хитро, лукаво», *злodarство* (тамб.) «обман, козни», *злыдарить* (ряз.) «плутовать, обманывать», *злоньрить* «лукавить, коварничать», *злыдень* (урал.) «плут, мошенник» [СРНГ]. Примечателен также семантический параллелизм представленных в русском языке названий дьявола: *дух зла, творец зла // отец лжи, лукавый*.

В «Чувашско-русском словаре», изданном под редакцией М.И. Скворцова, выделены следующие лексические значения слова «усал»: 1) «зло, вред // злой, вредный» (*усал çынсем* «злые люди»); 2) «несчастье, беда» (*усал çине усал пулса пырать* «беда следует за бедой»); 3) «дрянь, погань» (прост.) (*усал шыв* «помой», *усал кáмпа* «гриб-поганка»); 4) «озорной (о ребёнке)» (*усал ача* «ребёнок-сорванец»); 5) «нечистая сила, чёрт» (*усал ачи* «чёртёнок»); 6) (бран.) «дьявол, чёрт»; 7) (разг.) «пурга, вьюга» [ЧРС]. Анализ собранного обширного текстового материала показал, что семантика этого многозначного слова шире той, которая приводится в словаре. В результате анализа были выявлены следующие лексические значения слова «усал», выступающего в речи как формально не маркированные существительное, прилагательное, наречие:

1. **Плохой, скверный по качеству, вызывающий самую отрицательную оценку (о предметах, явлениях).** *Çанталăк пит усал* «Погода очень плохая». [Осипов, 1980, с. 63] // **Неприятный, отвратительный.** *Алăк уçсанах усал шăршă сáмсана çурчĕ.* «Как только он открыл дверь, в нос ударил неприятный запах». М. Кипек, *Ёсре пишнисем // О чём-либо плохом, негодном, ненужном, от чего желательно избавиться.* *Нимĕçсем вáрманти мĕн пур усала шáлса хире тáкаççĕ* «Немцы весь лесной хлам собирают и выбрасывают в степь» [Ашмарин,

1994, т. 1—2] // **О человеке: негодный, ничтожный, презренный; ничтожество, дрянь.** — *Сайитене качча илме хапӑл туса тӑратӑн пуль... Сана, сын усаллине, кусна кӑтсе куҫ хӳрине ӑсатать вӑл.* «Наверное, собираешься жениться на Сайидэ... Ты, ничтожество, нужен ей как собаке пятая нога» [Скворцов, 1982, с. 84].

2. **Плохой, скверный в моральном отношении, непорядочный, безнравственный.** *Эп ҫеҫ ятӑ тесе, / Эп ҫеҫ чаплӑ тесе, / Усал шухӑш пуҫна / Ан та хур.* «Дурную мысль о том, что только ты достоин славы и почёта, выбрось из головы» [Мартьянова, 1991, с. 43]; *Анчах ку — пӑсӑлӑнӑй чӑваш, усал чӑваш, укҫа та хӳрарӑм кирлӗ куна* «Но этот — испорченный чуваш, плохой чуваш, ему нужны только деньги и женщины» [Силэм, 1999, с. 73] // **В знач. сущ.: о ком-, чём-либо плохом, безнравственном, достойном осуждения.** ...*Вӑл хӑй еткерне усала вӑрентесӑн пулман курӑнать...* «Потомков своих он, видимо, не хотел приобщать к дурному» [Илпек, 1989, с. 79] // **Слова или мысли, выражающие осуждение; грубые, бранные слова.** *Лида ҫинчен усал калаҫма ан хӑйӑн пул, Мариҫ инке* «Не смей говорить плохо о Лиде, тётя Маруся» [Терентьев, 1994, с. 81].

• *Усал сӑмах* 1) «грубые, бранные слова»; 2) «непристойные, матерные слова»; 3) «сплетни, клевета». *Усал ят* «дурная слава, худая молва». *Усала тух* «стать достойным осуждения, испортиться». *Усала юл* «подвергаться осуждению, быть осуждаемым». *Усал кур (ил)* «подвергать осуждению, осуждать».

3. **Непочтительный, нескромный, склонный к нарушению общепринятых норм поведения; дерзкий, озорной, задиристый.** *Ӑста тартӑн, усал хӳр? / Пуҫна ҫийӑн тупӑнсан.* «Куда убежала, дерзкая дочь? / Найду — голову оторву» [Иванов, 1976, с. 63]; — *Ан аташ, Ятламас... Пӑртак йӳркеллӳрех пул... Ах, аллусем усал-ҫке санӑн!* «Не балуйся, Ятламас... Веди себя прилично... Ах, ну и дерзкие же у тебя руки!» [Турхан, 1994, с. 52].

4. **Исполненный чувства недоброжелательства, враждебный, полный злобы, злости.** — *Ну, упӑшкам чӑнах та усал пулӑн манӑн. Тупата туршӑн, усалчӑ, хаярчӑ. Текех ӗҫетчӑ те хӑнетчӑ.* «Ну, муж мой был действительно злым человеком. Богом клянусь, злым был, жестоким. Постоянно пьянствовал и избивал меня» [Элкер, 1994, с. 49]. // **Злоба, злость; гнев, ярость.** *Этем усалӑ этемӑнчен малта пынӑ чухне ӑна урхамахна та хуса ҫитейместӑн.* «Если человеческая злоба вырвется вперед и оставит человека позади себя, её не догнать ни на каком скакуне» [Юхма, 1990, с. 86].

5. (рел.) **Злой дух, чёрт, дьявол; нечистая сила.** *Ылтӑн хыҫӑнче усал пытанса пуӑнать.* «За золотом прячется дьявол» (чув. посл.); *Унтан тата усалсене Турра кӑл тунӑ чух этемме хӑратать, теҫӗ.* «Говорят также, что злые духи (черти) пугают людей во время молитвы» [Тимофеев, 2002, с. 61].

• *Усал чӑлхи* «заговор против злого духа».

6. (бран.) **Сволочь, дрянь; мерзавец, негодяй, подонок.** — *Ийя, ман кин въл, усал.* «Да, это моя сноха, мерзавка» [Павлов, 1992, с. 29].

7. **Порча; болезнь, немощ.** Согласно суеверным представлениям чувашей, та или иная немощ, болезнь могут возникнуть в результате порчи, наведённой злыми духами или связанными с ними колдунами, ворожеями. *Пёрре те унна-кунна чирлемен сынна* «усала пӑхӑннӑ сын» *теҫҫӗ:* «ӑна ниепле усал та ҫӗнтерес ҫук ӗнтӗ», *теҫҫӗ.* *Усалтан-мӗнтен тасалмашкӑн усалсемпе пӗр канашлӑ пулмалла.* «Человека, ни разу не болевшего, называют “повинующийся дьяволу”. О таком говорят: “Его никакая немощ не одолеет”. Чтобы очиститься от порчи (болезни), надо найти общий язык с нечистой силой» [Тимофеев, 2002, с. 63].

• *Усал куҫ* «дурной глаз». *Усал куҫ ӱкни «сглаз».* *Усал укҫа* «наговорённые деньги».

8. **Несчастье, беда; бедствие.** *Усал куҫа курӑнса килмест.* «Беда подкрадывается незаметно» (чув. посл.) [ВС]; *Усал пусса ҫӗнтерчӗ пуҫӑма. Пурнӑҫ мӑйкӑчи пуранчӗ.* «Беды одолели мою голову. Петля на аркане жизни затянулась» [Скворцов, 1982, с. 73] // **Сулящий недоброе, неблагоприятный.** — *Кӗҫӗр, юри пекех, юмӑҫ пӑхнин усал тупсӑмӗсем иксӗмӗре тиврӗҫ.* «Нынешним вечером, как нарочно, самые дурные предсказания в гадании достались нам двоим» [Мранька, 1989] // **Приносящий беду, страдания, неприятности.** *Ыр хыпар хӑпха уҫса тухиччен усал хыпар ял касса ҫаврӑнать* «Пока добрая весть отворяет ворота, чтобы выйти на улицу, худая обежит всю деревню» (чув. посл.) // **Неприятное ощущение душевной или (и) физической боли; страдание.** *Ырӑна усал хушшинче — ҫупкӑна тапкӑ ҫисе, упӑшкин екки кайсан вӗри ытамра ачаш сӑмахсемпе ҫеҫ ҫаврӑнине туйса та ҫӗнӗ сын ҫемье пурнӑҫне хӑнӑхрӗ* «Находясь посреди блаженства и страдания, — то в синяках, то в горячих объятиях с нежными словами, в зависимости от настроения мужа, — молодая привыкла к семейной жизни» [Сачкова, 1996, с. 64] // **В знач. нар.: плохо, тяжело, мучительно.** *Ах, усал-ҫке вӑл алӑра хӑватлӑ власть пур чух ҫапла хускалмасӑр, мӗскӗннӗн ыртасси.* «Эх, до чего же мучительно лежать неподвижно, в жалком состоянии, когда в твоих руках сосредоточена могущественная власть» [Турхан, 1994].

9. **Зло, вред.** *Ҫынна пӗр усал тӑвиччен пилӗк усӑ ту.* «Лучше пять раз принести человеку пользу, чем один раз причинить вред». И. Иванов, Лайӑх, ӑслӑ, кӑмӑллӑ сын пурне те юрӑхлӑ [РЧЛ] // **Причиняющий боль, вред; злой, жестокий.** *Пӗр иртнӗ усал чире тепӗр хут вӗрӗлтересшӗн марчӗ.* «Не хотелось вызывать рецидив уже отступившей злой болезни» [Артемьев, 1991, с. 53] // **Могущий причинить зло, вред; опасный, страшный, вредный.** *Ырӑ пӗлӗх ҫак усал ҫумӑра ман ана ҫинелле ан ятӑрах* «Хоть бы Всемилостивый Бог отвёл от моей полосы этот страшный дождь» [Илпек, 1989, с. 84].

Усал кӓмна «ядовитый гриб». *Усал чӓлхе* 1) «злой язык (о том, кто любит осуждать других или занимается распространением сплетен)»; 1) «дерзкий язык (о бойком на язык человеке, балагуре, шутнике)». *Усал шухӓш* 1) «дурная, постыдная, безнравственная мысль»; 2) «злое намерение». *Усал ёс* 1) «дурной, безнравственный, постыдный поступок»; 2) «злодеяние, преступление»; 3) «плохая работа (не приносящая удовлетворения кому-либо)».

10. (уст.) *Пурга, буран, выюга. Усал тухса каймасан.* «Если не будет пурги» [Ашмарин, 1994, т. 1—2].

Согласно данным этимологических словарей, указанных в списке литературы, чувашское слово «усал» восходит к древнетюркским **usal** «беспечный, нерадивый», **usan** «проявлять беспечность». К этим древним формам восходят также турецкое **осал** «ленивый, нерадивый», казахское и азербайджанское **усал** «откладывающий, медлящий, небрежный», уйгурское **узал** «небрежный, неосторожный», татарское **усал** и башкирское **уҫал** «злой», якутское **осол** «небрежность; несчастный случай», монгольское **осол** «небрежность, оплошность, неосторожность; несчастный случай», бурятское **оһол** «небрежность, оплошность; несчастный случай» [Федотов, 1996; Севортян, 1974].

Сопоставительный анализ семантики слов «зло» («злой») и «усал» позволил выявить некоторые особенности, присущие русской и чувашской языковым картинам мира. В русском языке широко представлены случаи метафорического употребления слова «зло». К примеру, *рассвирепеет жизни зло, бороться со злом, в глазах вспыхнуло зло, объятые злом сердце, вымещать зло на ком-либо, зло берет кого-либо* и т.п. Перевод этих и подобных им выражений на чувашский язык затруднителен, поскольку одним из значений слова «усал» является «чёрт, дьявол». Если приведённые русские примеры попробовать буквально перевести на чувашский язык, то в восприятии представителей чувашского этноса слово «усал» будет выступать в значении «чёрт, дьявол». Именно это значение препятствует метафорическому употреблению слова «усал» в чувашском языке.

В русском языке прилагательному «злой» и близким к нему по семантике прилагательным «лютый», «лихой» присуща энантиосемия на уровне прагматического компонента лексического значения. Эти слова могут характеризоваться как отрицательной, так и положительной коннотацией. Сравните:

1. — *Вспомни, что вино — хороший слуга, но злой барин* [Бестужев-Марлинский, 1984, с. 23]; *А вот царя-то я ни разу не видал. Говорят, лют! Никого не милует, сам генералам скулы набок сворачивает.* Сказка «Петр Первый на охоте» [Сказки, 1988, т. 1, с. 85]; *Вейся, вейся, руса косынька, / У маменьки родной, / Ты успеешь, усечёшься / У свекровушки лихой* [Частушки, 1990, с. 42].

2. Дядя, как он сам говорил, был злой рыбак. Он ничего не любил так сильно, как рыболовство (Решетников, Между людьми) [СРЯ, т. 1]; У девочки бровь крутая / Припевать больно лютая [Частушки, 1990, с. 53]; И соберись, и уложись, / И в час беды такой / Ещё хозяйкой окажись / Проворной и лихой (А.Т. Твардовский, Дом у дороги) [СРЯ, т. 2].

В чувашском языке слово «усал» характеризуется исключительно отрицательной коннотацией, оно может выступать в речи как грубое бранное слово, приблизительно соответствующее русским словам «мерзавец», «сволочь», «дрянь», «подонок» и т.п.

Семантика чувашского слова «усал» совмещает значения русских слов «зло», «злой», с одной стороны, и слов «плохой», «худой», «дурной» — с другой. Сравните: *Вӑл ҫынран нур усала кӑтме пулат* «от этого человека можно ожидать любого зла»; *Усал ту* «делать зло»; *Усала астуса тӑр* «помнить зло»; *Усал сун* «желать зла»; *Усал чунӑ ҫын* «злой человек»; *Усал шухӑш* «злая мысль»; *Усал хыпар* «худая весть»; *Усал хуйхӑ* «злое горе»; *Чӑлхи усал унӑн* «у неё злой язык»; *Усал ҫанталӑк* «плохая погода»; *Ҫулӑсем усал* «плохие дороги»; *Усал ят* «плохая репутация, дурная слава»; *Усал йӑла* «дурная привычка»; *Усал шӑршӑ* «дурной запах»; *Усал тӑлӑк* «дурной сон»; *Тытканӑнӑвӑсем усал* «у него дурные манеры»; *Пурнӑҫра ырри те, усалли те пулӑ* «в жизни было и плохое, и хорошее».

Семантика чувашского слова «усал» включает семы «дерзкий», «озорной», «задиристый», отсутствующие в структуре лексического значения русских слов «зло», «злой», «плохой», «дурной», «худой». В русском языке слова «озорной», «задиристый» не характеризуются отрицательной коннотацией. Тот факт, что в чувашском языке эти семы входят в состав лексического значения слова, выражающего отрицательные ценности, объясняется, на наш взгляд, особенностями этнической психологии. Одним из наиболее почитаемых качеств человеческого характера чуваша издавна считали сдержанность, скромность, а различные проявления несдержанности подвергали резкому осуждению. Эта особенность чувашского менталитета нашла отражение в лексической семантике национального языка. Сдержанность соотносена с такими понятиями, как «воспитанность», «вежливость», «аккуратность», «красота», «ум». Сравните: *Сӑпайӑ* 1) скромный, сдержанный; 2) воспитанный, вежливый; 3) аккуратный, опрятный; 4) красивый; *Йӑнӑ* 1) хороший, пристойный; 2) спокойный, сдержанный; 3) здравомыслящий; 4) толковый, умный [ЧРС]. Озорство — одно из проявлений несдержанности. В семантике многозначных слова оно соотносено с такими понятиями, как распутство, разврат, лень, неряшливость. Все чувашские слова, в состав лексического значения которых входит сема «озорство», характеризуются отрицательной коннота-

цией. Сравните: *Алхас* 1) играть, забавляться; 2) озорничать, баловаться; 3) шуметь, свирепствовать, бушевать (о стихиях); 4) развратничать, распутничать; 5) бесчинствовать; 6) (диал.) сердиться, злиться, быть в ярости; *Аскӑн* 1) развратный, распутный; 2) шальной, безудержный; 3) сильный, разрушительный (о явлениях природы); 4) шаловливый, озорной; *Асӑх* 1) распутный, развратный; 2) азартный; 3) шаловливый, озорной; *Иртӑхӳ* 1) баловство, шалости; 2) распушенность, разнузданность; *Шаймак* 1) лентяй, лодырь; 2) зубоскал, насмешник; 3) озорник, проказник; *Апастӑ* 1) грязнуля, неряха; 2) озорник, шалун; 3) балагур, болтун; 4) (миф.) название злого духа [ЧРС]. Отрицательной коннотацией характеризуются и другие слова, обозначающие различные проявления несдержанности. Излишняя разговорчивость соотнесена в семантике многозначных слов с неряшливостью и глупостью, очень веселый нрав — с цинизмом, жеманством, кривляньем, ленью (сравните положительно коннотированные русские слова «весельчак», «шутник»), лихость и удаль — с наглостью и дерзостью. Сравните: *Ланӑрти* 1) неряха, грязнуля; 2) болтун, пустослов; *Сӳтӑк* 1) болтун, пустослов; 2) бестолочь, тупица; 3) легкомысленный человек, ветреник. *Ейкеленчӑк* 1) насмешник, зубоскал; 2) циник, похабник; 3) кривляка; *Чӑрсӑр* 1) отчаянный, лихой, удалой; 2) наглый, дерзкий; *Пахматтай* 1) невежа, грубиян; 2) удалец, смельчак [ЧРС]. Таким образом, наличие в составе лексического значения чувашского слова «усал», обладающего ярко выраженной отрицательной коннотацией, сем «озорство», «дерзость», отсутствующих в русских эквивалентах этого слова, обусловлено особенностями чувашского менталитета.

В результате сопоставительного оппозитивного анализа концептуальных пар «добро — зло» и «бырӑ — усал» были выявлены две основные особенности, присущие представлениям о добре и зле в русской и чувашской языковых картинах мира и свидетельствующие об этнической специфике мировосприятия. Основной функцией концептуальной пары «добро — зло» в русской языковой картине мира является характеристика нравственного аспекта человеческой деятельности, взаимоотношений людей. *Добро* и *зло* — это понятия морального сознания, характеризующие положительные и отрицательные нравственные ценности. Объектом оценки является прежде всего сам человек, его чувства, мысли и поступки по отношению к другим людям, а также к объектам и явлениям внешнего мира. Ср.: *Поступать вопреки внутреннему сознанию добра и зла, действовать вопреки своей совести есть грех, противный природе человека* (Христианское чтение 1827 года) [Духовные, 1995, с. 49]; *С течением времени представления о добре и зле меняются* [Лазарев, 2000, кн. 1, с. 64]. Таким образом, в русской языковой картине

мира *добро* и *зло* являются основными этическими категориями, морально-оценочными понятиями.

Основной функцией концептуальной пары «*ырă* — *усал*» в чувашской языковой картине мира является выражение ценностного отношения в широком смысле, *ырă* и *усал* — это, прежде всего, аксиологические категории. Объектом оценки являются различные предметы и явления внешнего мира, живые организмы, в том числе и человек. Характеристика нравственного аспекта человеческой деятельности, сфера человеческих взаимоотношений входят в состав концептуальной оппозиции «*ырă* — *усал*», но не в качестве основного, а в качестве одного из компонентов. Сравните примеры, которые невозможно перевести на русский язык, используя антонимы «добро — зло» («доброе» — «злое», «добрый» — «злой»): *Ырри сахал, усали пурне те ăтет* «Хорошего мало, плохого же всем хватает»; *Усала ырри те усалăн курăнать* «Дурному человеку и хорошее видится дурным»; *Ырă йывăç усал ăмĕç кўни сук* «Хорошее дерево не приносит плохих плодов» [ВС]; *Ăнталăкăн ырри те, усали те пур* «Погода может проявлять и хорошие, и плохие свойства» [Лисина, 1994, с. 84].

С другой стороны, можно привести ряд русских примеров, которые сложно перевести на чувашский язык, используя слова «*ырă*» и «*усал*»: *Из всех требований добра для совести необязательно только невозможное* [Ключевский, 1993, с. 74]; *Зло существует либо в форме стремления к самоутверждению за счёт других, либо в форме безволия, неспособности сопротивляться давлению обстоятельств или устоять перед искушениями...* [Этика, 2001, с. 83]. Основная причина сложности перевода этих и подобных им примеров на чувашский язык при помощи слов «*ырă*» и «*усал*» заключается в том, что в русском языке слова «добро», «зло» обозначают абстрактные понятия и выражают грамматическое значение предметности (хотя по происхождению и являются субстантивированными формами прилагательных), а чувашские слова «*ырă*» и «*усал*» преимущественно обозначают признаки, качества, свойства, их основными синтаксическими функциями являются функции определения, обстоятельства. Употребляясь в значении имени существительного, слова «*ырă*» и «*усал*» могут обозначать добрых или злых духов, хороших или плохих людей, приятные или неприятные ощущения, события, одобряемые или осуждаемые человеческие качества, чувства, эмоции, но не выражают абстрактные понятия, обозначающие положительные или отрицательные нравственные ценности. Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые современные чувашские писатели и поэты под влиянием русского языка используют слова «*ырă*» и «*усал*» в абстрактном значении для выражения положительных или отрицательных

нравственных ценностей. Примеры: *Брӑна усала уйӑрса илме питӗ йывӑр халь Макара* «Макару сейчас очень трудно отличить добро от зла» [Аслан, 1983, с. 92]; *Пӑтранать Чӑваш Тӗнчи, пӑтранать. / Брӑна Усал вӑрҫи вӑйланать. / Чӑваша чӑваш сутать, улталать. / Чӑваша чӑваш таптать, нутарать. / Тӗнпере хура ҫӑхан явӑнать.* «Бушует Мир Чувашский, бушует. / Всё яростней становится битва Добра и Зла. / Чуваши предают, обманывают друг друга. / Чуваши топчут, топят друг друга. / В небе кружит чёрный ворон» [Туркай, 1999, с. 88].

Вторая особенность в представлениях о добре и зле в русской и чувашской языковых картинах мира заключается в том, что русским словам «добро», «добрый», «злой» присуща энантиосемия на уровне прагматического компонента лексического значения. Что касается чувашских слов «ырӑ», «усал», энантиосемия им несвойственна. Эмоциональная окраска этих слов представляется более насыщенной, более яркой по сравнению с русскими эквивалентами. «Брӑ» — это не только «хороший, представляющий собой ценность», не только «уважаемый, почитаемый», «любимый, дорогой», но и «святой». «Усал» — не только «плохой, достойный осуждения», не только «причиняющий вред, злой, жестокий», «негодный, ненужный», «ничтожный», но и «мерзкий, вызывающий отвращение». Можно высказать предположение о сакральной, культовой принадлежности концептов «ырӑ» и «усал», базирующейся на входящих в их состав представлениях об оказывающих определённое влияние на человеческую жизнь нематериальных сущностях, обладающих сверхъестественными способностями.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия «Лит. и яз.». 1999. Т. 58, № 4. С. 43—53.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 451 с.

Источники

- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994—2000. Т. 1—2. 1994. 584 с.; Т. 3. 1994. 368 с.; Т. 4. 1994. 360 с.; Т. 5. 1994. 424 с.; Т. 6. 1994. 336 с.; Т. 7—8. 1999. 696 с.; Т. 9—10. 1999. 616 с.; Т. 11—12. 2000. 672 с.; Т. 13—14. 2000. 660 с.; Т. 15—16. 2000. 676 с.; Т. 17. 2000. 440 с.
Балашов Д.М. Похвала Сергию // Роман-газета. 1993. № 3. 96 с.
Бестужев-Марлинский А.А. Романтические повести. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1984. 416 с.
Глоба Т.М. Утро жизни. М.: КОИ — Лига Пресс, 2001. 400 с.
Грекова И. Вдовий пароход. М.: Текст, 1998. 421 с.

- Гумилёв Л.Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории. М.: Рольф, 2002. 320 с.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
- Дудинцев В.Д.* Белые одежды. М.: Советский писатель, 1988. 512 с.
- Духовные цветы: Выписки из писаний отцев-подвижников о духовной жизни. М.; Рига: Благовест, 1995. 288 с.
- Ключевский В.О.* О русской истории. М.: Просвещение, 1993. 576 с.
- Лазарев С.Н.* Диагностика кармы. СПб.: Лениздат, 2000–2001. Кн. 1–7.
- Лермонтов М.Ю.* Избранное. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 512 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 768 с.
- Сказки. М.: Советская Россия, 1988. Кн. 1. 544 с.; Кн. 2. 576 с.; Кн. 3. 624 с. (Библиотека русского фольклора. Т. 2).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1965. Вып. 2. 1966. 315 с.; Вып. 3. 1968. 360 с.; Вып. 7. 1972. 355 с.; Вып. 8. 1972. 372 с.; Вып. 11. 1976. 364 с.; Вып. 12. 1977. 368 с.; Вып. 17. 1981. 383 с.; Вып. 20. 1985. 376 с.; Вып. 25. 1990. 352 с.; Вып. 36. СПб.: Наука, 2002. 344 с.; Вып. 37. 2003. 415 с.
- СРЯ — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984. Т. 1. 1981. 698 с.; Т. 2. 1982. 736 с.; Т. 3. 1983. 752 с.; Т. 4. 1984. 794 с.
- Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М.: Инкои — НВ, 1991. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 528 с.; Т. 3. 544 с.
- Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 3. Война и мир. 493 с.; Т. 4. Война и мир. 400 с.; Т. 5. Война и мир. 542 с.; Т. 6. Война и мир.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель, 2004. Т. 1. 558 с.; Т. 2. 671 с.; Т. 3. 831 с.; Т. 4. 863 с.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 509 с.
- Фет А.А.* Лирика. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 512 с.
- ФССРЛЯ — Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. / Под ред. А.Н. Тихонова. М.: Наука, 2004. Т. 1. 831 с.; Т. 2. 830 с.
- Частушки / Сост. Л.А. Астафьева. М.: Советская Россия, 1990. 656 с. (Библиотека русского фольклора. Т. 9).
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык. Медиа, 2007. Т. 1. 622 с.; Т. 2. 560 с.
- Чехов А.П.* Сочинения: В 2 т. М.: Художественная лит-ра, 1982. Т. 1. Повести. Рассказы 1880—1894. 448 с.; Т. 2. Повести. Рассказы 1894—1903. Пьесы. 480 с.
- ЧРС — Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
- ЭА — Энциклопедия афоризмов / Сост. Э. Борохов. М.: АСТ, 2000. 720 с.

- Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 669 с.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / Под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1974. Вып. 1. 1974. 315 с.; Вып. 2. 1975. 240 с.; Вып. 5. 1978. 232 с.; Вып. 8. 1981. 252 с.; Вып. 15. 1988. 264 с.; Вып. 30. 2003. 269 с.
- Артемиев А.С.* Салампи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1991. 255 с.
- Аслан С.С.* Ахрат. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1983. 320 с.
- Иванов К.В.* Нарспи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1976. 115 с.
- Илпек М.* Хура çăкăр. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1989. 400 с.
- Лисина Е.* Çăкăр чĕлли. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1994. 430 с.
- Мартянова Л.В.* Йышăнман сăмахсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1991. 160 с.
- Мранька Н.* Ёмĕр сакки сарлака. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1989. 1—2 кĕн. 592 с.; 3 кĕн. 608 с.
- Осипов П.Н.* Пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1980. 480 с.
- Павлов Ф.П.* Çырнисен пуххи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1992. 576 с.
- РЧЛ — Революционерчи чăваш литератури. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1984. 464 с. Т. 1.
- Сачкова Л.Н.* Чĕкеçĕм, чĕкеç. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1996. 158 с.
- Силэм Ю.* Сылăхлă хĕрарăм. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1999. 400 с.
- Скворцов Ю.И.* Сăваплă вут. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1982. 272 с.
- Терентьев Н.Т.* Суйласа илнĕ пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1994. 552 с.
- Тимофеев Г.Т.* Тăхăръял. Этнографи очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. 431 с.
- Туркай В.* Пурăнатпăр-ха! Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1999. 192 с.
- Турхан К.* Сĕве Атăла юкса кĕрет. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1994. 1—2 кĕн.
- ВС — Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хат. Шупашкар: Чăваш кĕнекеизд-ви, 2007. 493 с.
- Элкер С.В.* Хурапа шурă. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1994. 447 с.
- Элли В.* Качча кайсан. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. 286 с.
- Юхма М.* Термен. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1990. 464 с.

Е.В. Петрова,

соискатель кафедры славянских языков и культур, методист кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: alenapetr88@mail.ru

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ УДАЧИ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ

Статья посвящена проблеме перевода фразеологических единиц, участвующих в формировании концептов *удача* и *pomyślność* русского и польского языков. Номинативные единицы фразеологического типа рассматриваются в статье как часть польской и русской культуры. Предлагается концептуальный способ перевода названных концептов.

Ключевые слова: фразеологизм, перевод, концептуальный перевод, концепт, русский язык, польский язык.

Elena V. Petrova, External Doctoral Candidate at the Department of Slavic languages and Cultures, Methodist at the Department of Comparative Study of Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: alenapetr88@mail.ru

Interlingual Structural-Semantic and Conceptual Asymmetry: Translating Phraseological Units with the Semantics of “Luck”

The article is devoted to translation of phraseological units that take part in the forming of the concepts *удача* and *pomyślność* in the Russian and Polish languages. In the article, nominative units of the phraseological type are considered as part of Polish and Russian cultures. The conceptual method of translating these concepts is proposed.

Key words: phraseological unit, translation, conceptual translation, concept, Russian language, Polish language.

Настоящая статья посвящена проблеме перевода фразеологизмов как особого вида словосочетаний, представляющих собой типичные случаи межъязыковой асимметрии¹. В ней рассматриваются основные способы перевода такого типа лексических единиц. На материале близкородственных русскому и польскому языкам анализируются примеры полной, частичной и нулевой эквивалентности при переводе фразеологических единиц, участвующих в формировании концепта удачи.

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на III Международной научной конференции «Наука о переводе сегодня» 31.10.2013 — 01.11.2013 г. в Высшей школе перевода в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Москва.

Фразеологизмы представляют собой особый пласт лексических единиц. Это словосочетания, которые формируются в пределах лексической системы данного языка и закрепляются в нём в уже «готовом» структурно-семантическом облике, в котором и воспроизводятся в текстах. Именно по этой причине некоторые фразеологизмы и в особенности идиомы не имеют эквивалентов в других языках и, следовательно, вызывают трудности при переводе.

Каждый фразеологизм (идиома) представляет собой сочетание каких-либо слов, но характерной особенностью данного сочетания является невыводимость его значения (в большинстве случаев) из суммы значений этих лексем. Это означает, что мы не всегда можем адекватно перевести весь фразеологизм, зная только словарное значение каждой из лексем, входящих в его состав.

К тому же во фразеологии и идиоматике в большинстве случаев отражаются особенности менталитета носителей данного языка, сформировавшегося под влиянием его исторического развития, культуры народа и общего восприятия окружающего мира носителями этой культуры. В любом языке существуют фразеологические единицы, отражающие историческую, географическую, культурную специфику страны, в которой говорят на этом языке. Исследователь В.М. Савицкий в связи с этим отмечает, что это «такие фразеологизмы, у которых мотивировка значения носит национально-специфический характер: фразеологизмы с лингвострановедческими реалиями» [Савицкий, 2006, с. 75].

По этому поводу польский исследователь Рышард Токарски пишет: «Семантические особенности лексики данного языка зависят как от внешних факторов, обусловленных реалиями окружающего мира, так и от внутренних факторов, психологических и культурных» [Tokarski, 2001, s. 347]. Факторы, о которых говорит Р. Токарски, неизбежно отражаются на лексическом составе как таковом, а в особенности — на фразеологии. А С.Г. Тер-Минасова считает, что «все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении» [Тер-Минасова, 2004, с. 43].

Большинство идиом принадлежит только одному языку, одной языковой системе, формирует особенности лишь одной языковой системы и часто не имеет аналогов в другой языковой системе. Однако при этом следует заметить, что адекватный перевод фразеологизмов принципиально возможен. Если вслед за В.А. Татариновым учитывать, что уровень переводимости «напрямую зависит от конформативной изученности языков и фиксации этой информации в лингводидактической традиции — словарях, грамматиках, учебных пособиях» [Татаринов, 2007, с. 173], начинать нужно всегда с сопоставления языковых фактов.

А собственно переводческие методы известны: метод калькирования, описательный перевод, контекстуальный и выборочный перевод. Мы учитываем также различия между способами перевода образных и необразных фразеологизмов. Перевод образной фразеологии значительно сложнее. При переводе учитывается также факт, что фразеологизмы имеют определённую стилистическую окраску: одни относятся к литературному стилю, другие — к нейтральному и разговорному. Это могут быть элементы профессионального или другого типа жаргона. Отсюда и перевод призван учитывать жанрово-стилистические особенности переводимого текста.

В качестве объекта исследования мы выбрали концепты *удача* и *potyślność*. Поскольку польский и русский языки являются близкородственными, представляется важным проводить сопоставительный анализ данных языков применительно к такому важному для человека понятию, как «удача» и к соположенным с ним понятиям «везение», «успех», «счастье» и «судьба».

Понятие *удачи* (и его обратной стороны *неудачи*) в жизни современного человека выступает во многих сферах и ипостасях, формируя ситуативно-коммуникативные комплексы, охватывая своим радиусом действия работу, учёбу, досуг, рекламу, потребление (покупки), речевой этикет (где особая роль принадлежит пожеланиям).

Важным для выбора способа перевода фразеологизма является суждение В.М. Савицкого о внутриязыковой и межъязыковой идиоматике. В связи с этим он пишет: «Наша задача состоит не в том, чтобы последовательно описать специфику какого-либо этноязыка в том, чтобы разработать общие основы теории меж- и внутриязыковой идиоматики, что должно способствовать дальнейшему исследованию идиоматики конкретных языков» [Савицкий, 2006, с. 9]. Он отмечает, что «внутриязыковая идиоматичность, в отличие от межъязыковой, во всех случаях абсолютна, потому что у идиомы в своём языке есть только один буквальный аналог <...>, который не меняется...» [там же, с. 70].

Идиомы — семантические аналоги, особенно часто встречающиеся в близкородственных языках, в том числе таких, как польский и русский, в структурно-смысловом отношении могут проявлять отличия самого разнообразного характера и разной степени эксплицитности. Найденный переводчиком в его родном языке смысловой эквивалент к идиоме языка оригинала далеко не всегда предполагает структурно-семантическое сходство с исходным вариантом. Так, например, выражение *не упусти свой шанс!* (призыв приобрести товар по особенно удачной дешёвой цене) на поль-

ский язык переводится выражением *złapokazję!* (букв. ‘поймай случай!’). Такой перевод может быть обозначен как концептуальный.

С целью упорядочения обширного материала, связанного с тематическим кругом удачи в аспекте его перевода, мы выделили ряд специфических русско-польских концептуально-семантических несоответствий [Татаринов, 2007, с. 183—184]. Главным источником переводных несоответствий являются межъязыковые структурно-семантические различия между русской лексемой *удача* (мотивированной глаголом) и польской лексемой *potyślność* (признакового существительного на *-ość* ‘-ость’, мотивированного прилагательным). В языковом сознании носителей русской лингвокультуры понятие «удача» образно и многогранно, что находит своё выражение в широкой и разнообразной гамме сочетаемости лексемы русского языка *удача* (ср.: *удача пришла, ушла, повернулась, отвернулась, разлюбила* и т.п.). Лексема *potyślność*, вербализующая концепт *удачи* в польском языке, не обладает таким образным строем и столь же разнообразной сочетаемостью. В связи с вышесказанным нередко в тех контекстах, в которых в русском языке выступает лексема *удача*, в польском языке выступают лексемы с иной семантикой. Это не может не влиять на особенности перевода лексических единиц с семантикой *удачи*.

Обе указанные лексемы представляют собой фокусные категории в пределах соответствующих концептов русского и польского языков. В связи с их внутриязыковой спецификой, проявляющейся в виде межъязыковых несоответствий, поиск переводной эквивалентности не столь однозначен, как это могло бы показаться на первый взгляд, а именно транслят, «ложась» в контекст, необязательно может быть взят из тематического круга *удачи*, но может быть извлечён из другой концептуальной зоны. Так, например, русский фразеологизм *удача улыбнулась* на польском языке звучит как *losię uśmiecha* ‘судьба улыбается’ (лексема *los* означает *судьба*); польский фразеологизм также базируется на персонификации, однако опорное слово фразеологизма происходит из концептуально иной системы образов.

Это говорит о том, что при переводе такого типа лексем нельзя использовать названные выше способы перевода. Отметим, что во многих случаях лексические единицы тематического круга *удачи*, содержащие в себе лексему *szczęście* ‘счастье’, следует переводить на русский язык именно с использованием русских лексем *удача* или *везение*. Приведём в качестве примера польское выражение „szczęście wgrze” [<http://www.krzyzowki.info/fart>] (букв. ‘счастье в игре’). На русский язык его следует перевести как *удача/везение в игре*.

Поэтому в русле концептуального перевода мы будем говорить, скорее, не о способе перевода, а о квантитативности перевода, т.е.

о переводимости, частичной переводимости и непереводимости идиом.

Вначале приведём примеры фразеологизмов, не имеющих полных переводных аналогов в русском языке. В польском языке существуют следующее выражение, отражающее неудачу в сфере межличностной коммуникации: „wyjść nabłązna”. Буквально это выражение можно перевести как ‘изобразить из себя шута, клоуна, сделать из себя посмешище’. Из аналогичной концептуальной сетки мы можем подобрать в русском языке такой, к примеру, эквивалент, как *сесть в лужу*, т.е. попасть в неприятное, щекотливое положение, потерпеть в чём-либо неудачу. Однако такой эквивалент, совпадая по сфере употребления лишь в разговорном регистре, не будет полным аналогом польской идиомы ни в смысловом, ни в структурном плане.

Далее рассмотрим выражение „ktoś czeka na swój epięć minut” ‘кто-то ждёт свои пять минут’. В русском языке для данного оборота не имеется полного структурно-семантического соответствия. Однако его смысл вполне может быть передан фразеологизмом *кто-либо ждёт своего часа*, т.е. ждёт удачного, благоприятного периода в жизни, когда жизнь изменится к лучшему и можно будет предпринять какие-то действия для улучшения своего положения.

Польское выражение „szczęśliwy traf” (букв. ‘счастливое попадание’) подразумевает счастливое, удачное стечение обстоятельств, везение в чём-либо и может быть передано словосочетанием *счастливым случаем*.

Подтвердим наши находки высказыванием польской исследовательницы Д. Урбанек, которая подробно рассматривает проблематику переводной эквивалентности, подчёркивая, что «явление эквивалентности составляет одну из центральных проблем теории перевода» [Урбанек, 1997, с. 53]. Обращаясь к проблематике идиом, можно констатировать, что некоторые идиомы могут иметь прямые (буквальные) структурно-смысловые аналоги, для некоторых же ни в одном языке эквивалента не существует — настолько специфичны их смысл и структура.

Ряд фразеологизмов, словосочетаний, а также отдельных лексем исходного языка, которые имеют эквиваленты в переводящем языке, можно рассматривать как своего рода лексические универсалии. Н.К. Гарбовский отмечает, что «наличие языковых универсалий свидетельствует об определённой универсальности видения мира у народов, говорящих на разных языках» [Гарбовский, 2007, с. 321]. На основании приведённых русских и польских примеров лексических единиц, имеющих в сопоставляемом языке адекватные переводные соответствия, можно сделать вывод, что в приведённых выше выражениях прослеживается сходное видение мира,

похожее восприятие реальности говорящих на русском языке и носителей польского языка, но концептуально они осознаются по-разному, в разных лингвомыслительных образах.

Среди языковых средств, формирующих концепт *удачи*, есть целый ряд лексем, имеющих адекватные концептуальные аналоги в польском и русском языках. Так, такие польские лексемы, как *powodzenie* ‘везение’, *beznadzieja* ‘безнадёга’, *koszmar* ‘кошмар’, *niepomyślność* ‘неудача’, *tragedia* ‘трагедия’, имеют адекватные эквиваленты в русском языке. Однако межъязыковое сопоставление нередко демонстрирует их контекстную непереложимость с помощью аналогичных лексем интернационального фонда, казалось бы, аналогичных и эквивалентных. Анджей Богуславски приводит в своей статье «Отдельные единицы перевода — феномены/индивидуумы» пример перевода слова-интернационализма *komedia* ‘комедия’ в значении «замкнутое выражение, оценивающее ситуацию» [Bogusławski, 2013, s. 157], его следует перевести с помощью другого русского интернационализма *анекдот*, так как именно он обладает оценочно-ситуативной семантикой. Слово *montaż* ‘монтаж’ в словосочетании *montaż słowno-muzyczny* (*букв.* ‘словесно-музыкальный монтаж’), трансформируясь в русском переводе, приобретает облик ‘композиция’ — ср.: ‘музыкально-литературная композиция’ [ibid].

Из приведённых выше фактов польско-русской переводной трансляции можно сделать вывод о том, что установление отношений эквивалентности, даже в случае лексем-интернационализмов, является непростым делом и требует большого переводческого опыта и семантического «слуха».

Если принять во внимание, что список языковых репрезентаций концепта «удача» весьма обширен (концепт «удача» формируют, в частности, следующие обороты: „*odkładać dolepszyczasów*”; ‘откладывать до лучших времён’; „*rokować nadzieję*” ‘теплить надежду’; „*uwierzyć w swoją gwiazdę*” ‘поверить в свою звезду’, „*romyślnewarunki*” (*букв.* ‘удачные условия’) ‘благоприятные условия’; „*wnajgorszymwypadku*” ‘в худшем случае’; „*wnajlepszymrazie*” ‘в лучшем случае’; „*odnosić zwycięstwo*” ‘одерживать победу’, „*wpaśćwdepresję*” ‘впасть в депрессию’), трудности перевода возрастают многократно.

Особенно внимательно нужно относиться к переводу идиом с тончайшими семантическими несоответствиями, по причине чего концептуальный аналог может быть и не обнаружен. Среди языковых средств, формирующих концепт *удачи* в польском языке, существует целый ряд лексем, фразеологических оборотов и идиом, не имеющих буквальных соответствий в русском языке. Приведём следующие примеры. Такие выражения, как *mieć szczęście ciewniezsześcieniu* (*букв.* ‘иметь счастье в несчастье’) ‘не было бы счастья, да

несчастье помогло'; „żlesię bawić” ‘доиграться’ (букв. ‘плохо играть’), „wszystkosię waliipali” (букв. ‘всё валится и горит’) ‘всё валится из рук’; „ktoś maswoje pięć minut” (букв. ‘у кого-то есть свои пять минут’); „dawać zawygrana” ‘отступиться’, можно перевести схожими по смыслу русскими оборотами и лексемами, однако перевод с полным сохранением внутренней формы этих лексических единиц невозможен.

Структурно-семантических аналогов таких конструкции, как „pech chciał” (букв. ‘неудача хотела’) ‘к несчастью’ и „trzebani szczęścia, że...” (букв. ‘не хватало несчастья, чтобы...’), „nie szczęście chciało, że” (букв. ‘несчастье хотело, что...’), в русском языке не имеется. Тем не менее они имеют практически полноценные переводные соответствия: ‘к несчастью’, ‘на беду’. Возможна и многовариантность перевода. Так, разговорное, эмоционально окрашенное польское выражение „Atorech!” может быть переведено целым рядом аналогичных русских выражений: ‘Какая неудача!’ ‘Вот неудача!’ ‘Вот не везёт!’ ‘Ну и невезение!’

В качестве заключительных замечаний выскажем некоторые суждения о фразеологических единицах, участвующих в формировании концепта *удачи* и различающихся в русском о польском языках грамматическими характеристиками. Например, выражение „niemam szczęścia doczegoś” (букв. ‘у меня нет счастья на что-либо’) своим реальным эквивалентом имеет русское выражение ‘мне не везёт в чём-либо’.

Выражение „kobietasukcesu” (букв. ‘женщина успеха’), представляющее собой в польском языке несогласованное определение, на русский язык может быть переведено согласованным определением ‘успешная женщина’. Различия переводной эквивалентности на линии согласованное определение в русском языке — несогласованное определение в польском языке представляют собой характерный тип польско-русских межъязыковых реляций.

Обратим внимание на то, что такое польское выражение, как „rewnegorieknegodnia”, отличается от русского сочетания ‘в один прекрасный день’ грамматической конструкцией фразеологизма и ничем более.

Следует обратить внимание на такие польские словосочетания, как „biedaznędzą” (букв. ‘беда с нищетой’) ‘крайняя нужда, нищета’, „głód, smród i ubóstwo” ‘голод, смрад и нищета’, „dać sobie radę z” (букв. *‘дать себе совет в чем-то’) ‘справиться с чем-либо’, „kolejelosu” ‘превратности судьбы’, „dziekoszczęścia” (букв. *‘дитя счастья’) ‘баловень судьбы’, отнюдь не являющиеся окказионализмами, но обладающие в польском языке фразеологической устойчивостью.

Соответствующие русские фразеологизмы, как правило, фиксируются в разного рода фразеологических двуязычных словарях.

Однако эти соответствия разбросаны по разным лексикографическим изданиям. Кроме того, в сетке словарных статей наблюдается много лакун, а переводные эквиваленты нуждаются в дополнениях и уточнениях.

Переводу фразеологизмов уделяется немало внимания в теории перевода и в любом пособии по переводу, в особенности по переводу художественной, публицистической, общественно-политической литературы, во многих публикациях по теории фразеологии и сопоставительной лингвистике. Связанные с этим проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода такого типа лексических единиц, как фразеологизмы. Мы же предложили некоторые пути перевода, объединённые под названием «концептуальный перевод».

Проблематика перевода фразеологизмов, семантически связанных с понятием «удача» и формирующих на материале близкородственных русского и польского языков концепты *удача* и *pomyślność*, исключительно важна, поскольку чрезвычайно важным люди считают для себя само понятие «удача». Анализ особенностей перевода лексических единиц, формирующих концепты *удача* и *pomyślność*, позволяет выявить определённые нюансы восприятия данного понятия носителями соответствующих языков и культур, демонстрируя сходства и различия польской и русской культурно-языковых общностей в данном фрагменте языковой картины мира.

Таким образом, получение знаний об особенностях перевода фразеологических единиц соответствующей семантической наполненности в рамках сопоставляемых нами русского и польского языков позволяет осуществлять более адекватный и эквивалентный перевод текстов, связанных с концептами русского и польского языков *удача* и *pomyślność*.

Список литературы

- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
- Татарinov В.А. Методология научного перевода. М.: Московский лицей, 2007. 384 с.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 352 с.
- Урбанек Д. Понятие переводческой эквивалентности и переводческая типология лексики // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. М.: Диалог — МГУ, 1997. С. 53—64.
- Bogusławski, A. Wybrane indywidualne jednostki przekładowe // Na tropach tłumaczy. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych / Pod red. Wojciecha Chlebdy. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011. S. 153—158.
- Tokarski, R. Słownictwo jako interpretacja świata // Współczesny język polski / Pod. red. Jerzego Bartmińskiego. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 2001. S. 343—369.

Е.Г. Петросова,

кандидат филологических наук, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова); e-mail: petrossova@mail.ru

Ю.Г. Кремнева,

переводчик ООО «Оптима Плюс»; e-mail: ilichewa@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ПУНКТУАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЫ (на материале произведений Элизабет Боуэн)

Перевод английской модернистской прозы на русский язык представляется актуальной задачей для современных переводчиков. Однако передача полноты смысла литературы начала XX столетия (литературы потока сознания) невозможна без понимания особой роли синтаксических структур, которые подвергаются определённым трансформациям в процессе перевода. Анализ переводческих решений в этой связи является предметом анализа в настоящей статье.

Ключевые слова: модернистская проза, стилеобразующие элементы, переводческие трансформации, поток сознания, принцип «динамической адекватности».

Elena G. Petrosova, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: petrossova@mail.ru

Julia. G. Kremneva, translator Optima Plus LLC; e-mail: ilichewa@gmail.com

Syntactic and Punctuation Transformations in Translations of Modernist English Fiction: A Case Study of Elizabeth Bowen's Works

The translation of English modernist fiction into Russian is viewed as a relevant objective for present-day translators. Providing a full notion in translation of the 20th century English literature (stream of consciousness) is impossible without a close study of syntactic structures which are key to successful transformations in translation. Translators' choices regarding English modernist fiction are the subject matter of the review.

Key words: modernist fiction, style making elements, transformations in translation, stream of consciousness, dynamic adequacy.

Зачастую объектом лингвистических исследований становятся маркированные или образные средства языка. Однако немаркированные и широко распространённые явления могут представлять собой важные стилеобразующие элементы. В этой связи синтаксические конструкции и пунктуационные особенности являются важным и интересным материалом для исследователей. Данное утверждение соответствует особенностям английской модернистской прозы, переводы которой, безусловно, предполагают вариативность. Синтаксические замены как переводческие преобразования обусловлены различиями грамматических и стилистических

норм языков оригинала и перевода. Традиционно имеют место замена простого предложения сложным и замена сложного предложения простым, главного — придаточным, союзный тип связи заменяется бессоюзным, подчинение — сочинением и т.д. Классификация переводческих трансформаций, предложенная Л.С. Бархударовым, наиболее полно отражает особенности переводческих решений с учётом культурных реалий и предполагает четыре типа преобразований (трансформаций) — перестановки, замены, опущения и добавления [Бархударов, 1975, с. 195—231].

Обратимся непосредственно к прозе Элизабет Боуэн. Как и Э.М. Форстер, член литературной группы Блумсбери, она признавала, что основой хорошего романа является интересная сюжетная линия; читатель, по её мнению, постоянно должен находиться в напряжённом ожидании развития действия и спрашивать: «что же дальше?».

Боуэн, в отличие от «блумсберийцев», занимал не только мир чувств и эмоций, она интересовалась различными техническими новшествами — машинами и устройствами для смешивания коктейлей, печатными машинками и телефонами. В своих произведениях писательница большое внимание уделяла теме технического прогресса и тому, как он повлиял на общественную жизнь. Кроме того, Боуэн интересовалась тем, что происходит в мире, поэтому во многих её романах и рассказах показано то, как мировые исторические события вмешиваются в частную жизнь людей и меняют их привычки, манеру говорить, двигаться, одеваться, работать, любить, а порой приводят к гибели.

Несмотря на своё увлечение различными нововведениями, Боуэн старалась избегать общественно-политических движений. По этой причине её произведения казались иногда слишком консервативными для модернизма, но в то же время слишком своеобразными для традиционализма.

Различно было также отношение писательниц к описываемым предметам. Для Вирджинии Вульф предметы окружающего мира были средством постижения сути предметов, они служили своего рода фоном для развёртывания потока мыслей — подобный способ описания был призван подчеркнуть превосходство сознания над материей. В романах Боуэн вещи порой выступают как идеи, а идеи — как вещи, таким образом, преобладание сознания отвергается. Персонифицируя предметы, Боуэн создаёт у читателя ощущение, что у каждой вещи есть душа или даже нервная система: например, у каждого дома — настороженное выражение «лица», каждый автомобиль проявляет спектр тревожных чувств. В рассказе «Посмотрите-ка, сколько роз» (Look at All Those Roses, 1941) дом смотрит «без всякого выражения» (“with no expression”), розы «гля-

дят на незнакомцев» (“[glare] at the strangers”), а грозное постукивание в машине кажется «исходящим отовсюду, и в то же время это символический выпад» (“come from everywhere, and at the same time to be a special attack”) в сторону возмущённых владельцев [Bowen, 1983, p. 512—520].

В прозе Вирджинии Вулф сознание противопоставляется вещи; в прозе Боуэн человеческое сознание переселяется в неодушевлённые предметы. Вулф использует прозу, чтобы воплотить свои идеи, в то время как Боуэн «думает прозой»: её идеи неотделимы от описываемых ею предметов, от сюжета, героев и от особенностей синтаксиса её произведений. Следовательно, произведения Боуэн требуют тщательного анализа сюжета, так как их значение не может быть отделено от действия, в котором оно воплощено, или от предметов, в которых оно зашифровано. События романов и рассказов редко разворачиваются в хронологическом порядке, но они, соединённые причинно-следственными связями, и дают ключ к пониманию сути произведений.

Одним из аспектов творчества Элизабет Боуэн является влияние, оказанное на неё американским писателем рубежа XIX—XX вв. Генри Джеймсом.

В 1959 г., отвечая на вопрос о влиянии Генри Джеймса на своё творчество, Элизабет Боуэн заметила: «Нельзя сказать, что это похоже на заражение корью, потому что у него блестящий стиль, но в то же время опасный стиль» (“you can’t say it’s like catching the measles, because it’s a splendid style, but it’s a dangerous style”) [Halperin, 1985, p. 45]. По словам писательницы, ей не нравился поздний Джеймс, однако она восхищалась его романом «Женский портрет». Вирджиния Вулф предупреждала Боуэн остерегаться влияния Генри Джеймса. Позднее писательница попросила своих издателей тщательно изучить её рукописи и найти в них двойные отрицания, конструкции с наречиями перед глаголами (например, “to whom do you beautifully belong”), грамматические инверсии и другие стилистические приёмы, характерные для прозы Джеймса.

Тем не менее дело не только в стиле Элизабет Боуэн, имеющем схожие черты со стилем Генри Джеймса. Оба романиста разделяли общие убеждения о том, каковы цели художественной литературы и как этих целей следует добиваться. Следы влияния Генри Джеймса, которые можно найти во всех произведениях Боуэн, являются, скорее, результатом близости взглядов писателей, а не сознательного подражания.

Имя Генри Джеймса дважды упоминается в романах писательницы. Об одном из героев последнего романа Боуэн «Ева Траут» (Eva Trout, 1986) говорится: «Эта его причудливая манера была как раз тем, что надо: нет. Всё же у неясности было своего рода преиму-

щество — по крайней мере, можно было оказаться на границе страны Генри Джеймса» (“This mannered manner of his was quite the thing: no. Yet the ambiguities had one sort of merit, or promise — one was at least on the verge of the Henry James country”) [ibid., p. 45]. В романе «Последний сентябрь» (The Last September, 1929) один из героев, Лоуренс, вернувшийся из Оксфорда домой на каникулы, говорит: «В последний семестр я уронил портсигар в реку... Он достался мне от дяди. Портсигар был золотой, плоский, тонкий и выгнутый, подходящий для умеренного курильщика. Он был из тех дней, когда носили манто и маски и убивали женщин. От него веяло духом эпохи; я называл его Генри Джеймс; он мне нравился» (“Last term I dropped a cigarette case into the river... It was a gold one, left over from an uncle, flat and thin and curved, for a not excessive smoker. It was from the days when they wore opera cloaks and masked, and killed ladies. It was very period, very original; I called it Henry James; I loved it”) [ibid.].

Но нам не нужны подобные подсказки, чтобы догадаться о незримом присутствии Генри Джеймса во всех произведениях Боуэн. Общность их литературных интересов бросается в глаза. Для обоих писателей важно было показать магический момент проникновения в суть вещей, внезапного озарения. Диалоги в произведениях обоих авторов скорее экспрессивные, чем натуралистичные. Будучи писателем с интуитивным чувством формы, Боуэн разделяла приверженность Генри Джеймса тому, что она называла «искусством исключения» — то есть, по её мнению, для того чтобы полностью воплотить какую-либо идею в произведении, следует не пускаться в многословные объяснения, а, наоборот, о чём-либо умолчать; невысказанное тоже может служить средством выражения. Элизабет Боуэн, как и Джеймс, заявляла, что французские писатели оказали на неё большее влияние, чем английские. Она говорила: «По-настоящему умной я себя чувствую только, когда пишу» (“I’m fully intelligent only when I write”). «Искусство — единственное, что не утратит своего значения», — напоминает нам герой романа «Зной дня» (“The Heat of the Day”) Родерик (“Art is the only thing that can go on mattering”).

В произведениях обоих романистов самое незначительное событие может нести в себе множество смыслов и, в том числе, быть средством для раскрытия сути характеров героев. В романе «Последний сентябрь» Леди Нэйлор так говорит о своей племяннице Лоис и об офицере Джеральде, слишком невинных, чтобы понимать, что они влюблены: «Конечно, естественно, они и не думали об этом — а если бы думали, видите ли, они бы позаботились о том, чтобы сделать вид, что это не так» (“Of course, naturally, they haven’t thought of it — if they had, don’t you see, they’d be much more

careful to make it appear they hadn't") [ibid.]. Позднее Леди Нэйлор, идущую на встречу с возлюбленным своей племянницы, ждёт неприятное событие, которое в произведении Джеймса было бы эпихальным: «Леди Нэйлор, войдя в Фогарти в начале пятого, с досадой обнаружила Джеральда подлее неё [своей племянницы]. Теперь, чтобы не раскрыть себя, она вынуждена была прибегнуть ко всяческим ухищрениям» (“Lady Naylor, coming into Fogarty’s soon after four, was annoyed to find Gerald there before her. She had now, instead of being discovered, to manoeuvre more or less openly for position”) [ibid.].

В своих произведениях Элизабет Боуэн совмещает множество мотивов и образов, заимствованных у различных авторов. Среди таковых наряду с Генри Джеймсом исследователи (И. Левидова, Мaud Эллманн) называют имена Джейн Остин, Вирджинии Вулф, а также Гюстава Флобера, Джеймса Джойса, Сэмюэла Беккета и Эдварда Моргана Форстера. Рассказы Боуэн часто сравнивают с рассказами Кэтрин Мэнсфилд и Сомерсета Моэма. Усвоив ведущие тенденции в английской литературе начала XX в., писательница вырабатывает свою собственную позицию. Возможно, поэтому определение её места в литературе Англии представляет большую трудность.

Все литературоведы отмечают принципиальную самостоятельность Элизабет Боуэн как писателя. По мнению Криса Хопкинса, «использование разнообразных традиций не только во всем творчестве, но даже в рамках одного произведения — это и есть основополагающая часть её художественного метода...» [Лавлинский, 2011, с. 12].

Однако объект нашего исследования — художественный текст, который может быть противопоставлен всем текстам нехудожественного характера. Подобное противопоставление основано на функциональном различии этих текстов. Если функцией нехудожественных текстов, вне зависимости от их стиля, является передача информации, то задача художественного текста — эстетическое воздействие на читателя. Для художественного произведения гораздо важнее не то, *что* сообщается, а то, *как* сообщается. Соответственно, переводной текст должен характеризоваться эстетическим воздействием, равноценным эстетическому воздействию оригинала. Лингвист Ю.П. Солодуб в своих работах обращается к принципу «динамической адекватности (эквивалентности)», по его мнению, обеспечивающему эстетическую равноценность перевода оригиналу.

Как справедливо отмечает Солодуб, чтобы достичь наивысшей степени адекватности эстетического воздействия на читателя, переводчик, во-первых, должен глубоко понять идейно-тематиче-

скую направленность оригинала. Во-вторых, он должен найти в родном языке адекватные средства для передачи образной системы переводимого художественного текста и специфики языка автора. Кроме того, одним из важнейших факторов, способствующих созданию эстетически адекватного перевода, является бережное отношение к идиолекту автора. Под термином «идиолект» понимается «совокупность формальных и эстетических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [Солодуб, Альбрехт, Кузнецов, 2005, с. 24]. Для переводчика «отдельным носителем данного языка» как раз и является автор переводимого произведения, особенности речи которого могут проявляться на всех уровнях языка — фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Эстетические проблемы перевода рассматривает также чешский лингвист Иржи Левый в своей статье «Искусство перевода». По его мнению, при переводе следует ориентироваться на две нормы — норму воспроизведения (критерий верности) и норму художественности (критерий красоты). То есть основная эстетическая проблема при переводе заключается в противоречии между переводческой точностью и вольностью. К сторонникам «точного», или дословного, перевода Иржи Левый относит переводчиков, стремящихся к дословному воспроизведению оригинала, а к сторонникам «вольного», или адаптационного, перевода — тех, кто наибольшее значение придаёт художественности, эстетической равноценности перевода и оригинала. Но для хорошего перевода необходимы оба качества: во-первых, перевод должен как можно более точно воспроизводить оригинал и, во-вторых, он должен представлять собой подлинное художественное произведение и полностью отражать эстетику и идеи оригинального текста.

Норму верности в переводе Иржи Левый сравнивает с понятием *художественной правды* в оригинальном творчестве. Художественная правда произведения не составляет тождество с объективной реальностью, она предполагает её осмысление. Задача писателя — не изобразить действительность, а сделать так, чтобы произведение воздействовало на читателя как действительность. Так же и правдивость перевода заключена не в натуралистическом копировании оригинала, а в передаче всех его качеств. Перевод не может быть равен оригиналу, но должен быть эквивалентен ему по воздействию на читателя.

Далее Иржи Левый вводит понятие переводческой *перспективы*. Выполняя перевод, необходимо учитывать культурный и эстетический опыт читателя перевода, который может отличаться от опыта читателя оригинала. Механическая копия, в которой сохранены лишь формальные черты текста, не будет до конца понятна

читателю перевода. Поэтому главная задача переводчика — передать смысловые и эстетические особенности текста.

Переводческую перспективу, по мнению Иржи Левого, необходимо также учитывать при поиске эквивалентных стилистических средств. Однако, как считает лингвист, требование *сохранения стиля* не может быть выполнено в полной мере. Существует два способа передачи авторского стиля: 1) методом сохранения формальных приёмов оригинала и 2) путём поиска своих соответствий авторскому стилю. Недостатком первого способа является то, что он не учитывает разницу в восприятии одной и той же языковой формы различными литературными традициями. Второй же метод опирается порой на труднодоступные для восприятия аналогии. Решить эти переводческие трудности можно, лишь обратившись к оригинальной литературе. Лингвист приводит следующий пример: «Когда современный прозаик пишет роман из жизни XIII столетия, он не ставит себе задачи изъясняться по-древнерусски, по-старочешски или на *Mittelhochdeutsch*, а если даже и решается архаизировать язык, то вырабатывает свой исторический стиль, который, не будучи натуралистической копией языка изображаемой эпохи, создаёт исторический колорит средствами по большей части новейшими» [Лингвистические аспекты..., 2007, с. 237].

Второй критерий оценки качества перевода, описываемый Иржи Левым, — красота, художественность, эстетическая равноценность оригиналу. Часто переводчик стремится приукрасить и исправить оригинал, однако это опасное стремление, так как мнение переводчика субъективно, к тому же его художественное мастерство может уступать мастерству автора, и винить следует не стиль писателя, а неумение переводчика проникнуть в авторский замысел. Поэтому оценивать переводы надо крайне осторожно: легко можно принять погрешности стиля писателя за непрофессионализм переводчика и, наоборот, переоценить мастерство переводчика, приписав ему заслуги автора.

Таким образом, очевидно, что перевод художественной литературы — особый вид перевода и требует особой переводческой стратегии, основой для которой служит принцип эстетической равноценности перевода оригиналу. Задача переводчика — не только выразить смысл, заложенный в оригинальном произведении, но и каким-либо образом передать художественные средства, используемые автором. Особенную актуальность данное требование приобретает при переводе модернистской прозы, где языку отводится даже более значимая роль, чем содержанию. Например, в произведениях Элизабет Боуэн авторский замысел выражается именно через особое построение синтаксических конструкций.

На основе проведённого анализа различных переводческих стратегий можно сделать вывод о том, что при оценке перевода художественной прозы следует опираться на критерии динамической адекватности, так как именно данная стратегия учитывает принцип эстетической равноценности перевода оригиналу.

Обновление языка модернистской прозы происходит, прежде всего, за счёт синтаксиса, а не лексики [Руднев, 1999, с. 237]. Синтаксические структуры разрушаются, нарушается связность текста: порой между предложениями отсутствует логическая связь. Этот принцип актуален и для произведений Элизабет Боуэн. Синтаксис играет важную роль в поэтике её рассказов. Именно через особую организацию синтаксических конструкций писательница пыталась выразить свой замысел.

К синтаксическим средствам, используемым Элизабет Боуэн, можно отнести следующие: повторы, вставные конструкции, инверсии, двойные отрицания.

Поток сознания в произведениях Вирджинии Вулф, Джеймса Джойса и Элизабет Боуэн используется с целью передать свободный ход мыслей, мимолётные впечатления и ассоциации. Такой приём можно сравнить со «съёмкой движущейся камерой», когда внимание зрителя последовательно направляется от одного объекта к другому. Для него характерны бесстрастность повествования, передача лишь сиюминутных впечатлений, их фрагментарность, разрозненность. Однако с синтаксической точки зрения поток сознания у Боуэн характеризуется большей оформленностью и меньшей оборванностью по сравнению с другими авторами модернистского направления. Элизабет Боуэн активно использует неграмматическое обособление членов предложения, вставные конструкции, сегментацию и т.д.

Важную роль в прозе Боуэн играет пунктуация. Часто писательница употребляет двоеточие и точку с запятой в функции запятой. Такой приём служит для разрыва высказывания, его членения на отдельные интонационно-обособленные сегменты.

Характерной чертой синтаксиса Боуэн является также бессоюзная связь, а также отсутствие смысловых и логических связей между частями сложного предложения. Обратимся непосредственно к примерам.

1) The two sets of steps died in opposite directions, and, the birds subsiding, nothing was heard or seen until, a little way down the street, a trickle of people came out of the Underground, around the anti-panic brick wall. These all disappeared quickly, in an abashed way, or as though dissolved in the street by some white acid, but for a girl and a soldier who, by their way of walking, seemed to have no destination but each other and to be not quite certain even of that [Bowen, 1983, p. 729]. —

Шаги тех и других простучали в противоположных направлениях и замерли. Постепенно смолкли голоса птиц, и больше ничего не было слышно и видно, пока из метро, обогнув кирпичную стенку (её поставили, чтобы избежать паники при налётах), не вытекла тонкая людская струйка. Все эти люди поспешно рассеялись, словно пристыженные или растворённые в белой кислоте ночи; задержались только девушка с солдатом, которых, судя по медленному их шагу, не ожидало никакое прибежище, кроме них самих, да и в этом они, видимо, были не вполне уверены [Боуэн, 1984, с. 15].

В данном отрывке, иллюстрирующем поток мыслей, читатель словно движется вслед за впечатлениями наблюдающего со стороны человека. В отрывке присутствует определённый ритм, задаваемый особым синтаксическим устройством, — в довольно длинных трудных для восприятия предложениях не используется никаких знаков препинания, кроме запятых. Акцент делается на свободном потоке мыслей, а не на том, что эти мысли выражают. При переводе ритм текста нарушается членением одного предложения на два, а также вставной уточняющей конструкцией в скобках. Использование в русском тексте точки с запятой вместо союза 'but' также нарушает ритмическую организацию текста, так как точка с запятой предполагает более длительную паузу в отличие от запятой.

2) Inevitably, he bumped the edge of the table. Callie sat up: by her side Pepita lay like a mummy rolled half over, in forbidding, tenacious sleep. Arthur groaned. *Callie caught a breath, climbed lightly over Pepita, felt for her torch on the mantelpiece, stopped to listen again.* Arthur groaned again: Callie, with movements soundless as they were certain, opened the door and slipped through to the living-room [Bowen, 1983, p. 737]. — В результате он, конечно, налетел на угол стола, Кэлли села, рядом, чуть отвернувшись, неподвижная, как мумия, лежала Пепита, вся во власти крепчайшего цепкого сна. Вдруг Артур застонал. Задержав дыхание, *Кэлли быстро перелезла через Пепиту, нащупала на каминной полке свой фонарик, снова прислушалась.* Артур застонал опять. Двигаясь бесшумно и уверенно, Кэлли открыла дверь и скользнула в комнату [Боуэн, 1984, с. 27].

Первые два предложения в оригинале объединены в одно при переводе, двоеточие заменено точкой. Замена знака препинания представляется в данном случае не совсем верным приёмом, так как двоеточие в английском тексте выполняет функцию эмфазы и, кроме того, более контрастно выделяет два простых предложения, запятая же при переводе снижает экспрессивность текста. Далее в оригинале следует простое предложение, никак не связанное по смыслу с предыдущими. В переводе добавлено слово «вдруг» — таким образом, переводчик, очевидно, пытался придать тексту большую последовательность и логичность, однако авторский стиль

был нарушен. В следующем предложении при переводе глагол-сказуемое заменён деепричастным оборотом, что разрушает ритмический рисунок текста. Далее переводчиком использован приём членения предложения, который, на наш взгляд, в данном случае не отражает авторский замысел.

3) The air of the room was dense with his presence, overhung by tobacco. He must be sitting on the edge of his bed, wrapped up in his overcoat — she could smell the coat, and each time he pulled on the cigarette his features appeared down there, in the fleeting, dull reddish glow [Bowen, 1983, p. 737]. — Воздух в комнате был насыщен его присутствием, табачным духом. Артур, видимо, сидел на краю дивана, накинув шинель. Кэлли чувствовала запах этой шинели, и с каждой затяжкой тусклый красноватый огонёк бегло освещал его лицо [Боуэн, 1984, с. 28].

В оригинале в качестве разделительного знака между частями предложения использовано тире, выполняющее экспрессивную функцию: оно нарушает интонационную плавность текста, придаёт ему некую напряжённость. При переводе предложения разделены точкой — более «сильным» знаком препинания, вследствие чего переводчику не удалось сохранить авторский замысел.

4) The siege of light had relaxed; the search was over; the street had a look of survival and no more [Bowen, 1983, p. 739]. — Поток света понемногу снимал осаду с города, лучи закончили свой обыск, улица, видимо, вышла живой из лунного штурма, — и это было все [Боуэн, 1984, с. 28].

Э. Боуэн употребляет бессоюзные простые предложения в составе сложного. Чаще всего в подобных случаях используется запятая или точка с запятой для более чёткого выделения каждого отрезка речи. Переводчик заменил точки с запятыми на запятые, что более верно с грамматической точки зрения, однако не соответствует авторскому замыслу.

5) This afternoon, for minutes together, not a soul, not even a soldier, crossed the avenue: Gavin Doddington stood to regard the ivy in which was, virtually, solitude. The sky being clouded, though not dark, a timeless flat light fell on to everything. Outside the theatre a very few soldiers stood grouped about; some moodily, some in no more than apathy. The theatre gardens had been cemented over to make a lorry park; and the engine of one of the lorries was being run [Bowen, 1983, p. 687]. — Несколько минут подряд в тот вечер на улице не было никакого движения — ни солдат не прошёл. Гэвин Доддингтон стоял и смотрел на плющ, в котором залегла тоска. Небо заволокло, но ещё не стемнело, и тупой, безвременный свет обтекал всё вокруг. Возле театра — кто томясь, кто просто скучливо — толклись солдаты. Театральный газон залили асфальтом и превратили в стоянку

для грузовиков; сейчас заводили как раз мотор одного грузовика [Боуэн, 1984, с. 34].

В английском тексте два предложения, между которыми отсутствуют смысловые отношения, объединены в одно посредством двоеточия. Это характерная черта синтаксической организации прозы Элизабет Боуэн. При переводе одно предложение разделено на два, в результате чего нарушена экспрессивность текста, и авторский замысел не передан. Третье предложение оригинала переведено с помощью паратентического внесения, выделяемого знаками тире. Такая конструкция разбивает предложение и замедляет темп повествования, т.е. задуманный автором экспрессивный эффект не передан. В последнем предложении отрывка переводчик сохраняет авторскую пунктуацию.

6) *Amorist since his 'teens, he had not often set off on a holiday unaccompanied. This idea of this as a pilgrimage revolted him: he remained in the bar till the bar closed* [Bowen, 1983, p. 689]. — С мальчишеских лет склонный к романам, он редко когда пускался развлекаться без спутницы. Не паломничество же он, в самом деле, затеял. Он торчал в баре, покуда бар не закрыли [Bowen, 1983, p. 690].

7) *Mrs Nicholson then entered: to his surprise she did not kiss him* [Bowen, 1983, p. 690]. — Потом вошла миссис Николсон. Его удивило, что она не поцеловала его [Боуэн, 1984, с. 36].

8) *The face, its colour rendered transparent by the transparent silk of a parasol, was inclined forward: he had the experience of seeing straight up into the eyes that did not see him* [Bowen, 1983, p. 694]. — Лицо, прозрачное от прозрачного шёлкового зонтика, склонялось вперёд. Так ему впервые довелось заглянуть прямо в глаза, которые его не видели [Боуэн, 1984, с. 36].

9) *In his bedroom, Rockham was in possession: his trunk waited, open, bottom layer packed; her mending-basket was on the bureau; she was taking a final look through his things — his departure was to be early tomorrow morning* [Bowen, 1983, p. 706]. — У него в комнате хозяйничала Рокэм. Чемодан зиял, показывая разложенные по дну вещи. Корзинка с шитьём стояла на бюро, и Рокэм проверяла напоследок, что зашить, что подштопать, — ехать надо было завтра чуть свет [Боуэн, 1984, с. 36].

Примеры (6—9) объединяет способ перевода, при котором одно предложение разбивается на два. Так же как и в примере (5), в оригинале два не связанных по смыслу предложения соединены в одно с помощью двоеточия, в переводе же предложения разделены точкой. Мы не можем назвать такой перевод адекватным, так как особенности авторского стиля не переданы.

10) *The Merry Magdalene — Mabelle with no hair to speak of, in a dinner jacket — was retained for weeks by the “Acropolis” and the*

“Albany”, wide-porticoed palaces of the West End; managers of the next order negotiated for it recklessly and thousands had to be turned away during its briefer appearances in Edinburgh, Dublin and Manchester [Bowen, 1983, p. 276]. — «Весёлая Магдалина» — Мейбл причёсана без затей, одета к обеду — неделями не сходила с афиш «Албани» и «Акрополиса», фешенебельных кинотеатров Уэст-Энда. Тщетно старались заполучить эту ленту владельцы киношек пониже рангом, в Эдинбурге, Дублине и Манчестере состоялось всего несколько сеансов, и толпы жаждущих увидеть картину так и ушли ни с чем [Боуэн, 1984, с. 84].

11) It was to be, this film, a feast of the epicure in sensation; one would watch the lips smile, the gestures ripple out from brain to fingertips [Bowen, 1983, p. 276]. — Для любителей сенсаций такой фильм должен был стать настоящим пиршеством. Снова будут растягиваться в улыбке губы, снова оживёт тело, до кончиков пальцев послушное мозгу [Боуэн, 1984, с. 84].

12) He was intelligent, solitary, self-educated, self-suspicious; he had read, without system, enough to trouble him endlessly; text-books picked up at random, popular translations, fortnightly publications (scientific and so on) complete in so many parts, potted history and philosophy — philosophy all the time [Bowen, 1983, p. 277]. — Уильям жил один, был увлечён самообразованием и не отличался уверенностью в себе. Много и без разбора читал и потому всё время пребывал в состоянии тревожного беспокойства. Он проглатывал случайно попадавшие на глаза учебники, бесконечное количество переводов в популярных изданиях, научных и прочих журналов, популярные брошюры по истории и философии; причём философия неизменно поглощала все его мысли [Боуэн, 1984, с. 85].

13) William sat with an angry, disordered feeling as though she were a rising flood and his mind bulrushes. She had a slow, almost diffident precision of movement; she got up, sat down, put out a hand, smiled, with a sparkingly mournful air of finality, as though she were committing herself, and every time William wanted to rise in his seat and say “Don’t, don’t — not before all these people!” [Bowen, 1983, p. 278]. — Уильямом овладели смятение и досада, Мейбл наступала на него с неотвратимостью прилива, затопляющего прибрежный камыш. В этих плавных движениях была какая-то робость и вместе с тем уверенность. Вот она встала, села, протянула руку, улыбнулась с пронзительно печальной обречённостью, словно назад пути не было. Уильяму хотелось вскочить и закричать: «Нет, нет, только не перед всеми!» [Боуэн, 1984, с. 87].

14) He stood on the kerbstone, not knowing which way to go; the wind got into the papers and rattled and sang in them; they gave out an inconceivable volume of sound to which he believed the whole town

must turn round and listen [Bowen, 1983, p. 281]. — Уильям остановился в растерянности на бровке тротуара. Ветер завладел газетами, он играл на них, как на инструменте, и под его прикосновениями они звучали какой-то непостижимой мелодией, слушать которую, казалось, должен был сбежаться весь город [Боуэн, 1984, с. 91].

Примеры (10—14) аналогичны примерам (6—9), однако разница заключается в том, что в английском тексте в качестве разделителя между предложениями выступает не двоеточие, а точка с запятой. Разделение сложных предложений на простые предложения, отделяемые точкой, представляется более уместным с точки зрения сохранения авторского стиля.

16) Mrs Nicholson raised her parasol, and the three moved off down the Promenade with the dignified aimlessness of swans. Ahead, the distance dissolved, the asphalt quivered in heat; and she, by walking between her two companions, produced a democracy of masculine trouble into which age did not enter at all [Bowen, 1983, p. 695]. — Миссис Николсон вскинула зонтик, и все трое поплыли вдоль набережной с величавой бесцельностью лебедей. Плавилась даль, пёкся на солнце асфальт; и она шла между ними и уравнивала их мужские страдания — возраст был совершенно не в счёт [Боуэн, 1984, с. 44].

17) Visitors were still many; and residents, after the fastidious retreat of August, were returning — along the Promenade, all day long, parasols, boater hats and light dresses flickered against the dense blue gauze backdrop that seldom let France be seen [Bowen, 1983, p. 703]. — Ещё много было приезжих; чересчур требовательные жители, отлучившиеся на август, понемногу возвращались, и день-деньской трепетали вдоль набережной зонтики, канотье и светлые платья на фоне густо-голубого задника, за которым редко проглядывала Франция [Боуэн, 1984, с. 54].

18) Mrs Nicholson turned on Gavin a considering look from which complicity seemed to be quite absent; she appeared, if anything, to be trying to envisage him as alert and thoughtful [Bowen, 1983, p. 704]. — Миссис Николсон обратила к Гэвину раздумчивый взгляд, отнюдь не взгляд сообщницы; просто она прикидывала как будто, насколько способен он к бдительности и серьёзности [Боуэн, 1984, с. 55].

19) Another walk round Southstone, this afternoon, was necessary: there must be a decrescendo [Bowen, 1983, p. 708]. — Вторая сегодняшняя прогулка по Саутстауну была необходима: в качестве декрепендо [Боуэн, 1984, с. 61].

20) On the return through the town towards the lip of the plateau overhanging the sea, the voidness and the air of concluded meaning about the plan of Southstone seemed to confirm her theory: history, after this last galvanized movement forward, had come, as she expected, to

a full stop [Bowen, 1983, p. 709]. — Он шёл обратно через город к нависшему над морем краю плато, и опустошения вокруг будто завершали план Саутстауна, подтверждали её теорию: история, после вымученного рывка вперёд, запнулась и, как ждала она, совершенно остановилась [Боуэн, 1984, с. 61].

21) But this has received a direct hit: the entire corner was gone [Bowen, 1983, p. 709]. — Но сюда попала бомба — весь угол снесло [Боуэн, 1984, с. 61].

22) Here, a once bewitching villa, now scabrous, awaits the knacker for some obscure shame — next door, its twin is all paintpots and whistling workmen, being dolled up again [Bowen, 1983, p. 547]. — Вот некогда пленительная, а ныне совсем дряхлая вилла, приготовившись к неминуемому позору, ожидает скупщика старых домов; по соседству прихорашивается точно такая же вилла — кругом вёдра с краской, спуют, насвистывая, рабочие [Боуэн, 1984, с. 227].

23) She learned that he was married; he asked her if she were married; she answered that she had never been in love [Bowen, 1983, p. 547]. — Он написал, что женат; спросил, замужем ли она; Джейн ответила, что ещё не была влюблена [Боуэн, 1984, с. 228].

Примеры (16—23) приведены в качестве образцов адекватного перевода. Оригинальный текст во всех этих примерах содержит характерные для Элизабет Боуэн синтаксические конструкции — простые предложения в составе сложного, разделённые точкой с запятой или двоеточием. При переводе целостность конструкций была сохранена и использованы те же знаки препинания, что и в оригинале. Исключение составляют пример (21), где двоеточие переводчик заменил тире, и пример (22), где вместо тире употреблена точка с запятой, однако эти замены оправданны и не нарушают авторский замысел.

24) Now he could sleep a short time, then life, that abstraction behind the business of living, was due to begin again [Bowen, 1983, p. 285]. — Теперь он мог забыться недолгим сном, а затем снова начнётся жизнь. Отвлечённая категория и повседневная суета [Боуэн, 1984, с. 96].

При переводе уточняющая вставная конструкция вынесена как отдельное односоставное предложение. Таким образом, используя приём парцелляции, переводчик сохранил эффект фрагментарности, заложенный в оригинальном тексте.

25) To approach Medusa Terrace by its east corner, on a first visit to the Maximilian Bewdons, was to fancy oneself, for an unnerving minute, the victim of hoax [Bowen, 1983, p. 547]. — Когда впервые подходишь к дому Максимилиана Бьюдона, обогнув «Террасу Медузы» с восточной стороны, невольно теряешься, думая, что тебя разыграли [Боуэн, 1984, с. 226].

В оригинале использовано много обособленных конструкций, замедляющих повествование. При переводе эти конструкции переданы с помощью деепричастных оборотов, создающих аналогичный эффект. Перевод соответствует критериям динамической адекватности.

26) Here she was to Medusa Terrace — too eager, she had off the bus too soon [Bowen, 1983, p. 548]. — И вот теперь, направляясь к «Террасе Медузы», она от нетерпения раньше времени вышла из автобуса [Боуэн, 1984, с. 227].

При переводе утрачена бессоюзная связь, одно из сказуемых трансформировано в деепричастный оборот. Повтор наречия “too” не сохранён.

Как мы видим, при переводе рассказов Элизабет Боуэн использованы различные виды трансформаций, среди которых замена знаков препинания — более «сильных», таких, как точка с запятой, двоеточие, тире, на более «слабую» запятую; объединение двух предложений в одно; преобразование простого предложения в деепричастный оборот; опущение повторов. Самой распространённой трансформацией оказался приём членения предложения. Однако на основе анализа приведённых примеров можно заключить, что данные замены не всегда обеспечивают адекватный перевод оригинального текста. В случае с модернистской прозой необходимо с особым вниманием относиться к синтаксическим конструкциям, так как именно они являются носителями авторского замысла. Важную роль в прозе Элизабет Боуэн играют также пунктуационные средства. Использование отдельных знаков препинания в оригинале, например точки с запятой в несвойственном для них значении представляет собой яркий художественный приём. В целях достижения адекватного перевода модернистского текста, необходимо стремиться к сохранению, как синтаксических особенностей, так и пунктуационных. В этом случае перевод будет соответствовать критериям динамической адекватности.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
- Боуэн Э.* Плющ оплёл ступени: Сборник рассказов. М.: Известия, 1984. 240 с.
- Лингвистические аспекты теории перевода: Хрестоматия / Сост. С.Т. Золян, К.Ш. Абрамян. Ереван: Лингва, 2007. 307 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Лукин В.А.* Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 500 с.

- Михальская Н.П., Аникин Г.В.* История английской литературы: Учебник. М.: Изд. центр «Академия», 1998. 516 с.
- Морженкова Н.В.* Романы В. Вульф 20-х гг.: «Комната Джекоба», «К маяку», «Орландо». Проблемы поэтики: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Нижний Новгород, 2002.
- Мур Дж.* Принципы этики / Пер. с англ. Л.В. Коноваловой; Общ. ред. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
- Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / Сост., общ. ред. Л.Г. Андреева. М.: Прогресс, 1986. 638 с.
- Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка: Учеб. пособие. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 284 с.
- Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю.* Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 304 с.
- Шерешевская М.А.* Генри Джеймс и его роман «Женский портрет» // Генри Джеймс. Женский портрет. М.: Наука, 1981. 592 с.
- Bayley, J.* The Short Story: Henry James to Elizabeth Bowen / John Bayley. The Harvester Press, 1988. 197 p.
- Bowen, E.* Afterthought: Pieces about Writing. L.: Longmans, 1962. 220 p.
- Bowen, E.* The collected stories of Elizabeth Bowen. Penguin Books, 1983. 784 p.
- Ellmann, M.* Elizabeth Bowen: Shadow across the Page. Edinburgh: University Press, 2003. 241 p.
- Ferguson, C.* *Suzanne*. Defining the Short Story (Impressionism and Form) // Ferguson S.C. The new Short Story Theories. N.Y.: Ohio Univ. Press, 1994. P. 218—230.
- Forster, E.M.* Aspects Of The Novel // Forster E.M. Harcourt Brace College Pub., 1985. 176 p.
- Geoffrey, Wagner.* Elizabeth Bowen and The Artificial Novel / Wagner Geoffrey. Essays in criticism. Oxford University Press. Vol. 13, iss. 2. 1963. P. 155—163.
- Glendinning, V.* Elizabeth Bowen: Portrait of A Writer / Victoria Glendinning. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. 261 p.
- Halperin, J.* Elizabeth Bowen and Henry James / John Halperin. The Henry James Review. Vol. 7, iss. 1. March 25. 1985. P. 45—47.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Л.А. Гаврилов,

кандидат филологических наук, профессор Военного университета,

Е.А. Курапова,

курсант Военного университета,

Е.Г. Торсуков,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: evg65987514@yandex.ru

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КАДРОВ В РОССИИ (к истории вопроса)

Развитие перевода и его исследование немыслимо без профессиональных кадров переводчиков, учёных, филологов и лингвистов. История нашего государства непрерывно связана с ведением войн и военных конфликтов, что потребовало готовить кадры военных переводчиков, развития в стране переводческой службы. Материал военных текстов стилистически, грамматически и лексически значительно отличается от материалов текста любого иного типа, относящегося к политике, науке, культуре и другим отраслям социальной жизни. Это потребовало от руководства нашего государства уделять пристальное внимание подготовке переводческих кадров.

Ключевые слова: война, боевые действия, билингвы, кадеты, юнкера, офицеры, военный переводчик, переводческая служба, Военный институт иностранных языков.

Lev A. Gavrilov, Cand. Sc. (Philology), Professor at the Military University,

Elizaveta A. Kurapova, Student at the Military University,

Yevgeny G. Torsukov, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: evg65987514@yandex.ru

Training Professional Translators in Russia

The development of translation and its research is unthinkable without professional translators, scholars, philologists and linguists. Russian history has been marked by many armed conflicts, which has always required training military translators and developing a translation service in the country. Lexically, grammatically and stylistically, military texts are very different from any other type of texts relating to politics, science, culture and other walks of life. This requires leadership on the part of the Russian government and paying close attention to the training of professional translators.

Key words: war, military actions, bilinguals, cadets, military school students, officers, military interpreter, military translator, translation and interpretation services, Military Institute of Foreign Languages.

Начало русской переводческой письменности исследователи относят ко времени Киевской Руси. Необходимость налаживания отношений с соседними странами обусловила масштаб переводческой деятельности. Наиболее востребованными были переводчики среднегреческого, немецкого, латинского, арабского и тюркских языков. Среди произведений древнерусской переводческой литературы есть памятники иноязычных культур, связанные с войнами и военными действиями. Например, «Троянская притча», «Иудейская война», «Рыдания о падении великого града» (посвящено взятию Константинополя турецкими войсками). Однако исследования перевода как такового, Киевского и Московского периодов древней истории нашего государства не сохранились. Их достоинства и недостатки могут быть оценены специалистами современности.

Последующая история России является ярким примером сотрудничества и соперничества с другими странами. Отсюда и большое внимание, которое уделялось в стране переводческой службе. С давних пор перевод обеспечивал боевые действия как внутри страны, так и за её пределами (сбор и обработка разведывательных данных о противнике, участие в различного рода переговорах и т.п.). Толмачи и драгоманы, занимавшиеся устным и письменным переводом, всегда высоко ценились в России и отличались высоким профессионализмом. Часто это были билингвы — прижившиеся в русской среде носители самых различных языков. Многие из них использовались и в обучении иностранным языкам и переводу.

Перевод и его исследования бурно развивались в петровские времена. Это определялось расширением государственных отношений со странами Запада, увеличением объёма переводной литературы, в том числе и военных текстов (уставы, наставления, книги по военному делу). Следует отметить, что и сам Пётр, зная языки, вникал в суть перевода и весьма отрицательно относился к буквализму в переводческой деятельности. Он считал, что буквализм затемняет смысл и препятствует осуществлению основной задачи, т.е. ознакомлению русского читателя с содержанием подлинника. Так, в «Указе Зотову об избегании в будущем ошибок» (Воронеж, 25 февраля 1709 г.) он пишет: «Г-н Зотов. Книгу о фортификации, которую вы переводили, мы оною прочли, и разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учит оной фортификацию делат, ...то зело темно и непонятно переведено... и того ради надлежит вам и в той книжке, которую вы ныне переводите, остеретца в том, дабы внятнее перевесть, а особливо те места, которья учат как делат; и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию, сенс (т.е. смысл) выразумев, на своём языке уже так писат, как внятнее может быть».

С реформами Петра в России становилось всё больше людей, знающих иностранные, прежде всего западноевропейские, языки. Знание иностранных языков становилось одним из обязательных элементов дворянской культуры. Этому способствовало как домашнее воспитание, так и дальнейшее обучение в гимназиях, лицеях, кадетских корпусах. В ряде случаев уровень подготовки был достаточно высок и позволял дворянским детям использовать полученные знания, навыки и умения на государственной службе. Офицеры русской армии, выходцы из дворян хорошо владели иностранными языками. Чтобы стать офицерами дети и юноши различных сословий получали военное образование в кадетских корпусах и юнкерских училищах. Уровень языковой подготовки в этих учебных заведениях часто был довольно низким, зато в привилегированных военно-учебных заведениях обучение иностранным языкам и переводу было поставлено действительно хорошо. Так, например, в Киевском Пажеском корпусе, который готовил камергеров для двора Его Величества, обучали нескольким иностранным языкам. Бывший его воспитанник, впоследствии военный дипломат генерал-лейтенант А.А. Игнатьев писал об этом следующее: «Пажи оказывались головой выше решительно всех юнкеров по знанию иностранных языков. В специальных классах преподавался курс истории французской и немецкой литературы, а многие пажи писали сочинения с той же лёгкостью, что и на русском языке». Очень высоки были требования по языковой подготовке и к офицерам высшего командного звена. Так, для поступления в Академию Генерального Штаба требовалось сдать экзамены по двум иностранным языкам — написать сочинения на заданные темы или перевести со словарём сложные технические тексты.

Таким образом, можно считать, что русская армия фактически всегда была обеспечена людьми, в совершенстве знавшими основные западные языки. Иначе обстояло дело с восточными языками. И хотя ещё при Петре была создана первая школа переводчиков, где обучали даже японскому языку, в общем и целом в армии военных переводчиков со знанием восточных языков явно не хватало. По мнению ряда военных историков, это самым неблагоприятным образом сказалось на подготовке и ходе Русско-японской войны. Для того чтобы хоть как-то изменить создавшееся положение, военное ведомство стало направлять офицеров для изучения восточных языков в высшие учебные заведения, а офицерам со знанием восточных языков стали предоставляться определённые преимущества при назначении на должность. За период с 1899 по 1916 г., например, только в Восточном институте во Владивостоке получили подготовку по восточным языкам (китайскому, японскому, корейскому, монгольскому и др.) более 200 офицеров. В тот

же период практиковались и другие формы обучения. Так, военное ведомство открыло во Владивостоке школу переводчиков с восьмимесячным изучением теоретического курса китайского языка и последующей двухгодичной стажировкой обучаемых в Китае.

Система военной речи складывалась исторически из этических по своему содержанию и эстетических ритуальных по форме высказываний, имеющих символическое значение и являющихся органической частью военной культуры. Речь в военной среде исключает дискуссионность и какие-либо возражения, которые воспринимаются как пререкания и влекут за собой дисциплинарные воздействия. Отличительная особенность речи командира состоит в его особом статусе — единоначалии. Какой бы ни была речь военного руководителя — и по форме, и по содержанию — никто не вправе сделать ему замечание или указать на недостатки речи, не опасаясь санкций. Как правило, военная речь монологична, так как диалог и спор зачастую не допускается. В связи с этим в военных речах ощущается слабая аргументированность тезиса, высказывание содержит в себе модальное утверждение, не терпящее каких-либо возражений. Отсутствие диалога делает военного оратора слабым и ведёт к потере навыков структурирования высказываний и аргументированной доказательности. Аргумент силы заменяет силу аргументов. В военной риторике возникают случаи, когда не хватает времени для «убеждения», «доказательства». Времени на речь остаётся ровно на то, чтобы «побудить». Военная лексика формирует ядро данной профессионально-коммуникативной системы. Именно наличие военной лексики служит первым критерием, позволяющим отнести то или иное сообщение к профессиональной речи военнослужащих, т.е. квалифицировать его как военный текст. Профессионально-коммуникативная система как лингвистическая система средств выражения военной деятельности обеспечивает коммуникацию в пределах определённой сферы профессионально-ролевого взаимодействия, обозначает понятия и объекты конкретной профессиональной сферы коммуникации.

Речевой жанр остаётся при этом первичной и основной стилистической категорией, позволяющей с известной точностью изучать лингвистический аспект вариативности речи. Жанры военных текстов:

- военно-научные тексты;
- военно-технические тексты;
- военно-информационные тексты;
- военно-публицистические тексты;
- уставы и наставления;
- военно-деловые тексты.

Характерным для военных текстов различных языков является лаконичность их стиля. Например, в немецком языке сложные предложения встречаются редко, неполные предложения употребляются намного чаще, т.е. предложения без сказуемого или подлежащего, односоставные и слитные предложения. «Erkundungskommando für Marschstraße durch PzPiKp 70». — 70-й саперной роте выслать рекогносцировочную группу для разведки местности. Иногда в переводе приходится вводить отсутствующие в оригинале главные члены предложения. Часто в немецком языке военной речи встречаются сокращённые обозначения, без знания которых невозможно понять смысл предложения. Специальная структура встречается в военных документах, последовательность пунктов в уставах и приказах также важна в функциональном стиле. Переводчик обязан владеть особенностями данного стиля, терминологией вооружённых сил своего государства и иностранного. Задачей переводчика также является нахождение соответствий в процессе перевода приказом Заместителя Народного комиссара по военным и морским делам и Председателя Реввоенсовета СССР И. Уншлихта № 125 «Об установлении звания для начсостава РККА “Военный переводчик”». Трудности переводческого обеспечения военного ведомства были весьма значительными. В 20-е гг. подготовка военных переводчиков осуществлялась за счёт перепрофилирования студентов и преподавателей-филологов. В начале 30-х гг. стали предприниматься первые попытки организовать подготовку военных переводчиков. В 1933 г. в Хабаровске были организованы командные переводческие курсы. Главная их задача — научить за 3 месяца элементарному разговору на изучаемом языке (китайском, корейском), а также первичному допросу. С 1935 г. срок обучения продлевается до 6 месяцев. Конечно, за столь короткий период было трудно обеспечить хорошую подготовку. Поэтому военных переводчиков начинают готовить в особых секторах при гражданских востоковедческих институтах с более продолжительным сроком обучения. Создаются курсы военных переводчиков при разведотделе Киевского военного округа с полуторагодовым сроком обучения (изучались немецкий, польский, румынский, финский, венгерский и шведский языки), курсы военных переводчиков Тихоокеанского флота, курсы военных переводчиков Дальневосточного фронта (изучались китайский, японский, корейский, английский языки), курсы военных переводчиков Закавказского военного округа в г. Баку (изучались турецкий и персидский языки). Одновременно срок обучения на командных курсах в Хабаровске увеличился до 2 лет.

Главной особенностью и недостатком всех этих курсов являлось то, что они были рассчитаны на относительно короткие сроки обучения, а это отрицательно сказывалось на уровне подготовки слушателей. Кроме того, в тот период ещё не была выработана даже в самом общем виде концепция обучения военному переводу. Отсутствовала серьёзная учебная база, а обучение велось на основе разрозненных учебных разработок. Не хватало и квалифицированных кадров преподавателей.

Заслуга генерал-лейтенанта А.А. Игнатьева — инспектора Красной армии по иностранным языкам и, наверное, главного инициатора создания военных факультетов при институтах иностранных языков — заключалась в том, что он хорошо понимал: за полгода, год или даже два трудно подготовить хорошего военного переводчика. Для того чтобы стать классным военным переводчиком, обучаемый должен получить глубокое филологическое образование, хорошо знать не только военную терминологию и лексику, но и военное дело. Иначе говоря, он должен стать военным филологом. По решению правительства 1 февраля 1940 г. был создан Военный факультет западных языков при 2-м МГПИИЯ со статусом высшего военно-учебного заведения, имеющего целью подготовку специалистов со знанием западных языков для военных академий Красной армии. В том же году был образован Военный факультет при Московском институте востоковедения. Задачи, поставленные перед факультетом, были сформулированы в приказе народного комиссара обороны следующим образом: «Подготовить для Красной армии хорошо знающих язык практических работников по странам Востока (Япония, Китай, Западный Китай, Монгольская Народная Республика, Афганистан, Иран, Турция, арабские страны и Индия)».

В условиях надвигавшейся военной опасности создание военных факультетов стало одной из мер, направленных на укрепление обороноспособности страны, позволивших начать форсированную подготовку военных кадров со знанием иностранных языков — языков вероятных противников и возможных союзников. Создание военных факультетов не только оказалось своевременным, но и стало вехой в развитии военной науки, положив начало военно-филологическому образованию в стране.

Великая Отечественная война с первых же дней поставила перед военными факультетами сложные и ответственные задачи. Для удовлетворения всё возрастающих нужд фронту требовались немедленно и в большом количестве военные переводчики, прежде всего со знанием немецкого языка. К началу войны факультет уже окончили около 100 человек, но этого было, конечно, недостаточно. И здесь вспомнили об опыте краткосрочной подготовки воен-

ных переводчиков, В сложившейся ситуации это, наверное, было единственным выходом. 1 сентября 1941 г. открылись курсы военных переводчиков при Военном факультете. Организационно курсы военных переводчиков были разбиты на языковые группы. Каждая группа в зависимости от исходного уровня подготовки имела свой график прохождения курса и выпуска. Для одних групп подготовка ограничивалась всего тремя месяцами обучения, для других — сроки обучения оказывались более продолжительными. Сам процесс обучения носил ярко выраженный интенсивный характер. Изучению языка, включая военный перевод, отводилось до 36 часов в неделю. В остальное учебное время курсанты проходили военную и общеполитическую подготовку, слушали курс страноведения.

Нужды войны потребовали создания единого центра подготовки военных переводчиков. В соответствии с приказом народного комиссара обороны Шаталина от 12 апреля 1942 г. им стал Военный институт иностранных языков Красной армии (ВИИЯ КА). Институт создавался на базе военного факультета западных языков, в него вошли также военный факультет при Институте востоковедения и военные курсы иностранных языков в г. Орске.

Одновременно, чтобы укрепить базу для комплектования слушательского состава, была расширена практика набора абитуриентов специальными комиссиями, выезжавшими для этого в Саратов, Куйбышев, Казань, Ульяновск и другие крупные приволжские города. С разрешения наркома просвещения в Куйбышеве были открыты первые в стране языковые спецшколы. Выпускники спецшкол выгодно отличались от выпускников обычных средних школ хорошей языковой подготовкой. Только из этих школ в годы войны в ВИИЯ КА поступили более 160 человек.

В годы Великой Отечественной войны Военный институт иностранных языков внёс существенный вклад в дело победы над врагом. За предвоенные годы и за годы войны было подготовлено более 5000 военных переводчиков. Большинство из них приняло участие в войне. Выпускники института воевали в действующей армии и в партизанских отрядах, работали в различных штабах и управлениях Красной армии, редакциях фронтовых газет, участвовали в переводческом и военно-дипломатическом обеспечении сотрудничества с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

К концу 40-х гг. Институт стал крупным высшим военно-учебным заведением. В его составе было 9 факультетов и 23 кафедры. Сформировался высококвалифицированный коллектив преподавателей. Наверное, не было и нет ни у нас в стране, ни за рубежом такого учебного заведения, в котором было бы так много выдающихся учёных-лингвистов с мировым именем. Только Академия

наук СССР была представлена в Институте академиками В.М. Алексеевым, А.П. Баранниковым, В.В. Виноградовым, Н.К. Козиным, Н.И. Конрадом, И.Н. Мещаниновым, С.П. Обнорским, В.В. Струве, В.Ф. Шишмарёвым.

Громадная заслуга командования Института как раз и заключалась в том, что оно объединило этих выдающихся учёных в стенах Института, что для обучения слушателей были направлены лучшие кадры преподавателей иностранных языков.

Высокий профессиональный уровень выпускников Института 1940—1950-х гг. подтверждается и тем, что многие из них стали известными военачальниками, руководителями структурных подразделений Министерства обороны СССР. Среди них — генералы А.В. Баранов, Г.А. Борисов, Б.Н. Вилков, Е.С. Давыдов, Д.В. Диев, Е.И. Долгополов, В.Д. Кучин, Е.А. Ножин, В.И. Смольников, А.А. Пашковский, В.С. Томжевский и др. Видными дипломатами (чрезвычайными и полномочными послами СССР) стали В.К. Болдырев, М.С. Капица, Ф.И. Потапенко, М.Д. Сытенко, Н.Н. Шубников и др.

Из выпускников того времени выросли видные учёные, среди которых: учёный секретарь Отделения литературы и языка Российской академии наук академик Е.П. Чельшев, члены-корреспонденты РАН А.А. Искендеров, М.С. Капица, Г.Б. Старушенко, академики Академии образования РФ А.А. Миролюбов и М.И. Махмутов, доктора наук, профессора А.Т. Аксёнов, Б.М. Балкн, Л.С. Бархударов, И.Ф. Вардуль, Н.В. Волков, В.Г. Гак, В.М. Глускин, И.В. Головин, В.С. Гривнин, Н.А. Дворянков, В.В. Девкин, А.И. Динкевич, А.А. Ковалёв, В.Н. Комиссаров, Р.Г. Котов, А.Т. Кривоносов, В.П. Кузнецов, В.М. Кузнецов, И.Д. Ладанов, Б.А. Лapidус, С.П. Мамонтов, Р.К. Миньяр-Белоручев, О.И. Москальская, Л.Л. Нелюбин, Л.Б. Никольский, Е.А. Ножин, А.А. Пашковсккй, Л.П. Пушкарёва, О.А. Ржешевский. Э.С. Рахмункулова, Ю.А. Рубинчик, Ю.А. Смирнов, С.А. Соколов, Г.Д. Томахин, Ю.Г. Трегубенков, С.А. Фрейлих, Г.З. Черданцева, М.Л. Цвиллинг, А.М. Шарбатов, В.Л. Якуб. Многие из них избраны членами различных отраслевых академий наук.

Известными писателями стали выпускники Института Л.А. Безыменский, В.Б. Кассис, Л.П. Кулешов, Л.М. Кузнецов, И.И. Левин, В.В. Овчинников, Е.М. Ржевская, А.И. Стругацкий, В.П. Туркин. Мировое признание получило музыкальное творчество фронтового переводчика, выдающегося композитора современности Андрея Эшпая. Пионером авторской песни стал М.Л. Анчаров. А сколько талантливых, мужественных и преданных Отечеству сынов унесла война! Погиб в бою первый начальник ВИИЯ КА полковник С.Н. Степанов. Под Новороссийском в разведывательном поиске

был убит выпускник курсов военных переводчиков, замечательный поэт Павел Коган.

Впервые в послевоенные годы Институт перестраивал свою работу в соответствии с мирными условиями: были упразднены краткосрочные курсы военных переводчиков, осуществлён переход на пятилетний срок обучения, введено обязательное для всех изучение двух иностранных языков. Была предоставлена возможность завершить образование выпускникам военных лет, не окончившим полный курс. Институт перешёл к подготовке военных переводчиков-референтов и преподавателей.

В 1956 г. в связи с сокращением Вооружённых сил Институт был расформирован. Однако расширение международных связей государства, в том числе и по военной линии, уже в 1958 г. потребовало возобновления подготовки кадров военных переводчиков. Эта задача первоначально была возложена на факультет иностранных языков Военной академии Советской армии, а в мае 1963 г. постановлением Совмина на его базе был воссоздан Военный институт иностранных языков — ВИИЯ.

Кроме факультетов западных и восточных языков в Институте были созданы курсы по подготовке руководящего состава, направляемого на зарубежную работу в качестве военных советников и специалистов, курсы усовершенствования военных переводчиков, а также курсы повышения квалификации офицеров запаса. В последующие годы совершенствовалась и структура Института. В 1965 г. начальник Военного института иностранных языков (ВИИЯ) генерал-полковник А.М. Андреев, выступая на научно-методической конференции Института, дал такое определение профессии военного переводчика: это специалист, который «должен понимать природу современного боя и твёрдо знать военную терминологию, уметь реферировать военную литературу, переводить военные документы и вести допрос пленного».

На протяжении всей истории своего существования Военный институт иностранных языков называли «воюющим». Его преподаватели, слушатели и курсанты неоднократно привлекались для выполнения ответственных заданий правительства и министра обороны внутри страны и за рубежом. Алжир и Египет, Индонезия и Индия, Гвинея и Мали, Куба и Перу — таков далеко не полный список стран, где успешно работали военные переводчики, подготовленные в стенах alma mater. За выполнение боевых задач более 500 военнослужащих переводческих факультетов были награждены отечественными и иностранными орденами и медалями. Навечно в памяти и в истории Военного университета, в состав которого впоследствии вошёл ВИИЯ, останутся имена погибших в те годы военных переводчиков: О. Снитко (Ангола), Н. Колпашиков (Аф-

ганистан), Д. Чижов (Мозамбик), Ю. Стоказ (Эфиопия) и многие другие...

Учёными факультетов западных и восточных языков разработан целый ряд крупных проблем теории перевода и военного терминоведения, теории языковой коммуникации, типологического и сопоставительного языкознания. Ежегодно преподавательским составом филологических кафедр готовятся десятки учебников и учебных пособий, методических и учебных разработок, словарей почти по 40 языкам. Многие из этих изданий являются уникальными трудами, не имеющими аналогов не только в нашей стране, но и за рубежом. Созданы принципиально новые по содержанию и методическим принципам комплекты учебников по теории языкознания и по большинству аспектов преподавания основных западных и восточных языков. Под руководством и при участии наших учёных были составлены крупные словари (многоязычный иллюстрированный военно-технический словарь, русско-персидский словарь, англо-русский военный словарь, француско-русский военный словарь, китайско-русский военный словарь и др.). Особенно большой вклад внесли учёные филологических кафедр в методику обучения переводу — прежде всего устному. Под руководством профессора Р.К. Миньяр-Белоручева на кафедре французского языка регулярно проводились занятия по синхронному переводу. Чтобы сделать эти занятия более эффективными, было решено создать кабинет синхронного перевода. Трудность заключалась в том, что в стране не было аналогов классов подобного уровня. Но один из лучших методистов Военного института Ю.А. Герн блестяще справился с порученной ему задачей: в ВИ появился самый современный в стране учебный класс синхронного перевода, а сам Юрий Алексеевич был награждён Серебряной медалью ВДНХ.

Создание этого спецкласса позволило позднее обобщить опыт обучения синхронному переводу, что и было сделано в докторской диссертации А.Ф. Ширяева, посвящённой теоретическим основам синхронного перевода.

Вырос научный потенциал филологических кафедр. Так, если в начале 1970-х гг. в Институте работали 3 доктора наук и 61 кандидат, то сейчас в тех же подразделениях — 15 докторов и 107 кандидатов наук. Поднялся и статус нашего военно-учебного заведения. Впервые в России появился Военный университет. И в этом крупном учебно-методическом и научном комплексе, объединяющем подготовку военных кадров различных профилей, важное место занимают сегодня факультеты западных и восточных языков. В условиях реформирования как Вооружённых сил РФ в целом, так и всей системы военного образования военно-филологические факультеты призваны решать ответственные задачи по подготовке,

переподготовке и повышению квалификации офицеров по ряду филологических специальностей, а также проведению научно-исследовательских работ.

В настоящее время профессия военного переводчика продолжает оставаться высококостребованной. Россия расширяет сферу своего военного сотрудничества, подписываются многомиллионные контракты на поставку вооружения и военной техники, например с Индией, Аргентиной, Перу, Бразилией, Венесуэлой и другими странами. И, как и в прежние времена, эффективное военное сотрудничество невозможно без привлечения военных переводчиков.

Список литературы

- Гаврилов Л.А.* История подготовки кадров военных переводчиков в России. <http://www.clubvi.ru/news/2011/02/09/gavrilov2/>
- Стрелковский Г.М.* Перевод боевых документов Бундесвера. М.: Воениздат, 1970.
- Стрелковский Г.М.* Военный перевод. М.: Воениздат, 1973.
- Торсуков Е.Г.* Кузница элиты военных кадров. М.: ВУМО, 2009.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968.

В.В. Кучерявенко,

доцент кафедры лингвистики и переводоведения факультета лингвистики
Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова;
e-mail: valentina.kucheryavenko@gmail.com

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВВОДНОГО КУРСА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Статья посвящена содержательным и дидактическим особенностям разработки программы вводного курса перевода стандартных юридических документов для студентов, обучающихся по специальности «Лингвист-переводчик». В статье анализируются требования, предъявляемые в современных условиях к деятельности переводчика в сфере права, а также излагаются виды учебной деятельности, позволяющие осуществлять подготовку будущих переводчиков с учётом этих требований. Особое место уделяется описанию целей, структуры и содержания вводного курса, позволяющего повысить профессиональные компетенции и самосознание будущих практикующих переводчиков.

Ключевые слова: межязыковая профессиональная коммуникация, компетенции переводчика, юриспруденция, переводческие проекты, переводческие кейсы.

Valentina V. Kucheryavenko, Associate Professor at the Linguistics Department, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics, Moscow, Russia; e-mail: valentina.kucheryavenko@gmail.com

Methodological Aspects of Introductory Course in Legal Translation for Students Majoring in Translation

The article deals with methodological and didactical challenges encountered when developing an introductory academic course in legal translation. The author analyses the demands imposed on the legal translator by the market, as well as lists various forms of academic activities (specified in academic curricula and syllabi) aimed at helping future translators meet these demands when introduced into academic curricula and syllabi. Special attention is given to the description of the course's objectives, structure and contents designed so as to enhance professional competencies and facilitate self-consciousness of translators-to-be.

Key words: interlanguage professional communication, translator's competencies, law, legal English, translation projects, translation cases.

Глобализация мирового сообщества способствует превращению переводческой деятельности в мощную высокотехнологичную индустрию со своей спецификой и своими проблемами. Эти процессы сопровождаются изменением номенклатуры переводимых текстов. В отличие от предыдущих десятилетий, когда в общем объёме выполняемых переводов полностью доминировала такая область специального перевода, как научно-технический перевод¹, сегодня

---

¹ По данным Всероссийского центра переводов о динамике изменения номенклатуры переводимых текстов за период с 1985—2005 г. (Пушинов И.А., Семёнов А.Л., Убин И.И. Перевод: проблемы и решения. М.: ВЦП, 2009. С. 9).

всё большее значение приобретают так называемые бизнес-переводы, в первую очередь коммерческой и юридической документации. По оценкам экспертов, в настоящее время их объём составляет 31,8% от общего объёма переводов, что достигает в России около 6—7,5 млрд руб. в год с динамикой годового роста на уровне 10—15% [Пушнов, 2009, с. 6—7, 10]. Это вызвано появлением таких новых документов, как контракты, учредительные документы, доверенности, таможенная и финансовая документация. Между тем, на уровне академической подготовки будущих переводчиков даже на ведущих переводческих факультетах языковых вузов страны ситуация выглядит далеко не так радужно: бизнес- и юридический перевод либо не преподаются вовсе, либо преподаются недостаточно углублённо. На факультетах иностранных языков, занятых подготовкой педагогических кадров, данная проблематика не предусмотрена программными документами вообще [там же, с. 23]. Следствием этого является несоответствие качества подготовки и сформированных компетенций будущих переводчиков требованиям динамично развивающегося и высококонкурентного рынка. Таким образом, в целях подготовки профессиональных переводчиков, способных удовлетворять потребность общества в качественной межкультурной коммуникации, в частности в сфере юриспруденции, должен быть достигнут компромисс между требованиями индустрии (рынка) и стандартами образования. Переводчик в современных условиях должен не просто владеть двумя языками, не только знаниями переводческих стратегий, тактик и техник, но и целым набором компетенций иного порядка [Maskenzie, 2004, p. 31—38]. Юридический язык отличает целый ряд характерных черт и особенностей, которые могут представлять потенциальные сложности для понимания и перевода (использование полисемии, латинизмов, слов французского происхождения, архаизмов, канцеляризм, тавтологической когезии, фразеологических и идиоматических выражений и оборотов и т.д.). Кроме того, подъязыку права присуща высокая терминологичность. Необходимость преподавания студентам терминологии признают все ведущие европейские школы перевода (ЕТИ в Женеве, Брюссельская и Парижская школы), где не только изучается профессиональная юридическая терминология, но и проводятся занятия по введению в юридические дисциплины, экономику и бизнес. Именно переводчик специальной документации должен иметь не только прочные языковые знания, но и соответствующие отраслевые или, по меньшей мере, фоновые знания в данной области [ibid, p. 8]. Более того, при составлении программы курса по юридическому переводу необходимо помнить о различиях в правовых системах разных стран (Великобритания, США, Россия и т.д.), которые выражаются в разной понятийной базе и реалиях. Данные различия могут вы-

ражаться в терминологических и понятийных лакунах, несоответствии текстовых конвенций в исходном языке и языке перевода. В связи с этим целесообразно рассматривать перевод юридического текста с одного языка на другой как совокупность перехода с одного языка на другой и от одной юридической системы к другой [Левитан, 2011, с. 28]. При работе с юридическими текстами необходимо обучить студентов подходу к работе с разными видами текстов, а именно выработке переводческой стратегии, предполагающей сбор внешних сведений о тексте, идентификацию реципиента и состав информации, определение коммуникативного задания, функционального стиля, аналитический поиск вариантов перевода и анализ результатов.

Специфика юридического перевода обусловлена не только типологией и содержанием юридических текстов, но и особенностями профессиональной коммуникации в сфере права. В связи с этим данный курс составлен на основе методологического подхода, трактующего перевод как акт межъязыковой коммуникации. Точный, корректно выполненный перевод юридического текста особенно важен для всех участников межкультурной профессиональной коммуникации. Переводчик в сфере права несёт большую моральную и правовую ответственность за качество и правильность своего перевода [там же, с. 23]. Имея в виду вводный характер данного курса, автор посчитал целесообразным уделить в программе курса большее внимание тем материалам, с которыми, вероятно всего, столкнётся начинающий переводчик, а именно переводу стандартных документов в области коммерческого права, а также коммуникативным аспектам юридического перевода. В связи с вышесказанным представляется уместным разделить цели курса на когнитивные и процессоориентированные. К первым будут относиться: получение студентами представления о подязыке права (как разновидности категории *Language for special purposes*) и его особенностях и характерных чертах на материале английского и русского языков, осознание существования различных правовых систем с целью минимизации языковых интерференций, приобретение фоновых знаний в области права. Ко вторым — получение и развитие жизненно необходимых для профессионального переводчика компетенций: обучение навыкам работы с терминологией (анализ параллельных текстов и создание глоссариев), выбор переводческих стратегий и тактик, развитие навыков поиска нужной информации, использования специализированных переводческих ресурсов (словари, переводческие форумы и т.д.), тренировка собственно переводческих техник и приёмов, выполнение переводческого комментария и редактирование переводов, выполненных другими переводчиками, а также создание переводческих портфолио. Для реализации целей обеих категорий, полагаем, целесообразно ввести

в программу курса особые формы учебной деятельности, призванные также повысить у студентов переводческое самосознание и дать им представление о деятельности переводчика «изнутри» — кооперативные (групповые) переводческие проекты и кейсы. Переводческие проекты могут представлять собой имитацию или моделирование реальных переводческих ситуаций и рабочих процессов, с которыми начинающий переводчик будет встречаться, покинув студенческую скамью, и могут воспроизводить модели рабочих процессов в бюро переводов, деятельность штатного переводчика в компании, деятельность внештатного переводчика-фрилансера и т.д. Так, например, в рамках программы вводного курса по юридическому переводу одним из переводческих проектов может быть моделирование/имитация обработки переводческого заказа в бюро переводов. Занятие лучше всего проводить как ролевую игру, с чётким распределением ролей и постоянным взаимодействием всех участников проекта с целью достижения конкретного общего результата (результат должен быть чётко оговорён в начале проекта). Наряду с отработкой навыков работы с текстом — поисковых, терминологических, лингвистических, переводческих и т.д. — при выполнении данного задания также приобретаются и усваиваются знания о принципах и процессах, составляющих профессиональную переводческую деятельность, развиваются межличностные и менеджерские компетенции. При работе с многораздельным текстом, например текстом договора купли-продажи или Меморандума Европейского суда по правам человека, уместно «назначение» нескольких переводчиков, между которыми в равных пропорциях распределяется текст оригинала (эту функцию может на себя взять «менеджер», или «координатор проекта»). В этом случае акцент будет делаться на работе редактора, задача которого — свести воедино переводы частей документа, сделанных разными переводчиками, и добиться максимального стилистического и терминологического единообразия текста. Оптимально задействовать в переводческих проектах приглашённых экспертов, работающих в сфере права и юридического перевода. Так, например, для имитации принципов работы штатного переводчика и его взаимодействия с юристами в компании представляется возможным привлечение студентов старших курсов юридического факультета. Переводческим заданием в этом случае является перевод контракта или юридической корреспонденции между российской и иностранной компаниями, в ходе выполнения которого от студентов могут также потребоваться навыки локализации с учётом страны, для представителей которой делается перевод (так как может потребоваться «переход» из одной правовой системы в другую). Данный проект может быть также представлен преподавателем в виде переводческого кейса с чётко определённой задачей в области межкультурной или меж-

личностной коммуникации [Curzon, 1997, p. 335—339]. Чем больше «ролей» примерит на себя студент-переводчик в ходе обучения, тем более комплексной будет его подготовка, тем лучше он будет готов к реальной профессиональной деятельности. Особенно это касается студентов-бакалавров, планирующих сразу после получения диплома идти в профессию и не имеющих возможности получить более конкретную специализацию или дополнительные навыки в течение последующих лет обучения. На наш взгляд, такая форма учебной деятельности, как учебные переводческие проекты, развивает одновременно всю совокупность переводческих компетенций и многие важные навыки, необходимые студентам для последующей успешной профессиональной деятельности. Содержательное наполнение курса и структуру собственно переводческих видов учебной деятельности можно представить на следующих диаграммах (рис. 1, 2).

Рис. 1. Содержание курса, %

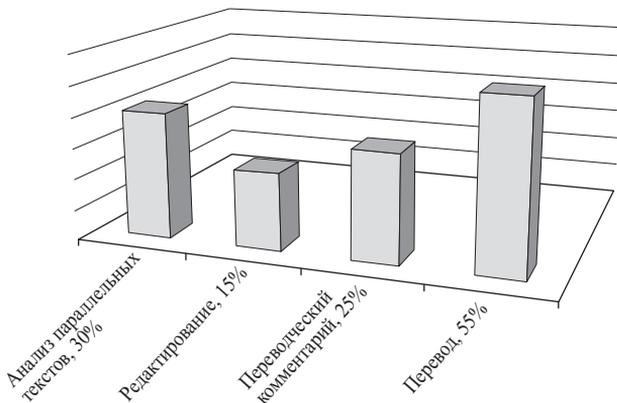

Рис. 2. Структура переводческих видов деятельности, %

Модель курса (по таксономии Б. Блума)

Неделя	Виды деятельности	Уровень таксономии	Методы обучения	Материалы
1-я	<p>1. <i>Вводная часть</i>: Презентация курса, его целей/задач и конечных ожиданий. Понятия подзакла права (Язык для специальных целей), его отличительных черт и специфики.</p> <p>2. Вопросы использования словарей по юридическому английскому (EN-RU-EN и EN-EN), веб-сайтов и форумов для переводчиков в сфере права</p>	1—2	Объяснение теории, обсуждение, ознакомительный перевод	Презентация PowerPoint, копии/раздаточные материалы. Образцы юридических текстов на двух языках, демонстрация учебных материалов, интернет-ресурсов форумов (ресурсы переводчика)
2-я	<p>1. Ознакомление с разными правовыми системами разделов права (особое внимание — Коммерческое право, Контрактное право)</p> <p>2. Лексические особенности языка права (Legalese): латинизмы, архаизмы, акронимы/аббревиатуры и т.д.: Упражнения на matching, «заполнение лакун» (подстановка недостающих фрагментов текста), перевод отдельных предложений и абзацев с примерами лексики</p>	1—3	Объяснение теории, дискуссия, практическая работа в группах	Презентация PowerPoint, раздаточные материалы, образцы юридических текстов, списки латинизмов и т.д.
3-я	<p><i>Перевод названий юридических лиц и институциональных имён собственных.</i></p> <p>1. Ознакомление с основными типами ЮЛ. Основные виды переноса названий ЮЛ институциональных ИС в другой язык.</p> <p>2. Перевод небольших документов, связанных с образованием/ликвидацией компаний (Договор об учреждении компании, Уведомление о ликвидации партнёров и т.д.) EN-RU</p> <p>Перевод предложенных преподавателем названий институциональных ИС</p>	1—4	Работа в группах и индивидуально, решение кейсов	Презентация PowerPoint, раздаточные материалы, списки разновидностей юридических лиц, параллельные тексты

Неделя	Виды деятельности	Уровень таксономии	Методы обучения	Материалы
3-я	<p><i>Домашнее задание:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> Анализ предложенных преподавателем параллельных текстов по теме + составление глоссария. Перевод предложенных преподавателем названий институциональных ИС 			
4-я	<p><i>Групповой проект:</i> «переводческий заказ»: студенты разбиваются на группы с целью воссоздания различных фаз реализации заказа в переводческом бюро (получение заказа — распределение ролей между различными сотрудниками — координация действий — выполнение заказа). Назначаются: менеджер проекта, помощник редактора, тематический редактор, переводчики, корректор/верстальщик. Текст на перевод: Memorandum of Association/Letter of Preliminary Agreement.</p> <p>Отчёт по «переводческому заказу»: каждый из «сотрудников» бюро отчитывается о проделанной работе. Разбор и обсуждение сложных моментов, совместная выработка решений (brainstorming). Общая оценка проекта и индивидуальная оценка работы «сотрудников»</p>	3—6	Групповой проект, дискуссия	Компьютеры с доступом в Интернет, словари, тексты на перевод

Неделя	Виды деятельности	Уровень таксономии	Методы обучения	Материалы
5-я	<p><i>Коммерческий контракт</i> (Договор купли-продажи, Консалтинговый договор).</p> <p>1. Разбор структуры коммерческих контрактов, наиболее характерных лексических и грамматических структур и способов их перевода.</p> <p>2. Анализ параллельных текстов, упражнения на «заполнение лакун», перевод отдельных разделов контракта.</p> <p><i>Домашнее задание:</i> 1) выполнить перевод части контракта купли-продажи с переводческим комментарием/annotating (отправляется преподавателю по электронной почте, результат обсуждается индивидуально). Направление перевода: EN-RU</p>	1—5	Работа в группах и индивидуально	Презентация PowerPoint, раздаточные материалы. Параллельные тексты, тексты на перевод
6-я	<p>1) Упражнения на восстановление порядка следования основных разделов стандартного контракта купли-продажи (sequencing);</p> <p>2) Разбор домашних переводов, обоснование стратегий и переводческих решений;</p> <p>3) <i>Переводческий проект на перевод целого контракта:</i> См. «переводческий заказ» (неделя 4). Направления перевода: EN-RU. Назначаются несколько переводчиков (текст контракта делится на части) и редактор. Проект завершается дома, готовый текст отправляется на проверку преподавателю</p>	3—5	Групповая работа/проект	Компьютер с доступом в Интернет, словари, тексты на перевод

Неделя	Виды деятельности	Уровень таксономии	Методы обучения	Материалы
7-я	<p>1. Обсуждение результатов проекта, комментарии преподавателя.</p> <p>2. <i>Переводческий проект на перевод целого контракта с привлечением студентов юридического факультета:</i> Переводческий кейс на взаимодействие с юристами в компании + решение задач в области МКК (студенты разделяются на несколько групп, каждая получает своего «юриста»: юристы дают переводчикам задание перевести контракт с иностранной компанией. Задача переводчиков: выработать грамотную стратегию перевода в соответствии с коммуникативным заданием, при необходимости обратиться к юристам за разъяснением терминологии. Юристы предоставляют объяснение сложных юридических понятий, терминов и вероятных расхождений в правовых системах. Возможно также назначение редакторов. Направление перевода: RU-EN)</p> <p><i>Домашнее задание:</i> Редактирование и корректирование текста перевода контракта, выполненного другим переводчиком</p>	3—6	Дискуссия; групповой проект	Компьютеры с доступом в Интернет, текст на перевод

Неде- ля	Виды деятельности	Уровень таксономии	Методы обучения	Материалы
8-я	<p>1. Обсуждение итогов последнего переводческого проекта. Проверка и обсуждение домашнего задания на редактирование;</p> <p>2. <i>Контроль</i>: Перевод текстов стандартного контракта за компьютером в классе, срок выполнения строго ограничен (около 1,5–2-х часов). Задача: воспроизвести процесс работы переводчика (осуществить выработку переводческой стратегии, произвести поиск и уточнение необходимой информации в словарях/интернет-ресурсах, и т.д.). Направление перевода: EN-RU, RU-EN.</p> <p><i>Домашнее задание</i>: составить глоссарий по переведенному тексту.</p> <p>Тексты переводов проверяются преподавателем, результаты обсуждаются со студентами индивидуально)</p>	3–6	Дискуссия; индивидуальная работа	Компьютеры с доступом в Интернет
9-я	<p><i>Стандартные документы</i> (Свидетельство о рождении/заклучении брака, Апостиль, Доверенность на получение наследства, Лицензия на торговую марку и т.д.)</p> <p>1. Знакомство с некоторыми видами стандартных документов. Анализ параллельных текстов, анализ языковых структур, упреждения на «заполнение лакун», расширение словарного запаса.</p> <p>2. Двусторонний перевод 4–5 типов документов.</p> <p><i>Домашнее задание</i>: «переводческий заказ» (см. нел. 4, 6): Перевод предложенных преподавателем стандартных документов</p>	1–4	Объяснение теории, дискуссия, групповая работа	Презентация PowerPoint, раздаточные материалы, параллельные тексты

Неделя	Виды деятельности	Уровень таксономии	Методы обучения	Материалы
10-я	<p>1. Обсуждение процесса и результатов домашнего проекта.</p> <p>2. Контроль: Перевод стандартных документов за компьютером в классе, срок выполнения строго ограничен (около 1,5 часов). Задача: воспроизвести процесс работы переводчика (осуществить выработку переводческой стратегии, произвести поиск и уточнение необходимой информации в словарях/интернет-ресурсах, включая поиск аналогичных текстов по данной тематике на ПЯ).</p> <p><i>Домашнее задание:</i> составить глоссарий по переведённому тексту.</p> <p>Тексты переводов проверяются преподавателем, результаты обсуждаются со студентами индивидуально)</p>	3—5	Индивидуальная работа	Компьютеры
11-я	<p><i>Юридическая корреспонденция:</i> разбор структуры и анализ характерных языковых структур. Угражнения на воспроизведение структуры писем. Анализ параллельных текстов. Угражнения на «заполнение лакун». Двусторонний перевод.</p> <p><i>Переводческий кейс на взаимодействие с юристами в компании + решение задач в области МКК.</i> Задание: перевести письмо в иностранную компанию. Направление перевода: RU-EN</p>	1—4	Работа в группах, решение кейсов	Презентация PowerPoint, раздаточные материалы. Параллельные тексты. Компьютеры

Неделя	Виды деятельности	Уровень таксономии	Методы обучения	Материалы
12-я	Презентация групповых проектов по переводу контракта/стандартного документа. Задача: продемонстрировать автономность в решении переводческого кейса, умение оперировать справочными источниками, запрашивать необходимую информацию у «юристов» (осуществляется студентами самостоятельно)	5—6	Групповые презентации	Презентации Power Point
	В итоговую оценку также входит оценка глоссариев и переводческих портфолио			

Примечание. Количество недель — 12; количество академических часов — 48.

Обобщая вышесказанное, хотелось бы ещё раз отметить, что при разработке вводного курса юридического перевода необходимо помнить о специфической природе подязыка права и межкультурной коммуникации в сфере юриспруденции, а также о тех рыночных условиях, в которых приходится работать современным переводчикам-практикам. В заключение мы приводим модель вводного курса по переводу стандартных документов в области коммерческого права с распределением предлагаемых видов учебной деятельности по уровням таксономии Б. Блума² (см. табл. с. 141—147).

Список литературы

- Алимов В.В.* Юридический перевод: практический курс. Английский язык: Учеб. пособие. 5-е изд. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010.
- Белякова И.Е.* Из опыта разработки курса письменного профессионально-ориентированного перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 4.
- Гамзатов М.Г.* Техника и специфика юридического перевода: Сб. статей. СПб., 2004.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Косарева Т.Б.* Как научиться переводить юридические документы?: Учеб. пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Косарева Т.Б.* Международный коммерческий контракт: Составление и перевод: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Левитан К.М.* Юридический перевод: основы теории и практики: Учеб. пособие. М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011.
- Носенко Н.В.* Методические основы учебного курса профессионально-ориентированного английского языка для специалистов-филологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 4.
- Пушнов И.А.* Перевод: проблемы и решения / Под ред. И.И. Убина; Федер. агентство по науке и инновациям, Всероссийский центр переводов науч.-техн. литературы и документации. М.: Всероссийский центр переводов науч.-техн. лит. и документации, 2009.
- Робинсон Д.* Как стать переводчиком? Введение в теорию и практику перевода / Пер. с англ. М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2005.
- Anderman, G.* 'Translator training between academia and profession: a European perspective,' in Christina Schäffner and Beverly Adab (eds.) *Developing Translation Competence*/Gunilla Anderman, Margaret Rogers. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000.

---

² В рамках теории таксономии педагогических целей в познавательной сфере Б. Блума выделяются следующие уровни: 1) приобретение знаний; 2) понимание, или осознание; 3) применение знаний; 4) анализ; 5) синтез; 6) оценка (*Bloom, B.* Taxonomy of educational objectives. N.Y., 1956).

- Bloom, B.* Taxonomy of educational objectives. N.Y., 1956.
- Gile, D.* Theoretical components in interpreter and translator training. en Dollerup. C., Loddegaard, A. (eds), Teaching Translation and Interpreting. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's, 1992.
- Curzon, L.B.* The Discussion group; the Seminar; the Tutorial; the Case Study Group. Teaching in Further Education: An Outline of principles and Practice. 6th edition. L.; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 1997.
- Mackenzie, R.* the competencies required by the translator's roles as a professional. In Malmkjær, Kirsten (ed) / Rosemary Mackenzie. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins: Translation in Undergraduate Degree Programmes, 2004.

Мита Нараян,

профессор Центра русских исследований, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели; e-mail: meetanarain@hotmail.com

**ПЕРЕВОД ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ
(теория и методика преподавания)**

В статье раскрывается глубокое понимание перевода для специальной цели. Статья разделена на три части, где каждая часть обсуждает вопросы, связанные с переводом для специальной цели. Так, в первой части рассматриваются определение этой области, что требуется от переводчика и преподавателя, а также разные области перевода, связанные с газетными и социально-политическими материалами. Во второй части отмечается важность знакомства с такими текстами при преподавании и при переводе с одного языка на другой. Обсуждаются проблемы собирания и преподавания материалов для перевода и уточняются некоторые рекомендации для преодоления таких проблем. Говорится также о курсах по газетным и общественно-политическим материалам, которые ведутся в университете, и об учебниках по данным темам.

Ключевые слова: специальная цель, адекватность, газетно-публицистический стиль, общественно-политический стиль, фундаментальные нормы, функциональные стили, жанр, регистр.

Mita Narayan, Professor at the Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India; e-mail: meetanarain@hotmail.com

Translation for Specific Purposes (Theory and Methodology of Teaching)

This article reveals a deep understanding of translation for special purposes. It is divided into three parts where each section discusses issues related to translation for special purposes. The first part deals with the definition of the field, what it requires from the translator and the teacher. It also discusses the different areas of translation associated with newspaper and sociopolitical materials. The second part of the article highlights the importance of familiarizing oneself with these texts before teaching and translating them from one language into another. It further discusses the challenges faced by teachers in conducting these courses as well as for translators, and thereby suggests recommendations to overcome such problems. The paper also provides an overview of the courses (based on newspaper and sociopolitical materials) taught at the Centre of Russian Studies, JNU, and their correspondent textbooks.

Key words: translation for special purposes, adequacy in translation, newspaper and journalistic style, sociopolitical style, fundamental norms, functional styles, genre, register.

«Перевод для специальной цели» — это передача текста письменной или устной речи разных отраслей науки, техники и деятельности человека средствами другого языка. Под средствами другого языка следует понимать лексику, грамматику и стиль. Именно на уровне лексики, грамматики и стиля возникают определённые трудности при переводе, что обуславливает необходимость использования переводчиком различных приёмов или методов для достижения адекватного перевода.

«Перевод для специальной цели» требует от переводчика и преподавателя хороших знаний родного и иностранного языков и специальности, к которой относятся переводимые тексты. Он также требует от переводчика и преподавателя высокого уровня подготовки в различных сферах деятельности человека.

Тексты для специальной цели насыщены терминологией, сокращениями, особыми грамматическими конструкциями, научными определениями, практическими рекомендациями, характерными для данной сферы деятельности человека. Объектом такого перевода являются материалы, относящиеся к различным областям человеческого знания и практики, науки и техники. Отличительной чертой этих материалов является предельно точное выражение мысли, что достигается прежде всего широким использованием терминологии. По оформлению и восприятию *Перевод для специальной цели* может быть письменным и устным в зависимости от любого жанра.

Тексты газетно-публицистического и общественно-политического перевода, т.е. газеты, журналы, выступления и заявления, рассчитаны на массового читателя и слушателя, а специальные тексты рассчитаны на специалистов разных жанров этой области.

Когда перед преподавателями материалы, связанные с газетно-публицистической и общественно-политической областью, то необходимо разделить их по специальности, но всё-таки встречаются большие проблемы с точки зрения собирания и преподавания этих материалов.

Теперь обсудим эти проблемы и методы их преодоления.

Приступая к изучению курса практического перевода (с позиции студента), студент должен уже обладать высоким уровнем знания иностранного и родного языка, т.е. ИЯ и ПЯ. И также, с точки зрения преподавателя, он должен хорошо владеть ИЯ и ПЯ (то есть хорошо знать и понимать нормы, формы и правила грамматики и фонетики, синтаксиса и лексики языков). Но в действительности всегда ли так бывает? На занятиях по переводу мы часто сталкиваемся с этой проблемой, и приходится часто повторять эти грамматические аспекты, которые студенты хотя и изучали, но по объективным и субъективным причинам или не получили, или забыли эти фундаментальные нормы. Без правильного понимания этих норм трудно делать правильный перевод [Зайцев, 2013, с. 4].

И преподавателям, и студентам нелегко бывает сочетать работу с книгами по общелингвистической теории перевода, с одной стороны, и практическими пособиями по переводу, с другой стороны. Учебники по теории перевода, среди которых немало великолепных и глубоких трудов (например, работы Н.К. Гарбовского, В.Н. Комиссарова, В.В. Петрова и др.), необходимы и важны, но часто

оставляют студентов и преподавателей в недоумении относительно того, каким образом применять описанные в них идеи в практической работе? Практические пособия в свою очередь, за редким исключением, представляют собою сборники текстов для перевода и содержат сугубо переводческий материал. В них нет акцента на улучшение знания родного языка, нет лингвокультурологической информации, каких-либо указаний на то, как должен переводчик организовывать свою работу. Поэтому мастерство преподавателей является очень важным в таких ситуациях.

Здесь возникает ещё ряд проблем, связанных с вопросом: может ли преподаватель по переводу быть хорошим переводчиком или наоборот? Как мы видим, занятия по переводу проводят преподаватели иностранного языка, и не каждый человек, зная два языка, является хорошим билингом. Далек не каждый хороший переводчик способен передавать свои знания: многие из них просто не умеют работать с людьми, ещё есть переводчики высокого класса, которые не знают основ теории перевода. Поэтому многое зависит от личности преподавателя, и перевод, как писал Габриэль Гарсия Маркес, — это самый глубокий вид чтения и поэтому проблем, связанных с ним, много [там же].

Общественно-политические тексты имеют общественную, информационную пропагандистскую или идеологическую направленность, они рассчитаны на массового читателя и слушателя и могут быть письменными и устными.

Практически во всех странах мира средства массовой информации ежедневно, 24 часа в сутки, сообщают читателям и слушателям об общественно-политической жизни в стране и за рубежом. Перевод этих текстов требует от переводчика определённых знаний, умений и навыков, которыми можно овладеть в процессе изучения этого перевода.

Так как этот вид перевода охватывает газетные тексты, публицистические тексты и тексты выступлений и заявлений, мы в нашем центре разделили эту область перевода на два отдельных курса.

Первый курс — перевод газетно-публицистических материалов — охватывает такие темы, как переговоры, сотрудничество, соглашения, экономику, СМИ. Цель такого курса — научить переводить эти тексты с русского на английский язык и наоборот, познакомить студентов с разными газетными жанрами, с разнообразием прессы и с лексико-грамматическими особенностями материалов, взятых из российских средств массовой информации.

Важным представляется также то, что тексты средств массовой информации всё чаще используются в качестве материала для описания современного состояния языка, так как в них быстрее, чем где бы то ни было, находят отражение многочисленные изме-

нения языковой деятельности, все те процессы, которые оказываются характерными для современного речеупотребления [Алимов, Артемьева, 2009, с. 7].

Второй курс — это перевод общественно-политических материалов с русского на английский и наоборот. Он включает такие темы, как общество, молодёжь и современность, экология, культура, туризм, религия, спорт, глобализация и другие, обусловленные событиями, происходящими в мире.

Почти все тексты подвергаются частичной и грамматической адаптации с целью делать их более понятными для студентов. Каждый текст включает лексику, комментарии, тренировочные упражнения, тексты, слова и словосочетания для перевода с русского на английский язык и наоборот. Наряду с учебниками ещё есть пособие по переводу, в котором рассматриваются случаи, представляющие наибольшую трудность для иностранных учащихся. Этим объясняется фрагментарный характер представления языкового материала. Лексические единицы здесь сгруппированы по темам с учётом лексической и синтаксической сочетаемости. Слова и словосочетания должны усваиваться учащимися не изолированно, а как единицы, связанные с лексической системой языка.

Также надо уточнить некоторые рекомендации, о которых не следует забывать на занятиях по переводу.

Все переводы должны быть исполнены письменно (от начала до конца) как студентами, так и преподавателями. Только при выполнении этого условия возможна работа на занятиях [Зайцев, 2013, с. 6].

Необходимо объяснить студентам, что в большинстве случаев (особенно если речь идёт о некоторых разновидностях официально-делового текста) единственно верного варианта перевода того или иного фрагмента текста нет. Возможны 5, иногда 10 эквивалентных вариантов перевода одного и того же фрагмента [там же].

Следует обсуждать все варианты переводов, предлагаемые студентами, какими бы ошибочными они не были, потому что нахождение типических ошибок позволяет с педагогической точки зрения работать успешно. Выслушивать все переводы необходимо для того, чтобы направить студента в нужное русло в плане понимания особенностей ИЯ и ПЯ [там же].

Оформления переводов могут быть разными. Идеально, хотя это редко бывает, когда у всех студентов есть карманные носители. Обычно задание выполняется на бумаге, и студенты должны сохранять свои черновики и написать окончательный вариант в электронном виде [там же].

За годы обучения письменному переводу необходимо знакомить учащихся с текстами всех функциональных стилей. Студент должен понимать, что тексты различаются по функциональному стилю,

жанру, регистру, времени и месту создания. Все это должны почувствовать студенты [там же, с. 7].

В заключение надо сказать, что улучшение процесса преподавания теории и методики перевода необходимо при отработке упражнений и материалов, нужно учитывать уровень подготовки обучаемых и постепенно усложнять виды упражнений и материалов. Хочется процитировать слова писателя и переводчика Эльзы Триоле в книге «Теория перевода» Н.К. Гарбовского: *«Труд преподавателя — это есть, как и перевод, мучительный, изнурительный, раздражающий, приводящий в отчаяние труд. Труд обогащающий, нужный людям, требующий самоотрешённости, скрупулёзности, честности, скромности и, конечно, таланта»* [Гарбовский, 2004, с. 3].

Список литературы

Алимов В.В., Артемьева Ю.В. Практический курс перевода. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Зайцев А.Б. Основы письменного перевода. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

Мухортов Д.С. Практика перевода. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

Нараян М. Сборник текстов к курсу «Теория и практика перевода. Газетно-публицистические материалы». Ч. 1, 2. Дели, 2012.

С.Г. Толмачёв,

преподаватель Военного университета МО РФ; e-mail: tolmach-off@mail.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СО ЗНАНИЕМ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВООРУЖЁННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье представлено мнение автора касательно проблемы оптимизации подготовки военных лингвистов. Указаны практические рекомендации по повышению эффективности работы данной системы. Затронутая тема имеет особую актуальность в свете продолжающейся реорганизации Вооружённых сил РФ и высших военных учебных заведений.

Ключевые слова: военный переводчик, лингвистическое обеспечение военной деятельности, система подготовки военных переводчиков, курсы языковой подготовки военнослужащих.

Stanislav G. Tolmachov, Lecturer at the Military University, Moscow, Russia; e-mail: tolmach-off@mail.ru

Optimization of Military Linguists Training System in the Armed Forces of the Russian Federation

The article presents the author's opinion about a number of issues of military linguists training optimization. Practical recommendations to increase the effectiveness of this system are proposed. The subject matter of the article is of particular importance taking into account the current reorganization of the Armed Forces of the Russian Federation and institutions of higher military education.

Key words: military linguist, military activity linguistic support, military linguists training system, military language courses.

Лингвистическое обеспечение является одним из важнейших видов обеспечения деятельности вооружённых сил любого государства. В нашей стране накоплен многолетний опыт подготовки высококвалифицированных военных переводчиков и специалистов со знанием иностранного языка, однако новое время диктует новые условия. Сегодня сложившаяся в советские годы система подготовки военных переводчиков (полный курс высшего образования: от вчерашнего школьника до лейтенанта) более не отвечает современным требованиям и является неэффективной по ряду объективных причин:

1) пятилетний период обучения затрудняет организационно-штатное планирование применения выпускника (так, например, в начале 2000-х было набрано несколько языковых групп с языками дари и пушту с перспективой использования специалистов в Афганистане в рамках международной миротворческой операции, однако политического решения на участие России в операции

принято не было, но поскольку группы уже набрали, переводчиков готовили в течение нескольких лет «на всякий случай», без какой-либо перспективы их применения);

2) относительно высокая стоимость обучения в совокупности с первой причиной приводит к значительным затратам на подготовку зачастую «ненужных» специалистов;

3) сложность переквалификации специалиста, поскольку, кроме военно-учётной специальности (ВУС) «военный переводчик», другой ВУС он не обладает, приводит либо к сокращению военнослужащего, либо к его нецелевому использованию;

Таким образом, по мнению автора, наиболее очевидным путём решения данной проблемы является:

1) отказ от набора курсантов для обучения по ВУС «военный переводчик»;

2) реорганизация всей системы военно-лингвистического образования в Вооружённых силах РФ.

Опираясь на опыт таких военно-учебных заведений, как Лингвистический институт Министерства обороны США [Стрелецкий, 2007, с. 24—25], Училище иностранных языков канадских вооружённых сил и Училище иностранных языков Министерства обороны Австралии [Юрчук, 2009, с. 22—28], предлагается привлекать к обучению иностранным языкам **только** военнослужащих по направлению из войск или органов военного управления либо гражданских лиц, имеющих лингвистическое образование и желающих служить в рядах Вооружённых сил РФ, что позволит экономить финансовые средства и повысить эффективность планирования применения специалиста. В рамках данной концепции предполагается организовать подготовку военнослужащих со знанием иностранного языка в двух учебных подразделениях, которые для удобства мы назовём в этой статье курсами — «офицерские кандидатские курсы» и «курсы языковой подготовки военнослужащих».

Курсы языковой подготовки военнослужащих должны представлять собой краткосрочные курсы от месяца до года, предназначенные для обучения иностранному языку военнослужащих по направлению части (органа военного управления) либо в рамках программы повышения квалификации. Подготовка должна вестись строго целевая, с разработкой нескольких уровней сложности в зависимости от поставленной задачи.

На данных курсах наряду с распространёнными европейскими (английский, французский, немецкий, испанский, итальянский) и восточными языками (арабский и китайский) должны преподаваться редкие языки (западно- и южнославянские, скандинавские, финно-угорские, ряд восточных и африканских). Наряду с преподаванием одного иностранного языка особое место должна занимать

прикладная страноведческая подготовка с упором на культурные, этнопсихологические и религиозно-психологические особенности населения страны изучаемого языка, военную и экономическую географию, историю, социально-политическую обстановку.

На курсах может осуществляться подготовка специалистов для следующих областей применения:

— *обеспечение деятельности авиации в рамках военно-технического сотрудничества и международных миротворческих и гуманитарных операций* (так называемый, «*бортперевод*»);

— *лингвистическое обеспечение международных миротворческих и гуманитарных операций по линии ООН и прочих организаций;*

— *лингвистическое обеспечение деятельности сил специального назначения и войсковой разведки.*

Кроме того, в рамках межведомственного взаимодействия может быть организовано обучение военнослужащих Внутренних войск МВД, сотрудников МВД, ФСКН и прочих служб и ведомств.

Однако ряд сфер профессиональной деятельности военного переводчика требует глубоких знаний иностранного языка, которые не могут быть получены на краткосрочных курсах. К таким сферам относятся:

— *лингвистическое обеспечение международного военного сотрудничества;*

— *информационно-аналитическая работа;*

— *преподавание иностранного языка.*

Специалистов для данных сфер предлагается готовить на *офицерских кандидатских курсах* из числа гражданских лиц, получивших высшее лингвистическое образование, владеющих требуемым языком и изъявивших желание проходить службу в рядах ВС с присвоением офицерского звания. Эффективность данного подхода заключается в том, что нет необходимости преподавать язык «с нуля», давать общеобразовательные и специальные теоретические дисциплины, что в разы уменьшит расходы на подготовку специалиста для Министерства обороны. Задачей данных курсов будет сделать из гражданского лингвиста **военного** переводчика за относительно короткий период времени.

Обучение должно состоять из трёх блоков: лингвистический (военный перевод), военно-теоретический (вооружение и военная техника, тактика применения видов и родов войск, военно-специальные дисциплины), общевойсковой (строевая, огневая и физическая подготовка, общевойсковые уставы, средства связи). При этом учебные программы лингвистического и военно-теоретического блоков должны быть строго коррелированы.

Наиболее эффективна при комплектовании офицерских кандидатских курсов схема оплаты Министерством обороны обучения

студента, заключившего контракт на прохождение службы после окончания вуза и курсов (аналог ROTC — Reserve Officer Training Corps — Курсы вневоинской подготовки офицеров ВС США) [Стрелецкий, 2006, с. 20—28]. Данная схема позволяет обеспечивать высокую мотивацию обучаемых наряду с экономией расходов на подготовку специалиста.

Таким образом, для оптимизации процесса планирования практического применения военнослужащих со знанием иностранного языка и экономии финансовых средств необходимо отказаться от набора курсантов с целью подготовки военных переводчиков, а проводить набор на краткосрочные курсы (до одного года) военнослужащих и гражданских лингвистов с целью обучения или повышения квалификации для выполнения конкретной задачи. Принцип функционирования данной системы должен быть следующим: «подготовка специалиста для имеющейся должности», а не «поиск должности для выпускника». Для функционирования системы необходимо, во-первых, внедрить схему привлечения гражданских лингвистов для переучивания на военных переводчиков путём оплаты обучения Министерством обороны с заключением контракта на дальнейшее прохождение службы в ВС, что в связи с повышением престижа военной службы и заработной платы офицеров является вполне реальным. Во-вторых, создать орган организационно-штатного планирования аппарата лингвистического обеспечения Вооружённых сил РФ.

Список литературы

- Стрелецкий А. Система подготовки офицерских кадров в США // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 11.
- Стрелецкий А. Военный институт иностранных языков ВС США // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 1.
- Юрчук И. Практика языковой подготовки в военно-учебных заведениях иностранных государств // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 3.

Н.Н. Шестакова Ди Франко,

преподаватель русского языка филологического факультета Римского государственного университета Ла Сапьенца; e-mail: Natalia.chestakova@uniroma1.it

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА В ПРЕПОДАВАНИИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Преимущества, предоставляемые Интернетом в преподавании последовательного перевода, заключаются в наглядности и информативности. Они и были положены в основу учебного курса перевода на филфаке Римского государственного университета в разнообразных методических приёмах, в частности, устный перевод с русского на итальянский осуществлялся последовательно с аудио-, видеофайлов российских политических лидеров. Основные проблемы перевода, — преимущественно те, что возникают на стадии понимания исходного высказывания, — предлагались в студенческой аудитории к размышлению сообща в контексте современной политической коммуникации, отличающейся беспрецедентным стремлением к зрелищности. Это подразумевает кардинальную значимость имиджа политика и использование в постновоязе не столько традиционных риторических приёмов, сколько невербальных средств воздействия, на которые обращалось особое внимание. Та же самая тенденция проявляется и в поиске инновационных языковых формул (саунд-байты, слоганы, так называемые «путинки» и «медвединки»), а также в многофункциональном применении метафоры в современном политическом интердискурсе.

Ключевые слова: Интернет, наглядность, непредсказуемость, невнятность исходного высказывания, политическая коммуникация, зрелищность политики, имидж политика, постновояз, саунд-байты, слоганы, «путинки», «медвединки», политическая метафора.

Natalia N. Shestakova Di Franco, Teacher of the Russian language and Philology at the State University of Rome “La Sapienza”, Italy; e-mail: Natalia.chestakova@uniroma1.it

Advantages of Using the Internet in Teaching Consecutive Interpretation

Internet is used as a very efficient visual aid and a very important source of information within the course in consecutive interpretation from Russian into Italian at Rome State University: the interpretation training is carried out through the use of speeches (audiovisual files) delivered by Russian political leaders and taken from their official websites. In the present article, some important translation issues are analyzed, chiefly the hermeneutic aspect as a principal key to successful interpretation. An integral part of the didactic program is present-day political communication drifting towards ever-growing spectacularity, which implies the use of various innovative verbal and nonverbal means (sound bytes, slogans, etc.) that the students are expected to know. Special attention is paid to the contemporary Russian “postnewspeak” as well as the use of political metaphors in the global interdiscourse.

Key words: Internet, spectacularity, predictability, inaudibility of original utterances, political communication, policy, image entertainment, postnovoyaz, sound bytes, slogans, “putinki”, “medvedinki”, political metaphor.

Мне хотелось бы представить на суд коллег и друзей опыт преподавания последовательного перевода, в ходе которого мне пригодились и свой личный — без малого тридцатилетний — опыт работы на поприще синхронного и последовательного перевода.

В последние 4 года — 2009/10; 2010/11; 2011/12; 2012/13 — я вела курс последовательного одностороннего перевода с русского как иностранного на родной для подавляющего большинства студентов — итальянский язык под названием «Международные отношения: Россия — Италия» на филфаке Римского университета Ла Сапьенца; курсы продолжались один год или один семестр (2012/13 г.), соответственно 48 и 24 часа (2 академических часа в неделю) и предназначались выпускникам¹ магистратуры. В цели и задачи курса не входила подготовка профессиональных переводчиков², а лишь совершенствование знания русского языка студентов последнего курса.

Среди многочисленных возможностей применения Интернета в преподавании иностранных языков были выбраны — в свете специфики последовательного перевода — две весьма очевидные и тесно связанные друг с другом функции: Интернет как наглядное пособие инновационного толка (использовались в основном материалы официальных сайтов президента и премьера РФ в формате аудио-видео) и как ценнейший источник приобретения фоновых знаний.

Думаю, что в этой аудитории нет необходимости подробно останавливаться на специфике устного перевода вообще и последовательного в частности. Напомню лишь о том, что отличительными чертами перевода последовательного как одного из видов устного³ — они приводятся обычно в сравнении с синхронным — признаются:

— восприятие исходного высказывания на слух при одноразовом предъявлении;

— усиленная нагрузка на память и, как следствие, необходимость опираться на записи, сделанные при помощи особой системы переводческой скорописи;

---

¹ В Римском государственном университете Ла Сапьенца на филологическом факультете (Lettere, Filosofia, Scienze Umanistiche e Studi Orientali) русский язык входит в учебную программу по специальности “Lingue e letterature moderne e Lingue e culture del mondo moderno (ex Lettere)”, а также “Mediazione linguistica e interculturale (ex Scienze Umanistiche)”.

² Наряду с известными переводческими факультетами Форли и Триста в Римском свободном университете по обучению инновации и организации (ЛУСПИО) в 1997 г. был создан факультет устного и письменного перевода (Facoltà di Interpretariato e Traduzione), который является членом CIUTI и готовит профессиональных переводчиков и русского языка по программе бакалавриата и магистратуры (хотя в настоящее время эти специальности отсутствуют).

³ Другими его разновидностями являются так называемое «шептание», более известное под французским названием *chuchotage*, и перевод при использовании портативной переносной установки “bidule” [Чернов, 2008].

- предъявление более высоких требований к качеству языка и стиля переведённого сообщения;
- жёсткая ограниченность во времени, исключая возможность обращаться к словарям или коллегам за помощью;
- невозможность обратной корректировки;
- восприятие речи на ИЯ и порождение речи на ЯП разделены во времени.

На мой взгляд, от внимания авторов ускользнула одна весьма существенная особенность этой профессиональной деятельности (в любом случае именно она доминирует в условиях работы итальянских переводчиков): я имею в виду фактор непредсказуемости.

Непредсказуемость постоянно подстерегает переводчика и самым неожиданным образом оборачивается невнятной исходного сообщения, грозящей перечеркнуть его усилия даже при основательной предварительной подготовке. Она проявляется в никогда не повторяющихся высказываниях в самых многообразных формах: неожиданные посторонние шумы или помехи; дефекты произношения; слишком быстрый темп речи, переходящий в скороговорку; употребление редких, изысканных слов и выражений, а также витиеватого синтаксиса, или, напротив, слов и оборотов, принадлежащих разговорному языку, просторечию, жаргонам и даже вульгарному, близкому к нецензурному, лексикону; неожиданные остроты, шутки, анекдоты и другие экспромты; а также — сознательно или неосознанно — запутанные, лишённые логической последовательности или противоречивые формулировки, оговорки или неточности фактического характера, этот список можно было бы продолжать очень долго!

Посредническая роль переводчика заключается в том, чтобы сделать исходное высказывание внятным и доступным пониманию адресата коммуникативного акта. По мнению итальянского переводчика и лингвиста Бруно Озимо, которое я разделяю, право преодоления природной многозначности сообщения и придания ему конечной однозначности принадлежит тому, кому оно адресовано в данном коммуникативном акте. Это действие удачно передаётся итальянским глаголом “disambiguare” и образованным от него существительным “disambiguazione”⁴. Об «эквивалентной, т.е.

---

⁴ Disambiguazione (лишение текста невнятности): Открытый, содержащий коннотации текст, — это текст невнятный, и подобная невнятность текста является основополагающей и предоставляет возможности постоянно подвергать его всё новым и новым толкованиям во времени и пространстве. Право лишения текста невнятности (декодификация многозначности и выбор одного из возможных толкований) остаётся за читателем получающей культуры, а не за переводчиком. Переводчик, который осознанно лишает для читателя метатекст неопределённости, не производит простое межязыковое переложение, а создаёт дидактический вводный текст (Перевод мой. — *Н.Ш.*). *Osimò B. Manuale del traduttore. Milano: Hoepli, 2004.*

максимально полной, но всегда частичной, передаче системы смыслов, заключённой в исходном сообщении, от одного коммуниканта к другому», пишет и Гарбовский [Гарбовский, 2004].

Наряду с другими факторами непредсказуемость создаёт также исключительно сильное нервное напряжение — как говорят, сопоставимое со стрессом лётчика-истребителя! Поэтому подготовка переводчика требует осознания подобной неизбежности и воспитания готовности действовать в непредвиденных обстоятельствах, что подразумевает и способность к импровизации. Совершенно очевидно, что достичь этого можно развитием всех интеллектуальных способностей (в первую очередь отличного — стремящегося к совершенству — знания языков и цивилизаций, древних и современных), что позволит в сочетании с интуицией и догадкой выработать умение предвидеть вероятное дальнейшее развитие речи. Но не только: необходима закалка таких черт характера, как самообладание, хладнокровие, смекалка, быстрота реакции, умение найти выход из любой ситуации, способность сосредоточиться на своём профессиональном деле и тем самым преодолеть волнение и самый настоящий «страх сцены», неизменно сопровождающий переводчика⁵.

Было бы излишне самонадеянно стремиться выковать личность переводчика во всей его целостности в течение одного учебного курса, рассчитанного на 1 или 2 семестра. Но я полностью согласна с Линн Виссон [Visson, 2008, p. 75—79] в том, что психологическому аспекту при обучении устному переводу нужно уделять особое внимание с тем, чтобы помочь студентам приобрести навык осознанно принимать в описанных выше поистине экстремальных условиях переводческое решение «о выборе эквивалента, единственного, самого верного из всех, что предлагает язык перевода» [Гарбовский, 2004, с. 50]. Это тем более верно при переводе выступлений политических лидеров как при синхронном, так и при последовательном переводе, если речь идёт о двусторонних международных отношениях.

Исходя из своего личного опыта и из опыта коллег, смею утверждать, что самым трудным и одновременно решающим для удачного перевода вообще, а в сфере политической коммуникации в особенности, является понимание высказывания по причине его природной многозначности и, следовательно, принципиальной неопределённости и невнятности, как уже было сказано выше. Вот почему работе над герменевтическим аспектом — краеугольным

---

⁵ Весьма ценным может стать опыт таких корифеев отечественного перевода, как Бережков, Суходрев, Палажченко, оставивших интереснейшие мемуары и продолжающих на сайтах в Интернете раскрывать тайны своего ремесла.

камнем перевода — были посвящены главные усилия и подчинена вся программа курса.

Подводить студентов к такому роду занятий невозможно было без знакомства с особенностями современного российского политического дискурса — постновояза [Чудинов, 2012]. В нем до сих пор слышны иногда отголоски всем известного, весьма циничного замечания Талейрана о том, что «слово дано человеку, чтобы скрывать свои мысли» или, напротив, даётся воля крайним эмоциям в таких же крайних, граничащих с нецензурными, выражениях («мы покажем вам кузькину мать», «мы будем мочить их в сортире» или «кошмарить бизнес»), что приводит в шоковое состояние даже опытных переводчиков.

Итак, методические приёмы использования Интернета обусловлены прежде всего наглядностью.

1. Интернет как аудиовизуальное средство предоставляет исключительные возможности воссоздать как наяву условия, в которых работает переводчик, вплоть до ощущения стресса, о котором уже говорилось, и виртуально «посвятить» студентов в эту профессию. Можно предположить, а скорее, выразить пожелание, чтобы в ближайшем будущем были созданы виртуальные тренажёры для переводчиков в формате 3D!

Так, к примеру, занятия открываются показом видео встречи Путина и британского премьера Кэмерона 2 августа 2012 г.⁶ так, чтобы учащиеся познакомились воочию с гласным и негласным кодексом поведения переводчика. Как уже говорилось, его участие в процессе коммуникации — личность и физическое присутствие (внешний вид и поведение) — играет немаловажную роль, что предполагает умение держаться и говорить на публике, корректно вести себя в рамках принятого этикета, а иногда требует почти актёрских навыков и в том, что касается постановки голоса и дикции⁷: Студенты видят на экране, как и где сидит или стоит переводчик, как он одет, как держится и ведёт себя, как и где записывает, и — самое главное — слышат, как он говорит, обращая внимание на тембр, громкость, интонацию, темп, акцент⁸; как стремится избегать поправок, запинок, слов-паразитов и других проявлений неуверенности (хмм и э-э-э не допускаются) и сделать

---

⁶ [www.kremlin.ru video](http://www.kremlin.ru/video) 02.08.2012

⁷ На переводческом факультете ЛУСПИО в программе предусмотрено обучение дикции.

⁸ В итальянской аудитории часто возникают проблемы, связанные с явным региональным или диалектальным акцентом, присутствующим в речи студентов, — отношение к нему на рынке труда резко отрицательное и граничит с нетерпимостью, поэтому мы обычно советуем им обратиться к специалистам по постановке дикции.

свою речь равномерной, чёткой и членораздельной и в то же время не безликой и монотонной *super partes*, а передавать в созвучной оратору интонации и эмоциональную окраску высказывания⁹.

2. Наглядность, которую предлагает в учебных целях интернет, тесно смыкается с доминирующей во всём мире зрелищностью нынешней политической коммуникации¹⁰. В XXI в. в эпоху пост-модерна интернет и другие электронные цифровые СМИ, создавая виртуальные пространства общения, информации и взаимодействия (сайты, порталы, форумы, блоги, социальные сети, Фейсбук, Твиттер и далее без конца), превратили основанную на традиционной риторике политику в совершенно новый феномен. Разные исследователи нарекают его по-разному: «медиатизация», «персонализация», «символизация», «театрализация политики», «видеополитика» и даже «цифровая демократия», но все они едины во мнении, что в современной политической коммуникации доминируют образы и сообщения «в формате СМС», которые создаются по правилам рекламы и маркетинга, мгновенно распространяются в планетарном масштабе благодаря инновационным технологиям и столь же молниеносно «потребляются пользователями» во всём мире. Так, решающую роль играет созданный целой командой профессиональных политтехнологов имидж политического лидера, а следовательно, выступают на первый план внешний облик и невербальные средства общения во всей полноте проксемических, кинезических, паралингвистических и просодических аспектов. И Интернет предоставляет исключительные возможности присутствовать при политическом «явлении»¹¹. Так, всеми мировыми СМИ был отмечен сильный медийный эффект, достигнутый новоизбранным Папой Римским Франциском I, когда он попросил у собравшейся приветствовать его толпы на площади перед собором Св. Петра в Риме тишины и в тишине помолиться за него!

---

⁹ Мнения в этом вопросе разделились: есть точка зрения, согласно которой речь переводчика должна быть абсолютно профессиональной и лишённой каких-либо чувств, но мне ближе мнение В.М. Суходрева, который убеждён в обратном (см.: Суходрев В.М. Легенды переводческого фронта. www.trworkshop.net).

¹⁰ Политическая коммуникация была создана как наука и продолжает развиваться в трудах таких учёных, как Оруэлл, Клемперер, Водак, Воттс, Ван Дейк, Лакофф и Джонсон, Хакер, Хейзинга, Хомский, Адорно, Маркузе, Хоркхаймер, Мадзолени, Сантулли — в Италии, Европе и США, в России и СССР — Винокур, Карцевский, Поливанов, Селищев, Якобсон, Марр, Костомаров, Розенталь, Солганик Панов, Караулов, Апресян, Крысин, Арутюнова, Чудинов, в русской эмиграции — Волконский, Земцов, Карцевский, Фесенко и др.

¹¹ Президент Миттеран «обратил своё присутствие в явление, а своё поведение в символ» (перевод мой. — *Н.Ш.*), J-Séqéla. *La parole de Dieu*, Paris, Michel, 1995; цитируется по дипломной работе: *Di Franco N. La retorica postsovietrica: il caso Medvedev*. LUSPIO, 2011-12.В.

Именно невербальные средства выражения приобретают всё больший вес, сопровождая — поясняя или опровергая — языковые приёмы риторики. Примером тому могла бы служить видеозапись инаугурационной речи Путина, произнесённой 7 мая 2012 г.: слова о «преемственности и устойчивости в развитии страны» он читал скороговоркой «по бумажке», не поднимая глаз на присутствующих в зале, что выдавало всю напряжённость борьбы за власть, которая предшествовала его переизбранию (всем известно, что победный исход до последнего момента не был предreshён из-за сильного противостояния «белоленточной» оппозиции).

При переводе выступлений политиков в видеозаписи студенты отдают себе отчёт в том, что, стремясь любой ценой быть на виду, политический лидер выставляет напоказ лишь маску, которая сконструирована целой командой профессионалов своего дела, и озвучивает речи, которые являются плодом деятельности целой команды спичрайтеров (всем известно имя неутомимой Джахан Поллыевой, консультанта по написанию речей Ельцина, Путина, Медведева и опять Путина). Мастерство переводчика заключается в том, чтобы знать, где проходит межа между имиджем и «человеческим» лицом и никогда не переходить её своевольно, а верно следовать намерению политика, который — сознательно или неосознанно — лавирует на этой грани, представляя то в одной, то в другой ипостаси, на вербальном и на невербальном уровне. Широкую гамму нюансов поведения — от строго официального до непринуждённо сердечного — легко проследить на ряде следующих появлений Д. Медведева: послание Федеральному собранию (22.12.2011), встреча со студентами МГУ (25.01.2012), выступление на открытии фотовыставки «1461 день президента» (28.06.2012), посещение с женой ивановского детского дома «Звёздный» (11.01.2013) и заметить, как меняется даже стиль одежды и манера говорить и жестиковать, а, прежде всего, как варьируется выбор вербальных средств в зависимости от обстановки, включая обращение к присутствующим (уважаемые граждане, россияне, господа, друзья, ребята).

Беспрецедентное стремление к образности и выразительности и в языке политиков как таковом отмечается всеми учёными—специалистами по политической лингвистике [там же, с. 20, 91—121]: оно достигает апогея в самых кратких формах слоганов и саунд-байтов, напоминающих рекламные плакаты, поскольку научно доказано, что воздействуя одновременно и на эмоции граждан, политик увереннее добивается успеха. Нельзя не отметить и у российских политиков последних лет почти маниакальное пристрастие к афористичности, даже если иногда подобные «крыла-

тые выражения» оборачиваются самыми настоящими ляпсусами¹². Речь идёт о таких всем известных «путинках» и «медвединках», как: «мои слова отливаются в граните!» (Медведев) или «я пахал как раб на галерах» (Путин). Они с удовольствием подхватываются и тиражируются СМИ и создают — иногда скандальную — но все-таки видимость политику! В изобретении подобных высказываний обычно используются всевозможные изобразительные языковые средства, доходящие иногда до абсурда, что требовало от учеников упорного труда при их препарировании с привлечением всех без исключения лингвистических и фоновых знаний в целях «расшифровки» и аналогичной изобретательности в изыскании эквивалентов на родном языке.

Таким образом, невозможно было не коснуться и постновоаяза, на котором изъясняются нынешние российские политики. Он подвергается анализу в трудах многих учёных и, в частности, А.П. Чудинов считает смысловую неопределённость, фантомность, фидеистичность и театральность его основными отличительными чертами и выявляет в функционировании политического дискурса следующие антиномии: ритуальность vs информативность; институциональность vs персональность; редукционизм vs полнота информации; стандартность vs экспрессивность; монологичность vs диалогичность, которая проявляется в интертекстуальности и прецедентности; оценочность явная vs скрытая; агрессивность vs толерантность; эзотеричность vs общедоступность [Чудинов, 2012, с. 106—113]. Знание особенностей политического дискурса позволило студентам достичь значительно лучших результатов при переводе, что давалось также ценой приобретения и дополнительных фоновых знаний и скрупулёзной аналитической работы над исходными текстами. Обращалось внимание — в сопоставлении с языком итальянской политики — и на употребление риторических приёмов традиционного плана — фигуры речи и тропы: инверсия, эллипсис, парцелляция, анафора, риторический вопрос, синтаксический параллелизм; метафора, метонимия, синекдоха, символ, эпитет; фразеологизмы, пословицы и поговорки и т.д.

Были отмечены веяния нового времени и в языке российского политика: иностранные слова, неологизмы, сокращения, жаргонизмы, просторечия вплоть до нецензурных (к сожалению, это созвучно весьма распространённой тенденции к непринуждённому

---

¹² В частности, их анализу и значению были посвящены две дипломные работы, защищённые на филфаке Римского университета «Ла Сапьенца» и на переводческом факультете ЛУСПИО в 2012 г.: Ольги Трухановой — «Речевой портрет президента Путина» и уже процитированная работа Николь Ди Франко — «Постсоветская риторика президента Медведева».

употреблению обсценной лексики в публичных сферах и со стороны итальянских политических деятелей)¹³.

Начавшаяся в январе 2013 г. предвыборная кампания в Италии позволила нам произвести наблюдения над метафорой в политической коммуникации, используемой не только в традиционной эстетической функции, но и в функциях когнитивной, коммуникативной и прагматической, поскольку метафорическая аргументация, воздействуя на эмоционально-волевую сферу, гораздо эффективнее, чем аргументация рациональная, содействует достижению политических целей. Продолжая весьма перспективное научное направление в изучении политической метафоры, начало которому положили известные американские философ Лакофф и лингвист Джонсон [Lakoff, Johnson, 1998], Т.В. Шмелёва выявила схожесть метафор в политических дискурсах разных стран, которые всё более складываются во всеобщий интердискурс [там же, с. 181]. Успешное использование метафор войны и театра¹⁴ в политической борьбе за власть полностью подтвердилось на примере известного комика Беппе Грилло: его предвыборная кампания в 2013 г. разворачивалась как кричащее балаганное шоу на площадях итальянских городов в ходе турне под названием «Цунами-тур». И его «антиполитика» и, в частности, призыв к потерявшим доверие лидерам старого партийного толка: «Сдавайтесь! Вы окружены!» принесла ему почти треть голосов!

3. Интернет как источник приобретения фоновых знаний трудно переоценить, имея в виду, что политический дискурс представляет собой прежде всего диалог во времени и пространстве. Интертекстуальный аспект чрезвычайно важен при работе со студентами-итальянцами, которые в большинстве своём не знают в достаточной мере ни тысячелетней истории и культуры России, ни её недавнего советского прошлого, ни современности.

Между прочим, как многие в Западной Европе, они придерживаются весьма осторожного мнения о нынешней России и о русских, в котором нередко сказываются до сих пор стереотипы мышления недавней эпохи противостояния двух сверхдержав.

У студентов воспитывается также привычка постоянно следить за событиями в России и в мире и быть в курсе происходящего, получая информацию из первоисточника на языке оригинала. Не зря курс был мною назван «Международные отношения: Россия —

---

¹³ С тех пор как несколько лет назад Берлускони позволил себе высказаться о себе самом весьма лестно, употребив крепкое словцо *sono un uomo con le palle* (я мужик крутой). Считается, что переводчик вправе смягчить подобную игру слов или же передать их без прикрас, если располагает соответствующими эквивалентами.

¹⁴ Нельзя не вспомнить о знаменитом изречении Шекспира в комедии «Как вам это понравится»: «Вся жизнь — театр, а люди в нём актёры».

Италия»¹⁵. Обращение к Интернету в поисках информации на актуальные темы помогает также преодолеть распространённое у студентов ощущение разрыва между языком «учебника» и живым языком «улицы».

Несомненно, что и завершающая стадия — выражение смысла высказывания средствами языка перевода — представляет отнюдь не меньшую сложность, но в своём коротком выступлении я позволила себе обратить ваше внимание только на аспект понимания и, как пояснила выше, почему — и предложить на ваш суд следующие методические приёмы:

— прослушивание выступлений в видеозаписи приучает восприятию сообщения на слух; тем более, что студенты-итальянцы переводят с чужого для них русского языка на родной, а благодаря наглядности речь оратора можно воспринимать во всей полноте вербальных и невербальных средств выражения, как уже говорилось. Обычно на занятиях по учебному переводу — последовательному и синхронному — тексты читаются преподавателями, которые неосознанно подыгрывают учащимся и рискуют тем самым приучить их понимать только их голоса и манеру говорить, но вряд ли кто-нибудь из нас когда-нибудь выступит с трибуны Генассамблеи ООН!

— использовать автентичные аудио-, видеоматериалы: записей двусторонних бесед политиков отчаянно мало, поэтому можно пользоваться монологическими выступлениями, «останавливая оратора» одним щелчком мыши и постепенно удлиняя переводимые отрезки речи (принято не говорить дольше 15—20 мин. кряду);

— практиковать исключительно одноразовое предъяснение высказывания;

— переводить устно всегда экспромтом, без предварительного перевода письменного текста высказывания;

— варианты перевода представляются поочерёдно всеми студентами, обсуждаются сообща и признаётся наиболее удачным один из них (или несколько);

— стенограммы выступлений прорабатываются потом в целях создания потенциального запаса знаний для использования лишь в сходных условиях, которые, как уже было сказано, никогда в точности не повторяются;

— использовать сначала материалы ритуального жанра (ежегодное послание Президента РФ ФС, инаугурационные речи, выступления по случаю национальных праздников, выступления на ежегодных

---

¹⁵ Так, мною использовались материалы российско-итальянских межправительственных совещаний, которые проходили ежегодно и поочередно в Италии и России (2010, 2011 и 2012 гг.).

саммитах Россия—Италия и др.), которые дают возможность лучшей предварительной подготовки к переводу;

— избегать повторного прослушивания даже в упражнениях, выполняемых с помощью видеоматериалов Интернета (я имею в виду подготовительные упражнения на числительные, омонимы и топонимы, а также микрореферирование, которыми предваряется на каждом уроке собственно перевод);

— познакомить студентов с системами скорописи при переводе, разработанными как русской (советской) школой с использованием кириллицы, так и Женевской и Парижской школами с использованием латиницы¹⁶.

По окончании курса экзамен проводится по той же самой методике: вытянув экзаменационный билет, студент знакомится с подготовленной для него преподавателем предтекстовой информацией о выступлении политика (имя, пост, время и место, имена собственные, топонимы, сокращённые наименования, ключевые слова) вслед за этим приступает к последовательному переводу отрывка, который, также как и на занятиях, предъясняется в формате видео.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 542 с.
- Суходрев В.М.* Язык мой — друг мой. М.: Тончу, 2008. 365 с.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 208 с.
- Чудинов А.П.* Политическая коммуникация. М.: Флинта; Наука, 2012. 254 с.
- Falbo, C., Russo, M., Straniero Sergio, F.* Interpretazione simultanea e consecutiva. Milano Hoepli, 1999. 369 p.
- Lakoff, G., Johnson, M.* Metafora e vita quotidiana. Milano: Bompiani. 1998.
- Mazzoleni, G.* La comunicazione politica. Bologna, il Mulino; 1998. 330 p.
- Osimo, B.* Manuale del traduttore. Guida pratica con glossario. Milano: Hoepli, 2004. 273 p.
- Santullo, F.* Le parole del potere e il potere delle parole. Milano, FrancoAngeli, 2005. 186 p.
- Di Franco, N.* La retorica postsovietica: il caso Medvedev. Дипломная работа магистра факультет перевода Римского университета ЛУСПИО, уч. г. 2011/2012.
- Trukhanova, O.* Il discorso politico russo all'inizio del XXI secolo: il profilo linguistico di Vladimir Putin. Дипломная работа магистра, филфак Римского университета Ла Сапьянца, уч. г. 2011/2012.
- Visson, L.* Психологическая работа при обучении синхронистов (на англ.) в журнале переводчиков «Мосты». № 8. М.: Валент, 2008.

---

¹⁶ *Straniero S.F.* в сборнике “Interpretazione simultanea e consecutiva” (Milano: Hoepli, 1999. P. 299—340).

Источники удалённого доступа

Суходрев В.М. Интервью в рамках проекта «Легенды переводческого фронта». www.trworkshop.net

www.kremlin.ru

www.government.ru

www.russkiymir.ru

www.ruvr.ru Голос России

www.un.org служба русского радио ООН

www.itar-tass.ru

www.rian.ru

www.palazzochigi.it

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В.Г. Кульпина,

доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. Татаринов,

доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

О РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ТРУДАХ ПОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

Рассмотрены пути концептуального обновления теории перевода и практики составления переводных словарей в польском языкознании. Обсуждаются изменённые подходы к пониманию некоторых понятий перевода и состава переводных словарей. Вводятся в научный обиход новые понятия переводческой практики.

Ключевые слова: теория перевода, практика перевода, параллельные тексты, переводной словарь, единица перевода, переводная эквивалентность.

Valentina G. Kulpina, Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov, Dr. Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society, Russia; e-mail: rossterm@mail.ru

Reconceptualization of Translation and Translation Lexicography Issues: A Case Study of Polish Linguists' Works

The ways of conceptual emendation of theory and practice of compiling translation dictionaries in Polish linguistics are considered. A changed approach to understanding some concepts of translation and translation dictionaries' composition is examined. New concepts of translation for practical use are proposed.

Key words: theory of translation, practice of translation, parallel texts, translation dictionary, unit of translation, translation equivalence.

Авторы статьи уже долгие годы занимаются изучением вопроса реконцептуализации понятийно-терминологического аппарата переводоведения и социолингвистических факторов, ведущих к концептуальной лабильности общеизвестных терминов. От семантических сдвигов (амбисемии) [Татаринов, 1988] через перекатегоризацию (категориальную мену сем) [Кульпина, 1985; Кульпина, Татаринов, 1990] к новой понятийной структуре и к методологическому осознанию новых категорий [Татаринов, 2007] — таков основной путь реконцептуализации в научной сфере. Однако существуют многочисленные нюансы в процессах реконцептуализации. О некоторых особенностях подвижности концептов в переводоведении, откры-

тых нашими коллегами, например в Болгарии и Финляндии, мы уже писали [Кульпина, Татаринев, 2009, 2013]. В настоящей статье речь пойдёт об аналогичных изысканиях польских переводоведов, представленных в сборнике статей «По следам переводов: в поиске переводных соответствий» [Na tropach translatów..., 2011].

Сборник статей создан трудом ведущих польских лингвистов, в том числе и даже в прежде всего специалистов по переводу с польского языка на русский (и *vice versa*) и польско-русской лексикографии. Сборник открывается статьёй Войцеха Хлебды «Поиск переводных эквивалентов: точки отсчёта». В. Хлебда, редактор сборника, известный польский лингвист, русист и полонист, разработчик целого ряда польско-русских словарей [Idiomy, 2003; Idiomatykon, 2006], пишет о задачах сборника, связанных с возвращением новых поколений специалистов по переводу. Он указывает, что при приобретении переводческих навыков учащиеся должны в первую очередь осознать тот факт, что тексты складываются из языковых единиц: таковые могут состоять из одного слова или нескольких. При этом каждая из последовательностей графических слов, таких, например, как *w naszych czasach* ‘в наше время’, *jak podaje autor* ‘как пишет автор’, *nie do przyjęcia* ‘неприемлемо’, есть некое целое, «целостный многословный знак отдельного понятия, отдельного “кванта содержания” — а не сумма нескольких отдельных “квантов”...» [s. 8]¹; характерно, что в языке перевода также функционируют целостные знаки, присущие этому языку, отсюда пословный перевод чреват рисками. Граница, где начинается подлежащее переводу понятие, а где заканчивается целостность единицы перевода, остаётся принадлежностью сферы феноменологии.

Будущим переводчикам, как указывает В. Хлебда, следует внушать мысль о том, что использование двуязычных словарей — это умение, основанное на знании. Надо знать, что «языковые знаки бывают многозначными, что они определённым образом сочетаются с другими знаками, что изменения сочетаемости связаны с изменениями в значении графически одного и того же знака, что, наконец, соответствия в другом языке подбираются в переводном словаре к определённым значениям (лексико-семантическим вариантам) данного знака, а не к данному знаку как какому-то монолитному целому» [s. 9]. Эти знания нужно усвоить, чтобы будущими переводчиками не хотелось машинально взять для перевода из правой части словаря первое встречное-поперечное слово. В. Хлебда приводит примеры некачественных и даже в корне неверных переводов, акцентируя внимание на том, что переводная лексико-

---

¹ Здесь и далее по тексту указывается номер страницы рецензируемого издания [Na tropach translatów..., 2011].

графия не есть лишь вопрос поиска и установления эквивалента на другом языке и отнюдь не означает работы лишь с материалом языка перевода. Работа в первую очередь должна вестись с языковыми фактами своего родного языка: «Из массы текстов, написанных на родном языке, надо выделить языковые единицы, которые затем, будучи пропущены через переводной словарь, станут трансляндами...» [s. 10].

В. Хлебда называет причины, по которым лексикографам стоит избавиться от инерционного подхода к уже выработанным соответствиям: 1) за последние годы язык современных дискурсов в Польше и России вслед за общественно-экономическим и научно-технологическим ускорением подвергся значительным динамическим изменениям, породившим волну неологизмов и неосемантизмов. Перед лицом того, что в объединяющейся Европе неоспоримой ценностью является диалог, для переводной лексикографии это означает постановку новых задач; 2) количество переводных единиц языка, зафиксированных в словарях, значительно меньше актуально употребляемых, причём этот разрыв всё увеличивается, особенно в сфере зафиксированных переводных пар во фразеологических польско-русских словарях; 3) лексикограф, работающий с переводной лексикографией, должен знать не только то, что он ищет в целевом словаре, но в не меньшей мере — к чему именно он подбирает соответствие, как выглядит исходная единица перевода.

Автор упоминает о конструктивном течении критики в лексикографии, инициированном Яном Вавжиньчиком, в связи с чем отмечает слабые стороны польско-русской лексикографии, такие, как: 1) избирательность словника (опущение групп потенциальных трансляндов); 2) избирательное отношение к значениям заголовочных слов; 3) неравномерность в выделении однословных и многословных переводных единиц («не в пользу последних, хотя именно они преобладают в лексиконе») [s. 12]; 4) неточность в установлении границ и формы исходных единиц (трансляндов); 5) асимметрия в языковом статусе левой и правой сторон словаря, когда статусным единицам исходного языка нередко искусственно приписываются соответствия-языковые продукты, не являющиеся собственно трансляндами, такие, как, например, описания или квазидефиниции; 6) отсутствие семантических указаний, помогающих ориентироваться в значениях единиц левой и правой сторон словаря; 7) отсутствие других указаний, которые позволили бы пассивный словарь пользователя преобразовать в активный и помогли порождать тексты на иностранном языке.

В. Хлебда очерчивает теоретический диапазон издания как затрагивающего ряд базовых проблем переводной лексикографии. Это вопросы сущности переводной эквивалентности, принципов

определения равнозначности между единицами ИЯ и ПЯ, включая проблему *tertium comparationis*, вопрос источников переводных соответствий и роли текстов, прежде всего параллельных, в процессах установления подобных соответствий, вопрос компьютерного вспоможения труда лексикографа. Важно, что «книга старается показать работу переводного лексикографа не только и даже не столько с точки зрения результатов, сколько как *work in progress*, бесконечный процесс поиска, авторефлексии, возврата, даже блужданий» [s. 13]².

Статья Халины Бартвицкой «От параллельного текста к переводному словарю (из практики лексикографа)» наряду с постулатами, связанными с теорией перевода, содержит практические советы для переводчиков по сбору и обработке переводных эквивалентов. Х. Бартвицка указывает, что накопление переводных единиц относится к скрупулёзным, но вместе с тем интересным занятиям, сходным с решением шарад и ребусов. Случается, что подбор эквивалента для языковой единицы, на первый взгляд непереводаемой, затягивается на весьма длительный период. Сферы поиска и методы накопления эквивалентов могут значительно различаться, иногда эквивалент обнаруживается лексикографом по определённом алгоритму, а порой помогает случай. Х. Бартвицка указывает на разнообразие источников транслатов — это так называемые «двутексты» — тип параллельные текстов, представляющих собой «литературный или публицистический текст оригинала и профессионально выполненный перевод» [s. 146], изданные в разное время словари. То, что какие-то эквиваленты в них могут «резать ухо», может быть следствием постоянного эволюционирования лексической системы, когда значения слов сужаются или расширяются, когда слова меняют свою стилистическую окраску, эмоциональный заряд. Среди других источников Х. Бартвицка называет тексты СМИ, личную переписку и др. источники, которые складываются в «мешки» лексикографического материала, каждый из которых подлежит разного типа обработке. Материал из «двутекстов» Х. Бартвицка считает весьма надёжным, потому что он шлифуется, верифицируется через его функционирование в тексте перевода. При этом на полезность текста как источника поиска не влияют ни жанр литературного произведения, ни его художествен-

---

² Ср. наши размышления по этому поводу: «Речь идёт о таких характеристиках перевода, которые в принципе исключают линейность, последовательность операций переводчика в их дословном понимании... На практике эти свойства процесса перевода выглядят как своего рода суэта: при переводе следующего сегмента текста приходится заменять некоторые слова в предыдущем предложении, дискретность значений некоторой фразы заменяется идиоматикой, предполагавшееся соответствие оказывается несоответствием и т.д.» [Татаринов, 2007, с. 185—186].

ная ценность, ни успех у читателя. Х. Бартницка приводит примеры переводных пар, извлечённых ею из параллельных текстов, среди них: *panna z okienka na rozczie* (букв. ‘барышня из окошка на почте’) ‘служащая почтового отделения’, *party ogrodowe* (букв. ‘садовое парти’) ‘пикник в саду’, *projektant ogrodów* (букв. ‘проектировщик садов’) ‘ландшафтный дизайнер’, *życie zgodne z naturą* (букв. ‘жизнь в соответствии с природой’) ‘жизнь по законам природы’, *kobieta puszysta* (букв. ‘пушистая женщина’) ‘женщина пышных форм’.

Х. Бартвицка полагает, что не следует пренебрегать новыми транслятами для языковых единиц, которые уже зафиксированы в двуязычных словарях. Потому что они могут обогатить текст перевода в стилистическом отношении. Она полагает, что из двутекстов имеет смысл извлекать крупные фрагменты, выходящие за пределы комплекса элементарных переводных единиц, так как они могут пригодиться в словарях в качестве иллюстративного материала по употреблению слов. Крупные контексты могут быть сведены до необходимого минимума путём отбора с точки зрения особой грамматической сочетаемости, разной стилистической окраски, прагматической ценности и т.п.

Разнообразие методов позволяет выявить прагматический заряд, обнаружить то, что не найти в системных языковых описаниях. В качестве примера такой находки Х. Бартвицка приводит пример переводной пары *zaprosić na ognisko* (букв. ‘пригласить к костру’) ‘пригласить посидеть у костра’, *strzeliła z najgrubszego kalibru* (букв. ‘выстрелила из самого толстого калибра’) ‘пустила в ход тяжёлую артиллерию’.

Х. Бартвицка подчёркивает, что картотека переводных пар может составляться из разных источников. Если для переводной пары встретились новые эквиваленты, их надо собрать воедино, составить из них синонимический ряд с теми транслятами, которые используются на данный момент, и включить их в синонимический ряд. При поиске транслята для многословных единиц можно воспользоваться семантическим анализом отдельных лексем. Если полностью устраивающий нас эквивалент не находится, «стоит обратиться к дефинициям отдельных слагаемых такой языковой единицы, и лишь в такой плоскости — часто путём интуиции, можно вести поиск или непосредственно создавать адекватный транслят» [s. 147—148]. Х. Бартвицка уверена, что хорошие результаты даёт системное составление картотеки переводных соответствий. Комплектация и архивирование переводных единиц может осуществляться по тематическому принципу, по грамматическим моделям, по экспрессивной окраске, по оценочным семам с точки зрения функционально-стилистической принадлежности и другим принципам.

В процессе установления переводных пар пригодными могут оказаться иллюстрации, которые иконическим образом демонстрируют данный денотат (например, *rantofle od Chanel* (букв. ‘туфли от Шанель’) ‘туфли-шанельки’). Х. Бартвицка перечисляет трудности, связанные с переводом модных реалий, объясняя это наличием разного рода оригинальных определений: использованием окказионализмов, заимствований и т.д.

С точки зрения сохранения коммуникативной ценности текста важно создать читателю условия для адекватного восприятия языковых реалий, отсюда необходимость тщательного сбора любых названий реалий, регистрация их соответствий в других языках, в том числе также их вариантов. Приводятся примеры: *lanu poniedziałek* — *мокрый понедельник*, *Piwnica pod Baranami* — *Погребок под Баранами*. К категории языковых реалий Х. Бартвицка относит такие переводные пары, у которых в роли транслята выступает название близкого, хотя и не идентичного элемента окружающей действительности. Путём анализа текстов ею устанавливается функциональное соответствие между названиями стиральных порошков для детского белья — польского и русского: *proszek Cypisek* — *порошок Мойдодыр*. В переводческую пару эти лексические единицы объединяет способ номинации, источник культурных коннотаций (обращение к кинофильму и произведению для детей). Такое соответствие зачастую попадает в руки переводчика по чистой случайности, поэтому Х. Бартвицка рекомендует особо отмечать названия, каким-то образом обратившие на себя наше внимание на упаковках продуктов, в рекламках, кулинарных рецептах, технических инструкциях и т.п. Хотя эти материалы не попадут в двуязычные словари, собирать их полезно с точки зрения решения проблем, возникающих при переводе. Это касается и разного рода «декоративных» употреблений — окказионализмов, игры слов, языковой шутки (например, обращение *misiaczku* (≈ ‘мишуня’) получило в литературном переводе русский эквивалент ‘плюшастик’, слово *gutowanki* (букв. рифмовочки), вслед за Н. Янко-Триницкой, стоит перевести на русский язык как *штучки-дрючки*). Переводческого поиска требуют редупликации, точные и неточные (например, выражение *elegancja-francja* (букв. ‘элеганция-Франция’, ср. в рус. ‘элегантный как рояль’)), употребляемые, когда кто-то поразил чьё-то воображение своей одеждой. Особый подход нужен при переводе редупликаций с именами собственными: «Если это возможно, мы образуем соответствующую структуру аутентичного имени, подбирая вторую часть (в чём может помочь обратный словарь), например *Juleczka-Kuleczka* (букв. ‘Юлечка-Шарик’) — Юлишка-Кубышка» (s. 150). Х. Бартвицка полагает, что замена имени и пола — вещь в данном случае второстепенная. Ведь главное

при переводе окказиональных лексических повторов — сохранение экспрессии, стилистического эффекта (отсюда *Alinka-Chudzinka* (букв. ‘Алинка-Худышка’) можно перевести как *Мишка-Худышка*). В качестве литературного примера замены приводится пример перевода фразы из известного стихотворения Юлиана Тувима: „*Biega, krzyczu pan Hilary*” (букв. ‘Бегаёт, кричит пан Хиляры’ — в переводе ‘У тётки Вали очки пропали’).

Х. Бартвицка ссылается на свой переводческий опыт, когда эквиваленты многих словосочетаний подбираются ею на основе записи живого разговорного русского языка для разных коммуникативных ситуаций: «Этот текстовый материал хранится в своего рода лексикографическом “зале ожидания”» [там же] — пока не будет востребован. Среди «ждущих своей очереди» эквивалентов Х. Бартвицка приводит переводные пары *film do oglądania* — ‘смотрибельный фильм’, *ludzie są dziwni* (букв. ‘люди странные’) ‘люди — странные существа’, *spiskowa teoria dziejów* — ‘теория исторического заговора’ и др.

Х. Бартвицка выражает надежду, что вынесенный ею в статью материал может оказаться полезным для практической лексикографии. Её целью было показать, что проработка самых разных текстов (печатных и устных) чрезвычайно важна для работы лексикографа, и такая работа никогда не заканчивается, нужно постоянно обогащать эмпирическую базу и методы поиска переводных эквивалентов. В статье использованы тексты литературных переводов российских переводчиков с польского языка — О. Катречко, С. Соколова и А. Моисеева, К. Старосельской.

Статья Анджея Богуславского «Отдельные единицы перевода — индивидуумы/феномены» посвящена презентации установленных им единиц перевода и является частью подготавливаемой им к печати книги «Основы конфронтативной переводной лингвистики». В статье даётся ряд образцов лексикографической нотации, в которой запись переводных единиц получает индикаторы валентности, такие, например, как *któś* ‘кто-то’, *coś* ‘что-то’ и другое. Но при этом в нотации не обозначены, к примеру, операциональные показатели флексии, аккомодации, порядка слов и т.п. Тем не менее в нотацию А. Богуславски включает «аллюзивные показатели, которые следуют у него за знаком ‘ ’ (одинарные кавычки) и которые «ориентированы не только на семантические глоссы» [s. 153]. Эти единицы даются как переводные с тем обоснованием, что они представляют собой своего рода обобщения или признание в особых случаях «многотранслятовости и транслятобежности» [там же].

А. Богуславский подчёркивает необходимость методического настроя на тщательность подбора эквивалентов и демонстрирует образцы такого подхода в лексикографической практике. В первую

очередь А. Богуславский настроен на доступность и прозрачность лексикографической презентации. Вместе с тем в ряде случаев им даётся теоретическая категоризация зарегистрированных явлений.

Представленные А. Богуславским материалы практической лексикографии состоят из двух частей: «I. Польско-английские единицы перевода» и «II. Польско-русские единицы перевода». В польско-английской части приводятся, к примеру, в качестве заголовочного слова такие единицы, как *Angielka* ‘англичанка’. В одинарных кавычках даётся глосса ‘о молодой женщине’ и эквивалент *English girl*. В квадратных скобках указывается: [и, соответственно, в обратном направлении, т.е. не *английская девушка, ср.: (аутентичный пример) He engaged her because she was an English girl. — Он принял её на работу, потому что она была англичанкой]. Далее следует комментарий: «Здесь имеет место (буквально) познавательное обогащение по стороне английского текста. Таким образом, может возникнуть сомнение, учитывается ли в такой нотации принцип ситуативности, который осью субституции делает ситуацию, определяемую с исходным учётом выражения в Ls одновременно со всеми его функциональными свойствами, в особенности познавательными. Ответ таков, что ситуация, которой касается субституция, интерлингвальна; она должна охватывать также коэффициент, идущий от Lt: Lt может навязывать детализацию того, что дано в Ls; ср. данный ранее пример: англ. neighbour — ‘сосед, соседка’. <...> Именно с такой *неизофункциональной вариантизацией* мы имеем дело в приведённой тут паре Lt, то есть в данном случае английский язык требует дифференциации, выходящей за пределы того, что представлено в слове *Englishwoman* (кстати, это слово вообще не может быть употреблено в отношении новорождённого). Эти обстоятельства в значительной мере отличаются от тех, которые имеют место в отношении русского выражения *имя — отчество* в Ls и заголовков польского языка: эти последние, реализующие предикативность, никоим образом не могут реализовать детализацию ситуации употребления имени собственного (имя собственное представляет собой категорию, принципиально несоразмерную с предикативными выражениями)» [s. 154].

Аналогичным образом устроена лексикографическая нотация заголовочного слова *Anglik* ‘англичанин’ ‘о молодом мужчине’ — *English boy*, на что указывает пример из художественного текста и комментарий.

Анджей Богуславский приводит большое количество английских эквивалентов польских выражений, весьма ценных с точки зрения их перевода. Например: *bez względu na okoliczności* ‘несмотря

на обстоятельства’ — *come what may* [там же]; *cytuje* ‘цитирую’ ‘в метатекстовом употреблении’ — *and I quote*; напр., он сказал, цитирую... [там же]; *жилой paйон* — *residential district* [s. 155]; *na uzytek wewnętrzny* ‘для внутреннего пользования’ — *for domestic consumption* [там же]; *u nas* ‘у нас’, ‘w naszym kraju’ ‘в нашей стране’ — *in this country* [s. 156]; *za jednym zamachem* ‘одним махом’ — *in one action* [s. 157]; *zobaczymy, jakie są wyniki* ‘посмотрим, каковы результаты’ ‘реплика ведущего викторину’ — *let’s see what happens* и т.д. и т.п.

В польско-русской части приводятся, к примеру, русские эквиваленты следующих польских выражений: *komedia* — букв. ‘комедия’ ‘замкнутое выражение, оценивающее ситуацию’ — *анекдот* [там же]; *montaż słowno-muzyczny* — *музыкально-литературная композиция* [там же]; *no dobrze* ‘выражение, означающее согласие в ситуации отказа от ранее принятой установки’ — *ладно уж* [s. 158]; *radosna twórczość* — букв. ‘радостное творчество’ — *административный восторг* [там же]; *złośliwość przedmiotów martwych* букв. ‘зловредность мёртвых предметов’ — *закон подлости / закон всемирного свинства* [там же].

Подобренные А. Богуславским эквиваленты говорят об исключительно тщательном подходе к вопросу и о тонкой лингвистической наблюдательности и, разумеется, о глубоком знании тех языков, на материале которых устанавливается переводная эквивалентика.

Роман Левицки в статье «Трансляты в переводном словаре — поиск и обнаружение» подчёркивает, что трансляты в структуре переводного словаря представляет собой саму цель такого словаря, к которой устремлён пользователь. Оригинал дан в текстовой структуре. Р. Левицки считает целесообразным уточнить понятие переводного словаря, так как от дефиниции зависят принципы и техника подбора транслятов. При этом понятие переводного словаря не идентично понятию двуязычного словаря. Хотя переводной словарь всегда двуязычен, тем не менее его цели ориентированы именно на перевод. Поэтому такой словарь передаёт не столько статическое соотношение между языковыми единицами (чаще всего словами обоих языков), сколько показывает возможности перевода на переводящий язык; при этом единицей перевода обязательно является слово. Характерно, что трансляты могут не занимать аналогичного положения и не иметь такого же ранга в структуре языка перевода, что и единица оригинала в структуре языка оригинала. Трансляты «не обязаны» быть равнозначным; при переводе как раз естественно производить разного рода семантические трансформации языковых единиц оригинала, которые называются в терминологии переводоведения переводными трансформациями. Такие трансформации рассматриваются не как какой-то минус, недостаток перевода или особый приём, попытка

переводчика найти выход из сложной ситуации, а как естественная и неотъемлемая часть любого процесса перевода.

Отсюда следует вывод о том, что транслятюм в переводном словаре может быть: 1) языковая единица, необязательно равнозначная, но хотя бы не противоречащая языковой единице оригинала, каким-то образом связанная с ним семантико-логическим отношением; 2) это необязательно единица с аналогичным языковым статусом; 3) общий принцип лексикографической практики гласит, что точкой отсчёта в словаре в виде заголовочного слова всегда является языковая единица оригинала; 4) однако поскольку отношение переводной эквивалентности есть отношение между текстами (не между единицами языков, а между продуктами двух языков), а также между единицами таких текстов (их сегментами, отрезками), то следует признать, что это требование не распространяется на транслятю; 4) транслятю могут быть языковыми единицами, поскольку они могут быть продуктами применения особых трансформационных переводных техник — но решение вопроса о том, являются они единицами языка или нет, вопрос второстепенный, не релевантный для пользователя, не влияющий на качество словаря и пользу от его рекомендаций; 6) считается, что транслятю — это такие языковые единицы языка перевода, которые вне зависимости от их статуса в системе языка способны передавать информацию, содержащуюся в переводящей единице. Переводной единицей же Р. Левицки считает любой отрезок переводимого текста, к которому переводчик подыскивает соответствие в процессе перевода. Для практики создания переводного словаря это означает, что транслятю могут в нем быть неравнозначные единицы, которые могут даже вызывать удивление, но в таких случаях они бывают снабжены соответствующим поясняющим комментарием. Отсюда транслятю есть единица не столько равнозначная (хотя такое возможно), сколько информационно и функционально эквивалентная. Это означает, что самым важным признаком единицы оригинала (т.е. транслянды, единицы перевода) является не её значение, а способность обозначать данный элемент действительности. А поскольку отношение переводной эквивалентности является отношением между текстами или единицами (сегментами, отрезками) текстов, то предметная соотнесённость единицы оригинала носит денотативный характер.

Автор словаря задаётся вопросом: как данный предмет, признак или состояние вещей можно назвать в языке перевода? Это знание берётся из знания текстов на данном языке, знания языкового поведения, реакций в диалоге и эмоциональных реакций, что в свою очередь подводит к осознанию семантического потенциала данной языковой единицы и позволяет уберечь от приписывания

статуса транслята единицам неоптимальным. Доступ к текстам в современных условиях обеспечивается текстовыми корпусами, неотъемлемым инструментом работы лексикографа. Что касается единиц, выступающих в художественных текстах, лучший метод — воспользоваться переводами этих текстов, но такой метод не всегда применим и не стопроцентно надёжен. Ведь решения на перевод могут быть неоптимальными, контекстно связанными, а значит, обладать низким уровнем универсальности и пригодности для того, чтобы послужить рекомендацией в словаре. При применении такого метода стоит сохранить изрядную долю критицизма и не переносить автоматически решения на перевод в словарь.

В отношении языковых единиц из информационных утилитарных текстов можно применить лишь собственный переводческий опыт. При его верификации также стоит проявлять недоверчивость. Надо проверять, существует ли данная языковая единица в контекстах, в которых обозначен именно данный предмет, выступает ли он в аналогичной коммуникативной ситуации и не привносит ли он иной стилистический заряд. При этом речь не идёт лишь о принадлежности к определённой функциональной стилистике: «Транслят должен иметь сопоставимую с переводимой единицей частотность употребления в текстах, чтобы он не звучал странно или излишне оригинально» [s. 161].

Р. Левицки делает следующие выводы. Подбор эквивалентов осуществляется через контекст; верификация потенциальных транслятов производится на основе их способности называть одну и ту же вещь или употребления в аналогичной ситуации; при поиске и оценке этих единиц следует применять стилистический критерий «звучания» данного выражения. Транслятом во многих словарях будут продукты переводных трансформаций, трансляты ищут в контекстах. В переводной словарь следует включать и трансляты, являющиеся продуктами трансформаций. Их достоинство в том, что они показывают возможности перевода фрагментов, не имеющих однозначного соответствия. Демонстрация переводных трансформаций в словаре означает, что пользователь словаря на их примере учится, а не только находит решение для конкретной ситуации. При этом словарь должен содержать информацию о том, что в данном случае была применена трансформация. Механизм трансформации может быть продемонстрирован через цитации обоих контекстов. Такая концепция была применена Р. Левицким в его русско-польском христианском словаре [Lewicki, 2002] — в нём в качестве коротких однословных помет указывались пути трансформации. Им приводится ряд примеров, среди них, в частности: *лавра ławra* / || (ogólnie ‘вообще’) *klasztór* ‘монастырь’.

Функции показателя путей трансформации выполняют в этом словаре следующие пометы: *ogólnie* ‘в целом, вообще’): сигнал применения процедуры генерализации; *konkretnie* ‘конкретно’): сигнал применения процедуры конкретизации; *opisowo* ‘описательно’): сигнал применения перифразы как описательного перевода; *ze zmianą konstrukcji* ‘с изменением конструкции’): сигнал применения переформулирования предложения таким образом, что не понадобится использовать лексический эквивалент. Применён и ряд графических помет: знак || означает функциональный аналог, знак ≈ указывает на приблизительный перевод. Р. Левицки уточняет, что в случае перевода с изменением конструкции подбор транслята осуществляется в результате расширения единицы перевода, когда в тексте перевода невозможно дать лексическую единицу в качестве соответствия заголовочного слова (хотя текст переведён верно), так как переводной единицей стало в данном случае целое предложение (а не отдельная лексема).

Проверка единиц перевода, исходя из их способности называть одну и ту же вещь или употребляться в одной и той же ситуации, может способствовать выработке общих принципов формирования макроструктуры словаря. Так, в Польско-русском словаре имён собственных Р. Левицкого [Lewicki, 2008] в качестве заголовочного слова у антропонима выступали имя и фамилия, как обозначающие конкретного человека. Особая трудность при формировании словника русских антропонимов состоит в хронологически и социально дифференцированной практике применения отчеств. Несоблюдение узуса чревато нарушениями стилистической нормы, что может приводить к проявлениям неуважения, иронии и т.п. или же весь текст может быть воспринят как чуждый, а его автор — как недостаточно компетентный.

Трудности словарной презентации русского антропонимикона Р. Левицки демонстрирует, в частности, на примере формы фамилии известной исследовательницы, которая в России чаще всего выступает как Склодовская-Кюри и редко как Кюри-Склодовская (и этот факт Р. Левицки фиксирует с помощью соответствующих помет), а в польском языке порядок слов в формуле имени иной: Curie-Skłodowska выступает как единственно верный.

Р. Левицки затрагивает проблему стилистической принадлежности ономастических транслатов. Топоним Jeruzalem (муж. рода) ‘Иерусалим’ имеет возвышенный, поэтический или архаический характер. Добавим, что нейтральный характер носит название того же города Jezozolima (жен. рода) ‘Иерусалим’. Русский же эквивалент Иерусалим и стилистически нейтрален, и единственно возможен. Таким образом, переводчик с русского языка на польский встал бы перед альтернативой перевода антропонима, релевантно-

го для определённых контекстов. В заключение Р. Левицки подчёркивает, что автор переводного словаря не только ищет трансляты в уже существующих фондах и рекомендует их к использованию в качестве переводов, но и регистрирует в словаре отношения эквивалентности, возникшие как результат применения переводчиками трансформационных способов перевода. Если такие способы перевода регистрируются в переводных словарях, их ценность по сравнению с традиционными способами презентации языковых словарях значительно возрастает.

Статья Яна Вавжиньчика — известного польского переводоведа, редактора и разработчика целого ряда двуязычных и одноязычных словарей русского и польского языков, специалиста-библиографа, «Блеск и нищета транслятосферы» посвящена также проблемам переводной двуязычной лексикографии.

Ян Вавжиньчик подчёркивает: чтобы описать человека и его деятельность в инфосфере, в это описание следует включить ещё и транслятосферу как переводческую деятельность, поскольку она составляет органическую часть инфосферы. Не существует таких обществ, которым перевод был бы не нужен. В свою очередь неделимой частью транслятосферы является культуросфера, участвующая в формировании инфосферы. Ян Вавжиньчик заостряет внимание на том, сколь сложна структура транслятосферы. Профессиональные переводчики и любители, делая массу переводов, создают этим массу данных, не вошедших в библиографический инвентарь. Чтобы охватить их содержательную сторону, понадобились бы «отряды переводоведов», «научных муравьев» [s. 168].

Чтобы достичь в переводе совершенства, мало знать язык оригинала и перевода и обладать другими обширными знаниями, надо прекрасно разбираться в культуре и истории, цивилизации, в которой этот язык существует. На практике трудно найти совершенного переводчика; ошибки встречаются даже у самых реномированных представителей этой профессии. Изучение ошибок поколений переводчиков позволяет углубить знания о переводных реляциях. Я. Вавжиньчик говорит также о существовании «переводческой ляпсологии», накопившей уже солидный опыт, что зафиксировано в лингвистических библиографиях.

Но гораздо важнее ляпсологии разработка содержательных моментов, связанных с парами языков, на которые осуществляется перевод конкретных объектов — языковых единиц, и аспектов адекватности перевода. В синтезирующих работах должна содержаться информация о неявных моментах, не содержащихся в традиционных библиографиях. В крупных публикациях даётся содержание, в статьях — резюме, ключевые слова, что позволяет получить ориентацию. Однако всегда часть этой информации остаётся со-

крытой, за кадром. Поэтому необходим графемный ключ, идея которого принадлежит Петру Вежхоню, который первым выполнил огромный труд по такому упорядочению данных переводного словаря, которое привело к созданию двух обратных переводных индексов (словарей) элементарных единиц перевода [Wierchoń, 2006].

Создание такого рода индексов предпринято в истории лексикографии впервые и может быть с успехом применено при обобщении фактов переводной лясологии. Но сортировку материала следует предварить извлечением из него переводных пар с документирующей их локализацией информации. Я. Вавжиньчик сообщает, что такая задача в экспериментальном плане была предпринята для русского и польского языков в Малом библиографическом словаре польского языка [MSB]. В некоторых статьях словаря имеются отсылки к критической литературе по переводу. В библиографии, прилагаемой Я. Вавжиньчиком к своей статье, приведены выборочно труды по критике переводов. Я. Вавжиньчик особо выделяет среди них работу Ядвиги Шимак-Райферовой, а также Х. Дзержановской, которая описала мастерскую переводчика.

Я. Вавжиньчик полагает, что статью по критике переводов надо расширять за счёт индексов переводных единиц. Но он подчёркивает при этом, что словари являют собой лишь частичное знание; ни один из них не содержит всех достижений переводчиков предыдущих эпох и переводчиков-современников. «Авторы словарей, как правило, не являются переводчиками, не обладают языковым переводческим опытом, который приобретается благодаря контакту с переводимыми массами текстов» [s. 170]. Двужычные словари неизбежно носят интертекстуальный характер в том плане, что целый ряд эквивалентов неизбежно перекачывается из словаря в словарь, каждый из них оригинален лишь в какой-то мере. При этом оригинальность словаря является измеримой величиной. Этот вопрос ранее не ставился, а задача эта чрезвычайно сложна и трудоёмка; её решение предполагает определённый порядок осуществления действий. Начать следует с двужычных словарей общего типа, русско-польских, издаваемых с конца XVIII в. и по сей день. Материал таких словарей Я. Вавжиньчик предлагает точно разложить на элементарные минимальные единицы перевода на основе первопродческой системы, разработанной Петром Вежхонем. Эти единицы в рамках проекта Я. Вавжиньчика следует скоррелировать с библиографическо-документационной информацией, которая бы в хронологическом порядке указывала на словари, содержащие данную переводную пару, состоящую из русского трансланда и польского транслята. Скомплектованные таким образом данные позволяют «проследить историю отдельных переводных пар, зафиксировать момент первого появления отдельных переводных пар на страни-

цах словарей, их присутствие в одних словарях и отсутствие в других» [там же].

Я. Вавжинчик вводит сокращение ЭПП (элементарная переводная пара). «Процент ЭПП данного словаря, зарегистрированных и предлагавшихся в словарях более ранних, очерчивал бы степень неоригинальности переводной информации, содержащейся в данном словаре» [s. 170—171]. Суммирование ЭПП может ускорить процесс лексикографической эмендации (обновление словаря) и будет способствовать его качественному развитию и рационализации. Я. Вавжинчик отмечает, что качество таких произведений лексикографии, несмотря на длительность традиции, оставляет желать много лучшего. Я. Вавжинчик призывает к упорной борьбе с ошибками, к улучшению словарей, повышению квалификации лексикографов и восполнению в ней брешей. Каждое последующее издание должно означать для лексикографа работу по серьёзной критической оценке и работе по их совершенствованию, предвещающей последующее опубликование. Очередное переиздание редко свидетельствует о суровой самооценке и самопроверке текста со стороны авторов словарей. В истории лексикографии ощущается нехватка такого жанра, как полемические словари (термин А. Лежежинской), которые способствуют лексикографическому прогрессу.

В заключение скажем о некоторых привнесённых авторами сборника нюансов в обсуждение тех или иных понятий. Авторы объединяет стремление «свежим взглядом» взглянуть на то, что стоит за распространёнными терминами теории перевода, стремление раскрыть их глубинный смысл.

Так, Войцех Хлебда соотношение терминов *эквиваленты* и *эквивалентность* предлагает дифференцировать следующим образом: эквивалентность (польск. *ekwiwalencja*) рассматривается как соотношение равнозначности между чем-то и чем-то, а эквиваленты — как его практические экспоненты. Под этим «чем-то» в переводоведении подразумеваются или *тексты*, или языковые *единицы*, т.е. вербальные явления. При этом В. Хлебда подчёркивает отнесённость текстов к речи, а языковых единиц — к языку, языковой системе, реальным представителем которой (хотя и приблизительным) является словарь.

В. Хлебда постулирует необходимость различать *текстовую* и *словарную* эквивалентности. Отношение эквивалентности между языковой единицей языка *А* — *транслядом*, в терминологии Анджея Богуславского (т.е. левой частью словаря), и языковой единицей языка *Б*, т.е. *транслятом* (правой частью словаря), В. Хлебда называет *словарной эквивалентностью*. Между текстовой и словарной эквивалентностью наблюдается двусторонняя связь. Так, при

переводе текстов, работая над текстовой эквивалентностью, мы пользуемся эквивалентами, запечатлёнными в переводных словарях. При этом подбирая эквиваленты для единиц языка *A*, можно в какой-то мере использовать в качестве их источника текстовые эквиваленты из уже переведённых, «готовых», текстов.

В связи с переводной эквивалентикой В. Хлебда вводит понятие *конденсата*: Переводная эквивалентика должна строиться на массе текстов естественных языков и быть их своего рода *конденсатами*. Тексты, из которых отбираются эквиваленты-конденсаты, должны представлять собой *автономные тексты* — от художественных до административных, и *мультитексты*. Термин *мульти-текст* рассматривается В. Хлебдой как своего рода продолжение выделенного Яном Вавжиньчиком термина *двутекст*, означающего оригинал какого-либо произведения и его перевод, рассматриваемые как совокупность, как потенциальный источник переводных пар. *Мультитекст*, с одной стороны, это *совокупности текстов*, т.е. *корпусы текстов* (самые яркие примеры мультитекстов). В более узком же значении мультитексты можно рассматривать как *переводные серии*, т.е. оригинал какого-либо произведения и ряд его переводов на другой язык, взятые как целое, как теоретически открытый (но на данный момент закрытый) ряд его переводов, рассматриваемых как своего рода совокупность.

В. Хлебда определяет текстовую эквивалентность метафорически как *пространственную*, а словарную — как *точечную*. Это, по его мнению, означает, что «при оценивании текстов *A* и *B* как эквивалентных мы можем принимать во внимание соответствие не только (и даже не столько) отдельных слов, но также предложений, последовательностей предложений, абзацев, разделов или даже совокупности обоих произведений. В словаре же мы ищем соответствия между двумя точками: «названием *A* на входе словаря» и названием *B* — «на выходе» [s. 23].

С точки зрения переводной лексикографии важнейшим понятием является понятие *источников эквивалентов*. Среди таковых в табличном представлении В. Хлебда выделяет *системные источники*: каталоги (списки, реестры, указатели, номенклатура товаров, оферта фирм, собственно каталоги и др.), словари (одноязычные и двуязычные), *текстовые источники*: автономные тексты, мульти-тексты, среди таковых одноязычные и параллельные корпусы, двутексты и переводные серии. Таким образом, системные источники в принципе бесконтекстны, хотя словари всё же несколько смещены в сторону текстов по сравнению с каталогами (ведь за каждой единицей словаря должны стоять массивы мультитекстов). И спектр потенциальных источников эквивалентов имеется у каждого ведущего их поиск.

Интереснейшей проблемой является проблема *переводных универсалий*: именно существование отношений эквивалентности позволяет постулировать существование переводных универсалий. Что такой феномен существует, что есть определённая система координат, позволяющая установить принадлежность текста к разряду переведённых, а не оригинальных, на это уже давно обращалось внимание исследователей. Чтобы приблизить это понятие польским специалистам ради формирования терминологической адекватности на почве польского языка, Лукаш Грабовски в статье «Дву- и многоязычные корпуса на службе переводчика, лексикографа и исследователя» осуществляет семантический перевод соответствующих терминов и устанавливает терминологические корреляции между английскими названиями переводных универсалий и польскими.

Л. Грабовски высказывает мнение, что в связи с развитием современных информационных технологий каждая область языкознания должна произвести передефиницию и адаптацию своего исследовательского инструментария и методологии к вызовам цифровой гуманитаристики XXI в. Такие же вызовы стоят перед описательным переводоведением (*descriptive translation studies*), сосредоточенном на продукте перевода, процессе перевода (как процессе принятия решений на перевод) и функциях перевода. Возникшее корпусное переводоведение (*corpus-based descriptive translation studies*) осциллирует к пониманию эквивалентности как функционального соответствия между текстом (текстами) исходного и целевого языка. При этом эквивалентность не должна носить предписывающего характера и рассматриваться в категориях нормы, но иметь лишь дескриптивный характер. Подчёркивается связь эквивалентности с социокультурными факторами. В наши дни необходима опора на собрание переводных текстов (дву- и мульти-текстов). Указывается, сколь велика роль корпусов в изучении переводных универсалий.

Л. Грабовски обращает внимание на особенности переводов, проистекающие из факта, из какой культуры в какую осуществляется перевод, так как в переводных соответствиях при переводе с польского на английский можно ожидать большое количество адаптаций к англо-американской культуре и, напротив, при переводе с доминирующей англо-американской культуры на польский транслаты будут экзотизироваться и не будут адаптироваться к польским реалиям, что может проявляться в большом количестве заимствований (Шрек, Гарри Поттер), языковых калек, верных соответствий лексическим и синтаксическим структурам оригинала. В то же время отмечается тенденция к адаптации независимо от доминирующей культуры, так как именно такие переводы предпо-

читает читатель. Непростая ситуация с переводами приводит к трудностям выбора наиболее репрезентативных транслятов.

Для всех переводов по сравнению с оригиналом характерны интерференция и стандартизация, которые могут быть отнесены к законам переводного текста, вследствие действия которого перевод всегда беднее оригинала. К универсалиям также относятся употребление в переводе бóльшего количества слов, что связано с более эксплицитной манифестацией значения в переводе, бóльшая степень экспликации связующих элементов, бóльшая длина предложения, бóльшее количество повторов и слов и в то же время упрощения в лексике и синтаксисе. Так, стилистически изысканные длинные предложения в переводе разбиваются на более короткие, наблюдается бóльшая когезия переводного текста, тенденция к замене креативных коллокаций оригинала словосочетаниями, типичными для переводящего языка, меньшее лексическое разнообразие.

При переводе специальных текстов в случае, если переводчик не знает точного эквивалента, он обычно прибегает к гиперонимам. Вместо архаизмов и стилистически изысканной лексики переводчики склонны употреблять коллоквиализмы и не слишком креативные синонимы. Стандартизация проявляется в тенденции к адаптации переводного текста к нормам и образцам, типичным для переводящего языка.

Л. Грабовски останавливается на явлении похожести переводных текстов друг на друга в большей степени, чем исходные тексты, получившем название *levelling out*. При этом выделяются межъязыковые переводные универсалии и внутриязыковые переводные универсалии. Л. Грабовски описывает двуязычные польско-русские и русско-польские корпуса с точки зрения их потенциала в плане поиска универсальных переводных эквивалентов. Он выступает за использование в качестве помощника переводчика параллельных корпусов с такой аргументацией, что переводчик не переводит отдельные лексические и более крупные языковые единицы, ибо единицы перевода реализуются именно в тексте, и это значит, что двуязычные корпуса имеют преимущества перед переводными двуязычными словарями и являются богатым источником переводных эквивалентов. Он подчёркивает, что «корпусная методология — это не что иное, как эмпирическое и индуктивное исследование языкового узуса с использованием аутентичного языкового материала» [s. 109].

Основной тезис Тадеуша Пётровского («Эквивалентность в двуязычных словарях») в отношении эквивалентов в переводе: «Они не существуют объективно, а создаются переводчиком для конкретного переводимого текста» [s. 47]. А потому создаваемые разного рода типологии эквивалентов не соответствуют своему назна-

чению, так как предполагают семантическую стабильность слов в обоих языках, а значит, и стабильность соотношений между элементами обоих языков. Эти типологии относятся к изолированным единицам, без контекста, а лексические единицы редко выступают изолированно; для них характерен определённый контекст — языковой и социальный. В таких типологиях речь идёт о полных или неполных эквивалентах. Такие типологии предполагают, что слово является вместилищем для определённого «количества значения», а значение текста формируется аддитивно путём соединения с помощью синтаксических конструкций отдельных слов; при этом сумма их значений — это значение текста. Т. Пётровски подчёркивает, что в результате исследований прагматики дискурса было установлено, что истина лежит в упрощённом представлении значения текста, а не аддитивном.

Т. Пётровски утверждает, что текст не имеет значения, а является некоей формой с определённым семантическим потенциалом, значение тексту задаёт его интерпретатор. И это касается также семантики элементов текста. Хотя нет готовых элементов целых текстов, на уровне текста невозможно установить типологию эквивалентов; в целом же можно высказать убеждение, что есть элементы в тексте на одном языке, которым относительно постоянно соответствуют элементы на другом языке. Но это не есть истинное утверждение (интерпретировать способен тот, кто пребывает с создателем текста в коммуникативной общности).

Т. Пётровски обращает внимание на то, что в «случае языков с похожей структурой, погруженных в похожую культуру, как русский и польский, пространство свободы перевода значительно уменьшается, но и ответственность переводчика возрастает, а чем сходство меньше, тем свобода больше...» [s. 49].

Интересен вопрос Т. Пётровского: если двуязычный словарь не является собранием эквивалентов в строгом смысле слова и не является типом учебника по переводу, то каков статус содержащихся в нем эквивалентов? В то же время это не есть результат сопоставления лексических систем, контрастивная лексикология. Ведь лексиколог заинтересован в таком сопоставлении языков, которое носит системный характер, а практика — это тексты, которые можно создать на обоих языках. «Исследователя интересует бесконтекстный потенциал языковых систем, а практика — порождение текста, погруженного в определённый контекст <...>. В двуязычном словаре не имеет места бесконтекстное сопоставление лексических единиц двух языков, хотя так может показаться» [s. 50]. «Двуязычный словарь — это сокращённая запись результатов анализа определённого количества ситуативных локализованных текстов на двух языках» [s. 51]. Это запись некоей неточной предрасположенности к пере-

воду, которая может быть описана как: в определённых контекстах одного языка данный лексический элемент можно иногда заменить элементом другого языка; иногда такой перевод может быть приемлемым. В двуязычной лексикографии (так сложилось исторически) на эквиваленты накладываются ограничения: лексические единицы одного языка по своей сложности должны соответствовать исходной синтагматической сложности лексических единиц. Это значит, что однословной единице должна соответствовать однословная единица, многословное выражение не имеет права на лексикографирование, существительное должно иметь своим эквивалентом существительное, разговорное слово — разговорное. Эти формальные и семантические ограничения нацеливают на дословный перевод, который не имеет ничего общего с реальным переводом [там же]. Лексикография не имеет права внедрять в словарь свои неологизмы. У переводчика же таких ограничений нет.

Т. Пётровски анализирует различия между трудом переводчика и лексикографа, специалиста по двуязычной лексикографии. Начало работы лексикографа такое же, как и у переводчика: он тоже исходит из процесса перевода: отдельное слово не имеет эквивалентов, таковые могут обнаружиться при погружении слова в какой-то контекст, языковой или ситуативный. Словарный эквивалент — это результат анализа текстов. В то время как переводчик работает с одним текстом, который соответствующим образом ситуативно текстуализован, лексикограф должен подобрать контексты к словнику своего словаря, подобрать эквиваленты для данного заголовочного слова в разных контекстах и соответствующим образом их ограничить, чтобы сформировалась минимальная единица-эквивалент. Эти ограничения связаны с ограничениями объёма словаря и уровня знаний его предполагаемого пользователя.

Таким образом, минимальной единицей, с которой работает переводчик, является не собственно слово, а слово в минимальном контексте (коллокативно-валентностный образец).

Крупные издательства создали уже солидные базы данных для разработки больших двуязычных словарей; часто эти данные основываются на одноязычных словарях. Однако в настоящее время автоматический анализ текста сразу выдаёт переводчику полуфабрикат как базу для анализа. Даже если у нас имеется какое-то описание лексики для лексикографа, например, в словарях, его часто недостаточно. Обычно возникает необходимость обратиться к корпусам как к расширенному описанию. Однако при этом лексикограф должен перейти ко второму языку, чтобы найти эквиваленты.

Таким образом, теоретики перевода и лексикографы переводных словарей продолжают поиски новых подходов в осознании

таких вечных категорий перевода, как единица перевода, роль параллельного текста в переводе, хронологическая и культурно-историческая относительность соответствий перевода, а также создают очевидно новые категории типа *транслят*, *транслятосферы*, «*ляп-сология*», *эмндация словаря* (Я. Вавжиньчик), *единицы-конденсаты*, *минуции* (проблемы перевода конкретной языковой единицы), *ситуативный лексикографический комментарий* (Т.А. Милютина).

Понятие *переводной словарь*, очевидно, завоевало своё место под солнцем, потеснив вездесущую номинацию *двуязычный словарь*. Работа по автоматизации словарной технологии набирает темпы, но привела к возникновению интеллектуального парадокса: ответственность теоретика перевода и рутинного составителя переводного словаря для его последующей автоматизации многократно возрастает, а формальная сторона создаваемых словарей, наполняемость словарных статей и их концептуальное структурирование изменяются семимильными шагами³.

Список литературы

- Кульпина В.Г.* Особенности локативного употребления личных местоимений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1985. № 1. С. 47—53.
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Аббревиация как способ категоризации специальных понятий (методологические аспекты) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1990. № 4. С. 27—34.
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Оригинальный подход к терминографии как науке о создании терминологических словарей // Славянское терминоведение. 2009. № 1. С. 28—29.
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Интегративное терминоведение: общая теория и практические приложения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 2. С. 145—160.
- Татаринов В.А.* Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
- Татаринов В.А.* Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации. М.: Московский лицей, 2007. 384 с.
- Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych / Pod red. Wojciecha Chlebdy. Opole, 2011. 176 s.

Словари

- Богуславский А.* Русско-польский, польско-русский иллюстрированный словарь: W 2 t. Wyd. 4. Warszawa: Wiedza powszechna, 1993. 1183 с.
- Bogusławski, A.* Polsko-rosyjskie materiały leksykograficzne. Łask; Warszawa: Leksem, 2008. 36 s.

³ В список словарей к настоящему обзору в качестве примера включены словари с явными признаками обновлённой лексикографической технологии.

- Idiomykon — Podręczny idiomykon polsko-rosyjski / Pod red. *Wojciecha Chlebdy*. Zesz. 1. Próbnny / Uniwersytet Opolski. Opole, 2006. 129 s.
- Idiomy — Idiomy polsko-rosyjskie. Польско-русские идиомы / *Wojciech Chlebda, Albina Gołubiewa, Jan Wawrzyńczyk, Tomasz Welg*. Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2003. 272 s.
- Lewicki R.* Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 367 s.
- Lewicki R.* Polsko-rosyjski słownik nazw własnych. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2008. 222 s.
- MSB — *Wawrzyńczyk J., Małek E.* Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego: W 2 t. Warszawa: BelStudio, 2010. T. 1. 1730 s.; T. 2. 638 s.
- Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski / Red. naczelny *Jan Wawrzyńczyk*; autorzy haseł: *J. Wawrzyńczyk, H. Bartwicka, V. Kulpina, E. Małek*. Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2008. 1264 s.
- Wawrzyńczyk, J.* Słownik bibliograficzny języka polskiego. Wersja przedelektro-niczna. T. A—Ć. Warszawa, 2000. 364 s. (Semiosis Lexicographica, vol. VI).
- Wawrzyńczyk J.* Słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycz-nego. Warszawa: Wyd-wo Akademickie *Dialog*, 2001. 412 s.
- Wawrzyńczyk, J.* Współczesne językoznawstwo rosyjskie — polskie — ogólne. Słownik bibliograficzny / Uniwersytet Łódzki, Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej; Uniwersytet Warszawski, Instytut Lingwistyki Stosowanej. Z. 2. Łódź; Warszawa, 2002. 301 s.
- Wawrzyńczyk, J., Małek, E.* Z materiałów do słownika bibliograficznego języka polskiego. Terminologia lingwistyczna. Wybrane terminy wiedzy o kulturze i literaturze. Neologizmy, hapaks legomena. Warszawa, 2004. 554 s. (Semiosis Lexicographica, vol. XVI).
- Wielki słownik polsko-rosyjski / Red. naczelny *Jan Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, H. Bartwicka*. Warszawa: Państwowe Wyd-wo PWN, 2005. 927 s.
- Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Red. Naczelny *Jan Wawrzyńczyk; J. Wawrzyńczyk, M. Kuratczyk, E. Małek, A. Gołubiewa, H. Bartwicka, A. Wawrzyńczyk*. Warszawa: Państwowe Wyd-wo PWN, 2004. 1362 s.
- Wierchoń, 2006 — *Wierchoń P.* Indeks a tergo jednostek przekładowych wiel-kiego słownika rosyjsko-polskiego z kluczem polsko-rosyjskim. Porządek translatowy. Warszawa: Takt, 2006. 2019 s.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н.Н. Миронова

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА» В ГРЕЦИИ (25—30 апреля 2014 года)

Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова провела при содействии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации, АНО Институт перевода, Генерального консульства Российской Федерации в г. Салоники, Российского центра науки и культуры при Посольстве Российской Федерации в г. Афины, Центра культуры в г. Салоники, Областной администрации Центральной Македонии IV Международную научно-практическую конференцию «Русский язык и культура в зеркале перевода».

Конференция объединила 105 участников, это профессора и доценты, аспиранты, преподаватели университетов и практикующие переводчики из многих стран ближнего и дальнего зарубежья (Австрия, Азербайджан, Армения, Болгария, Босния и Герцеговина, Великобритания, Греция, Грузия, Израиль, Испания, Италия, Казахстан, Польша, Португалия, Россия, Сербия, Узбекистан, Финляндия, Япония). Россия была представлена учёными и практиками из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Вологды, Екатеринбургa, Иваново, Красноярска, Магнитогорска, Нальчика (Кабардино-Балкария), Новосибирска, Перми, Ростова-на-Дону, Томска, Тулы.

Были обсуждены актуальные проблемы теории и методологии перевода, дидактики перевода и лингводидактики.

Н.К. Гарбовский (Россия, Москва) в фундаментальном докладе «Отечественная школа устного перевода» проанализировал основные этапы становления и развития отечественной школы устного перевода с момента её зарождения в советский период и до настоящего времени. Автор представил специфику отечественной школы устного перевода, которая состоит в том, что она формировалась и развивалась в русле общей теоретической парадигмы перевода как особого вида речевой деятельности. Авторами первых книг, посвящённых разным видам перевода (устный последовательный, синхронный), были известные переводчики и педагоги Р.К. Миньяр-

Белоручев, Г.В. Чернов, А.Ф. Ширяев. Они стояли у истоков советской научной школы устного перевода, на основании их экспериментальных исследований были созданы образовательные модели подготовки переводчиков, которые успешно используются и в современной российской образовательной системе.

Вкладом в развитие испанской образовательной системы по праву можно считать доклад *Э.Ф. Керо Хервилья* (Испания, Гранада) «Новый подход к профессиональной подготовке студентов — будущих переводчиков. Аулаинт (виртуальная аудитория перевода)».

Русский мир, русский язык в мире как глобальный феномен получил своё отражение в докладе *Ю.А. Вьюнова* (Россия, Москва) «Национальная (русская) идея как социокультурный феномен: проблема интерпретации».

Направление исследований когнитивного переводоведения отражено в ряде докладов, в которых были освещены теория концептов, моделирование в переводческой деятельности. Отметим доклады, вызвавшие большой интерес участников дискуссий:

Б. Чович (Босния и Герцеговина, Республика Сербская) в докладе «К вопросу об отношении интер- и интралингвистического к интерсемиотическому переводу» показал, что на «синем» портрете Анны Ахматовой, выполненном Н. Альтманом (1914 г.), существует ряд пересекающихся плоскостей, которые представляет собой множество трансмутаций стихотворений в пиктографическое, визуализированное соответствие, что влияет на понимание смысла исходного текста.

О.И. Костикова (Россия, Москва) рассмотрела в докладе «“Колумбово яйцо” или образная ономастика: язык, культура, перевод» связь имён собственных с конкретной языковой и культурной средой. Выражение «Колумбово яйцо» или «яйцо Колумба», став символом находчивости и изобретательности, существует сегодня во многих языках — *oeuf de Colomb* (фр.), *huevo de Colyn* (исп.), *egg of Columbus /Columbus's egg* (англ.), *Ei des Kolumbus* (нем.), *uovo di Colombo* (ит.), *Яйце на Колумб /Колумбово яйцо* (болг.), *Columbi egg* (норв.), *Ovo de Colombo* (порт.), *Kolumbovo vejce* (чеш.), *Columbus-æg* (дат.), *Jajko Kolumba* (польск.), *哥伦布的蛋 (Gèlún bù de dàn, кит.)*, *コロンブスの卵 (Koronbusu notamago, яп.)*. Многоязычный глоссарий образной ономастики может представлять большой интерес для переводчиков.

«К вопросу взаимодействия культур в художественном переводе (вербализация концепта “героизм” в черногорской и русской языковых картинах мира в поэме П.П. Негоша “Горный венец” и его перевода на русский язык)» — тема доклада *Л.И. Раздбудько-Чович* (Босния и Герцеговина, Республика Сербская), в котором автору удалось провести сопоставительное исследование сложного

ментального образования в черногорской и русской наивных картинах мира.

Герменевтике перевода был посвящён доклад *Э.Н. Мишкурова* (Россия, Москва) «О функционировании герменевтической парадигмы перевода». Автор определяет концептуально-методологическую структуру герменевтической парадигмы перевода и показывает её актуальность в передаче смыслов во вторичном тексте.

Большой интерес вызвали доклады, посвящённые русской литературе в переводах на языки мира: доклад *М.Н. Есаковой* (Россия, Москва) и *Э.К. Харацидиса* (Греция, Комотини) «Культурно-антропологическая парадигма науки о переводе (на примере романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита” и его переводов на французский и греческий языки)»; доклад *Иноуэ Юкиёси* (Япония, Токио) «Методика перевода русских стихотворений на японский язык», где была предложена методика перевода русских стихотворений на японский язык с учётом различий в метрике стиха; переводческой поэтике был посвящён доклад *М.О. Алексеевой* (Россия, Москва) «О проблемах перевода русской поэзии на польский язык и о стихах Юлиана Тувима в русских переводах», «Пьесы А.П. Чехова “Три сестры” и “Вишнёвый сад” в современном китайском театре» — тема доклада *И.А. Хромовой* и *Сюй Лили* (Россия, г. Иваново), в котором богато представлены театральные школы современного Китая. Интересным материалом для наблюдения приёма остранения и применения стратегии остранения в художественном переводе проиллюстрировала свой доклад *В.А. Разумовская* (Россия, Красноярск) «Остранение в художественном оригинале и переводе: мистические сцены “Евгения Онегина”». В представленных докладах осуществлялись научные и практические исследования семантики в парах языков: русский — греческий, русский — японский, русский — китайский, русский — немецкий, русский — английский, русский — французский, русский — иврит, русский — итальянский, русский — испанский, русский — польский, русский — кабардино-черкесский, русский — финский, русский — сербский, русский — болгарский, русский — грузинский, русский — казахский, русский — узбекский.

Состоялся обмен мнениями по проблематике специализированного перевода (трудности перевода терминологии, трансформации на разных уровнях языка и т.д.). Доклад *Е.М. Какзановой* (Россия, Москва) «Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода» изобилует уникальными примерами и способами решения переводческих задач при передаче общих и окказиональных аббревиатур с немецкого языка на русский. *З.И. Комарова* (Россия, Екатеринбург) осветила междисциплинарную дискуссионную проблему «Идиоматичность единиц научных языков с по-

зиций сопряжения парадигм терминоведения и переводоведения». Стратегии передачи смыслов судебного дискурса в паре языков финский—русский были предложены *Н.Б. Исолахти* (Финляндия, Тампере) в докладе «Опустить за ненадобностью — точность перевода судебного допроса». С докладом о языке права в аспекте перевода в паре языков русский — итальянский «Язык права и перевод» выступила *Н.Н. Шестакова Ди Франко* (Италия).

Дидактике устного перевода посвящён доклад *Н.М. Кулешовой* (Россия, Москва) «Особенности методики преподавания устного перевода с иностранного языка и на иностранный язык в современных условиях».

Приёмам передачи на синхроническом и диахроническом уровне ключевой семантики дискурсов разных видов были посвящены доклады *Н.И. Голубевой-Монаткиной* (Россия, Москва) «Словарь русской философии в русском прочтении» и *Н.Н. Мироновой* (Россия, Москва) «Историческая вариативность в переводном дискурсе». Сопоставительному историческому анализу языков посвятили свой мультимедийный доклад *Т.М. Шомахова* и *Х.М. Пхитиков* (Россия, Кабардино-Балкария, Нальчик) «Шумеро-аккадские, ассирово-вавилонские, хатто-хетто-адыгские параллели в зеркале перевода (на материале клинописных текстов)».

Большое внимание было уделено вопросам методики преподавания русского языка в мире, были обсуждены проблемы лингводидактического описания и преподавания русской фонетики, лексики, грамматики в практике преподавания РКИ: доклады *М.Е. Коровкиной* (Россия, Москва) «О влиянии национальной картины мира на перевод (на примере особенностей перевода русскоязычных бессубъектных конструкций на английский язык)», *Г.М. Литвиновой* (Россия, Москва) «Родной язык как основа формирования языковой личности».

Главный редактор учебно-издательского центра «Златоуст» (Россия, Санкт-Петербург) *А.В. Голубева* и *А.Л. Бердичевский* (Австрия, Бургенланд) поделились опытом создания национально-ориентированных словарей, учебников и учебных пособий, созданных в русле актуального аутентичного дискурса. Были предложены новые подходы к организации обучения РКИ: методы и технологии, межкультурные учебники и учебные пособия мультимедийных средств по русскому языку как второму или третьему иностранному и межкультурного учебника по русскому языку как семейному для детей соотечественников за рубежом.

В последний день конференции состоялись рабочие встречи и мастер-классы.

К началу работы конференции вышли Материалы конференции: «**Русский язык и культура в зеркале перевода**». Материалы Меж-

дународной научной конференции. 25—30 апреля 2014 г.: электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2014. 729 с. ISBN 978-5-19-010937-5.

По окончании конференции участникам были выданы сертификаты установленного образца об участии в работе конференции.

По итогам конференции планируется публикация материалов (оформленных по правилам рецензируемых журналов), отобранных научным комитетом конференции и редколлегией журнала в специальном научном журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 года) и включён в список работ, рекомендуемых для публикации ВАК РФ.

В настоящей рецензии главное внимание уделено докладам, в которых языковая (лингвистическая) и межъязыковая (переводческая) компетенции актуализируются в виде основной задачи исследования.

Список литературы

- Список литературы составлен с учётом актуальности тематики конференции.
- Артемченко Н.А.* Хайдеггеровская «потерянная рукопись»: на пути к «Бытию и времени». СПб.: ИЦ Гуманитарная академия, 2012. 128 с.
- Бердичевский А.Л.* Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе. РЯЗР. 2/2002.
- Вьюнов Ю.А.* Государство и менталитет, традиции русского народа в историческом контексте. Русский язык и культура в зеркале перевода. Мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (25—29 апреля 2012 г. Греция, Салоники). МГУ им. М.В. Ломоносова. Высшая школа перевода. Россия — Греция. М., 2012.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 543 с.
- Гарбовский Н.К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. М., 2012.
- Гарбовский Н.К.* Семь вопросов дидактики перевода или scopos-дидактика переводческой деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 4. 2012.
- Голубева-Монаткина Н.И.* Русский переводчик французских президентов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 23—30.
- Есакова М.Н.* Теория фреймов как способ представления действительности и категория ситуативных реалий // Труды Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. Книга первая. 2005—2010. М., 2010. С. 182—199.
- Есакова М.Н., Литвинова Г.М.* Особенности преподавания русского языка в русскоязычной аудитории (к проблеме подготовки переводчиков) // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка и в переводе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.

- Иноуэ Ю.* Обучение японских студентов русскому стихосложению // Серия 5 Педагогичні науки: реалії та перспективи, выпуск 29. Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова. Киев, 2011. С. 77—81.
- Какзанова Е.М.* Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.21. М., 2011. 350 с.
- Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 820 с.
- Костикова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 3. 2010. С. 44—55.
- Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2007. 256 с.
- Миронова Н.Н.* Когнитивные аспекты перевода художественной литературы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 3. 2013. С. 77—83.
- Миронова Н.Н.* Тенденции развития теории дискурса // Дискурс: гуманитарный контекст: Сб. науч. статей. Сост., отв. ред. Н.В. Гоноцкая. Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 55—64.
- Михайлов А.В.* Вместо введения // Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М.: Гнозис, 1993. С. VII—LII.
- Мишуров Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1—3; 2014. № 1.
- Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», а также «Problems of Translation: “Onegin” in English» (“Partisan Review”, New York, 1955, fall XXII); «Заметки переводчика, I» («Новый журнал», New York, 1957, XLIX); «Заметки переводчика, II», («Опыты», New York, 1957, VIII); “The Servile Path” (“On Translation”, ed. R. Brower. Cambridge, Mass., 1959) [http://www.libtxt.ru/chitat/nabokov_vladimir/39254-kommentariy_k_romanu_evgeniy_onegin.html. Дата доступа: 1.02.2014].
- Нелюбин Л.Л.* Наука о переводе: история и теория с древнейших времён до наших дней. М.: Наука, 2006. 317 с.
- Разумовская В.А.* Булгаковский текст в китайских переводах: переводимое и непереводаемое / Ян Минбо // Михаил Булгаков, его время и мы / Под ред. Г. Пшебинды, Я. Свежего. Краков: Scriptum, 2012. С. 707—723.
- Татаринов В.А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. М.: Моск. лицей, 2006. 528 с.
- Тувим Ю.* «Четверостишие в работе» / Czterowiersz na warsztacie / Пер. А. Эппель. Polska, Warszawa: Instytut Książki, Новая Польша, 2000. № 6. С. 3—17.
- Уржа А.В.* Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2009. 292 с.
- Шекспир У.* Юлий Цезарь / На английском и русском языках. Переводы Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича, А. Величанского; Сост., предисл. и коммент. А.Н. Горбунова. М.: Радуга, 1998. 304 с.

- Шомахова Т.М.* Невербально-вербализованный акт коммуникации акт-перспективы развития // Преподавание иностранных языков и культур в начале XXI: инновации и традиции. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. С. 344—349.
- Якобсон Р.О.* О лингвистических аспектах перевода / Пер. с англ. Л.А. Черняховской // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. 455 с.
- Ясперс К.* Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2012. 384 с.
- Dijk, T.A. van.* Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1. Disciplines of Discourse. Academic Press, 1985.
- Garbovskiy, N., Kostikova, O.* Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm. // Méta, Montréal: Les presses de l'Université de Montréal. 2012. Vol. 57, N 1. P. 48—66.
- Isolahti, N.* Tulkkauksen tarkkuus rikosoikeudenkäynnissä — saavuttamaton ihanne: Дисс. ... докт. философии. Nina Isolahti. Tampere: Tampere University Press, 2014. 244 p.
- Mironova, N.N.* Wortwahl im politischen Diskurs // Die Ordnung des Standard und die Differenzierung der Diskurse / Akten des 41. Linguistischen Kolloquiums in Mannheim 2006. Frankfurt a/M: Peter Lang Verlag, 2009. S. 411—416.
- Човић, Б.* Стил историјске прозе А.Н. Толстоја. Нови Сад: Институт за стране језике и књижевности. Књ. 14. 1991.
- Човић, Б.* Поетика књижевног превођења. Београд: Научна књига, 1994. 277 с.

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате ПДФ;

— *примечания* в виде подстраничных сносок. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8-495-939-33-48.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и ее соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.